
АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА
СЕРИЯ ЕГИПЕТ

М. А. КОРОСТОВЦЕВ

ПИСЦЫ
ДРЕВНЕГО
ЕГИПТА

Журнал · Нева
Летний Сад

Санкт-Петербург

2001

К68

*Под общей редакцией
А. С. Четверухина*

Коростовцев М. А.

К68 Писцы Древнего Египта. — Под общей редакцией А. С. Четверухина. — СПб.: Журнал «Нева»; «Летний Сад», 2001. — 368 с.

*Художественное оформление
С. А. Булачевой*

Книгу составили труды выдающихся русских египтологов Ю. Я. Перепёлкина и М. А. Коростовцева, посвященные возникновению и развитию иероглифической письменности в Древнем Египте.

*Работа М. А. Коростовцева публикуется по изданию:
Коростовцев М. А. Писцы Древнего Египта. М.: Издательство восточной литературы, 1962.*

Работы Ю. Я. Перепёлкина публикуются впервые.

**ISBN 5-87516-211-2 Журнал «Нева»
ISBN 5-89740-053-9 «Летний Сад»**

© Журнал «Нева», 2001
© «Летний Сад», 2001

ПИСЦЫ
ДРЕВНЕГО
ЕГИПТА

ОТ АВТОРА

Культура Древнего Египта — творение египетского народа¹ — была одним из краеугольных камней всемирной цивилизации. Именно поэтому современная наука проявляет к ней особый интерес.

Кто же именно из египтян создавал и развивал культуру Древнего Египта?

Легче поставить этот вопрос, чем ответить на него. Главная трудность заключается в том, что чаще всего нам неизвестны имена авторов литературных и других текстов, а тем более какие-либо сведения о них. Это обстоятельство легло в основу широко распространенного мнения о безымянности произведений египетской культуры. Некоторые египетские литературные тексты могут рассматриваться как записанный фольклор, например, сказка о двух братьях, сказка об обреченному царевиче и др., чего нельзя сказать о таких произведениях, как рассказ Синухе, рассказ о злоключениях красноречивого селянина и др. С еще большим основанием это следует отнести к другим текстам, не являющимся произведениями художественной литературы. А. Гардинер сказал о тексте, известном в науке под названием «Мем-

¹ Gardiner A. Egyptian Grammar. 3rd. ed. London, 1957. P. 4. n. 1.

фисская теология», сохранившемся от времен XXV династии, но, несомненно относящемся к эпохе Древнего Царства, и о медицинском папирусе Э. Смита: «Они являются творением индивидуумов, умственный уровень которых намного превышал окружающую среду».

Как мы увидим дальше, авторов некоторых текстов можно установить. Это были писцы, причем большинство из них выполняли и административно-хозяйственные функции. Они представляли собой что-то вроде служилой интеллигенции, интересы которой ограничивались корыстными и карьеристскими соображениями, о чем совершенно недвусмысленно говорят многие наставления, адресованные учителями-писцами ученикам.

В данной работе рассматривается вопрос о роли личности автора письменных памятников в истории египетской культуры¹.

В главах V и VI выясняется, насколько египтянам был знаком язык окружавших их народов и в какой степени эти народы знали египетский язык, а также как язык египтян способствовал усилению влияния египетской культуры на духовную жизнь других народов.

В конце работы помещены переводы египетских текстов, сделанные с изданий египетских подлинников. Перевод не везде буквальный, в противном случае он был бы малопонятен. Заголовки, стоящие под порядковыми номерами, даны современными учеными.

¹ Точно такое же явление в области искусства было установлено и исследовано в работе М. Э. Матье (*Матье М. Э. Роль личности художника в искусстве древнего Египта // Государственный Эрмитаж. Труды Отдела востока. Ч. IV. Л., 1947; Roeder G. Waren die Künstler des Pharaonenreichs auch Persönlichkeiten? // FuF. 1947. Hft 21—33. S. 198—204; Wilson J. A. The artist of the Egyptian Old Kingdom // JNES. Vol. 6. 1947. P. 231—249*).

Писцы Древнего Египта

Как первый опыт постановки вопроса и исследования роли писцов в развитии египетской культуры настоящая работа, естественно, далеко не совершенна и не претендует на полноту охвата существующего материала.

ГЛАВА I

ОБЩИЕ СВЕДЕНИЯ О ПИСЦАХ ЕГИПТА

В египетском языке существует гнездо слов, происходящих от корня *sš*, который является носителем понятия «писать»¹. Египтяне в своем письме обозначали только согласные звуки, а гласные опускали, а потому в отношении тех слов этого гнезда, которые не имеют ни префикса, ни суффикса, невозможно установить, отличались ли они друг от друга огласовкой. Во всяком случае мы вынуждены принимать их как омонимы (в письме они различаются своими детерминативами).

Согласные звуки *sš* содержались в словах следующих значений: 1) письменный прибор, 2) писать (текст); писать (рисунок кистью), 3) текст, книга, рисунок, 4) письмо (в смысле системы письма), 5) писец, живописец, 6) папирус (как материал, на котором пишут); слова *sšjt* «написанное»

¹ Ср. русский корень *пис* и производные от него слова: писать, писец, писарь, писчий, письменный, письмо и т. д. (Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1887. Т. III. С. 112—114). [Корень «писать» — всегда производный от глаголов типа «царапать» и пр. Может быть, и в египетском языке он имел отношение к чему-то аналогичному, например, к корню *zš* «резать». См.: Faulkner R. O. A Concise Dictionary of Middle Egyptian. Oxford, 1964. P. 246; Meeks D. Année Lexicographique, Egypte Ancienne. T. 2 (1978). Paris, 1981. P. 350, №. 78. 3820. — А. Ч.]

и *sšjt* «женщина-писец» (отмечено только один раз в тексте Среднего Царства) произведены от корня *sš* с окончанием *jt*¹.

Таким образом, для обозначения понятия «писец» употреблялось слово *sš*, имевшее обыкновенно детерминатив человека. На более поздних этапах развития языка — в демотическом и коптском языках — последний звук корня *š* переходит в *h*: в демотическом слово *sš* «писец» пишется *sh*², в коптском языке *caȝ*. Это коптское слово имеет также значение «учитель», соответствующее греческому *διδάσκαλος*³. Для египетского слова *sš* «писец» берлинский словарь этого значения не приводит, хотя, несомненно, в некоторых случаях оно имело такое значение.

Египетские тексты разных эпох свидетельствуют, что существовали разнообразные должности, занимаемые писцами.

Так, в текстах встречаются *sš mdȝt* «писец документов»; *sš ȝt* «писец писем» (секретарь фараона или иностранного царя); *sš mȝr* «писец войска», *sš nsw imj-r mȝr wr* «царский писец — старший военачальник»; *sš nsw wr swnw* «царский писец, великий (искусством) врачевания»; *sš mdȝt nȝr* «писец “Книги бога”»⁴ йероглифатеūс и др.

Первые данные о писцах восходят к глубокой древности: мы их находим в «Текстах пирамид»⁵. Здесь можно прочесть следующее: «О писец, писец, разбей письменный

¹ Wb. Bd III. S. 475—481.

² Erichsen W. *Demotisches Glossar*. Kopenhagen, 1954. S. 460.

³ Crum W. A Coptic dictionary. London, 1939. P. 383b.

⁴ Wb. Bd III. S. 480—481.

⁵ Текст 954 по нумерации Зете (*Crapow H. Zur Bedeutung und Geschichte einer Hieroglyphe // ZÄS. Bd 49. 1911. S. 116—117*).

прибор твой, разломай кисть свою, раскроши папирусные свитки свои». Известно, что «Тексты пирамид» являются одними из древнейших египетских текстов. Как показал К. Зете, по крайней мере часть их относится ко времени, предшествующему объединению Египта, когда еще существовали независимые царства Верхнего и Нижнего Египта¹. И хотя «Тексты пирамид» были записаны во времена V и VI династий, их архаическое происхождение подтверждается не только языком², но и содержанием. Г. Позенер имеет все основания предполагать, что на протяжении веков эти тексты передавались устно из поколения в поколение³. Напомним, что в гробнице сановника времен I династии по имени Хемака были обнаружены куски неисписанного папируса. В настоящее время они находятся в Каирском музее и свидетельствуют о том, что и в те отдаленные времена из растения-папируса изготавлялся специальный материал, на котором писали. Это были как раз те папирусные свитки, о которых упоминается в приведенном отрывке из «Текстов пирамид».

Древнейшая скульптура писца дошла до нас от эпохи Раннего Царства. Это безымянная статуя, изображающая человека, сидящего на полу со скрещенными ногами и с развернутым на коленях папирусом, т. е. в профессиональной позе, в которой египетские скульпторы на протяжении последующих веков изображали писцов. Скульптура находится в музее Чикагского университета. Опубликовавший ее Х. Ранке предполагает, что это была статуя везиря времен

¹ Sethe K. Zur Datierung der Pyramidentexte // ZÄS. Bd 38. 1900. S. 64.

² Edel E. Altägyptische Grammatik. Roma, 1955. Bd I. § 14.

³ Posener G. Exposé sommaire sur les premiers livres édites dans le monde chamito-sémitique. II. En Egypte // GLECS. Vol. 4. 1945—1948. P. 75—76.

II династии, и добавляет: «Во всяком случае это самое древнее изображение человека, занимающегося умственным трудом, которое дошло до нас из Египта»¹.

Подлинным шедевром мирового искусства является знаменитая «статуя писца». Оригинал хранится в Лувре. Она была найдена в конце 1850 г. во время раскопок Некрополя Древнего Царства в Саккара знаменитым О. Мариеттом.

Даже такие крупные ученые, как Г. Масперо и Г. Бенедит, считали, что она изображает скромного писца, находящегося на службе у важного вельможи. Однако подобное мнение ошибочно: это статуя некоего Каи, занимавшего высокий административный пост *‘d mr* (нечто вроде губернатора нома). Она была найдена в мастаба, в которой погребен Каи. В той же мастабе обнаружили и другую статую Каи, но уже в обычной для сановников позе — сидящим на стуле². Эти две статуи свидетельствуют о том, что Каи дорожил не только своим положением сановника, но и гордился тем, что он писец, т. е. — по тем временам — образованный человек.

Из дошедших до нас текстов из мастаба сановников Древнего Царства очевидно, что многие египетские чи-

¹ Ranke H. Die archaische Statue eines Schreibendes // ZÄS. Bd 75. 1939. S. 89—92.

² Capart J. The name of the scribe of the Louvre // JEA. Vol. 7. 1921. P. 186—190. — Эта статуя отлично воспроизведена в книге М. Матье (Матье М. Искусство древнего Египта. М., 1958. Табл. 21, 22). В египетской коллекции Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина хранится статуя писца в разных позах (Матье М., Павлов В. Памятники искусства древнего Египта в музеях Советского Союза. М., 1958. Табл. 7, 21—23, 26, 32, 61). Эти памятники относятся к Древнему, Среднему и Новому царствам. Только неизвестный по имени писец на табл. 22 изображен в профессиональной позе.

новники того времени были людьми грамотными. Приведем некоторые данные из масштаба войскового писца по имени Каипер (*K3i-pr*) начала V династии¹. В текстах его масштабы перечисляются названия должностей (и титулы), которые он последовательно занимал. Всего их было 27, при этом 11 содержат слово *sš* «писец». Приведем их здесь полностью:

- 1) *sš mr(w) s3bt* «писец пастбищ пестрого скота»;
- 2) *sš pr md3t* «писец дома документов»;
- 3) *s3b shd sš* «магистрат, надзиратель писцов»;
- 4) *s3b sš md3t* «магистрат, писец документов»;
- 5) *...s3b sš* «...магистрат, писец»;
- 6) *sš mš^c nswt m Wnt* «писец царского войска в *Wnt*»;
- 7) *sš mš^c nswt m Šrr* «писец царского войска в *Šrr*»;
- 8) *sš mš^c nsw.t m Tp* «писец царского войска в *Tp*»;
- 9) *sš mš^c nswt m Jd3* «писец царского войска в *Jd3*»;
- 10) *sš mš^c nswt m Htjw-fk3t* «писец царского войска в Вади-Магара»;
- 11) *sš mš^c nswt m h3swt innitt i3bt* «писец царского войска в странах запада и востока».

Любопытно отметить, что Каипер начал свою карьеру с должности *tmw s3bt* «пастуха пестрого скота», а кончил в качестве *imj r k3t nswt* «начальника царских работ». Все должности, которые он занимал на протяжении жизни, были хозяйственными и административными.

Каипер не исключение; тексты масштаба других сановников Древнего Царства полностью это подтверждают.

Несомненно, во времена Древнего Царства вельможи и сановники были писцами и очень часто занимали ответственные посты в египетской государственной иерархии.

¹ Fischer H. G. A scribe of the army in a Saqqara mastaba // JNES. Vol. 18. 1959. P. 233, 272.

Читать и писать умели и фараоны, начиная с Древнего Царства: в «Текстах пирамид» (1146) умерший царь назван «писцом божьей книги» и в качестве такового предстает в загробном мире перед верховным богом Рэ. Из автобиографической надписи вельможи Хуэфхора нам известно, что он находился в переписке с самим фараоном Пепи II (VI династия)¹. Это следует из содержащихся в тексте надписи данных о двух других фараонах Древнего Царства: о Снефру и Исеси.

В литературном произведении эпохи Среднего Царства, в пророчестве Нефертти, говорится, что последний фараон III династии Снефру лично записал пророчество Нефертти: «Затем он (его величество) протянул руку к ларцу с письменными принадлежностями. Он взял себе папирус и письменный прибор и стал записывать то, что сказал жрец-чтец»². Фараон V династии Исеси «писал сам своими двумя пальцами» (Urk. I. 60, 8). В Текстах Среднего Царства также есть аналогичные примеры.

В большой надписи фараона Нефертхотепа (XIII династия) содержатся весьма интересные факты, говорящие о грамотности царя. Желая проявить свое благочестие к богу Осирису, фараон предпринял ряд мер для прославления этого божества, о чем оставил большую надпись, из которой приводим интересующие нас места.

Строки 2—3: «Когда его величество взошел на трон Хора живых во дворце, обратился он к знатным и “друзьям”, окружавшим его, и к подлинным писцам божьего слова (*sšw mȝr n mdw ntr*), к посвященным во все тайны».

¹ Erman A. Der Brief des Königs *Nfk-k ȝ-rē* // ZÄS. Bd 31. 1893. S. 65—73; Edel E. Inschriften des Alten Reiches. V. Die Reiseberichte des *Hrw-hwjjf* (Herchuf) // Ägyptologische Studien. S. 57: Urk I, 12—12.

² Папирус № 1116В Государственного Эрмитажа, стк. 15, 16.

Далее слова фараона: «Желает сердце мое узреть извечные книги (бога) Атума. Разрешите мне их для большего обозрения (*siptj*), пусть узнаю (я) бога в облике его и эннеаду в облике ее».

Строки 6—7: «Тогда сказали эти “друзья”: “Да сбудется то, что ты приказал, царь и владыка! Да проследует величество твое в книгохранилище (*prw n s̥s*), и да узрит величество твое божье слово (*mdw ntr*”). Проследовал его величество в дом книги (*pr mdȝt*). Развернул его величество писания вместе с этими “друзьями”, и тогда нашел его величество писание “дома Осириса Хентиаментиу, владыки Абидоса”. Сказал его величество этим “друзьям”».

Строка 8: «Величество мое хочет защитить отца моего Осириса Хентиаментиу, владыку Абидоса. Я создам его и его эннеаду в соответствии с тем, что я видел в писаниях...»

Строка 21: «Нашел его величество сам эти писания вечности, и никогда еще не находил это (древний текст. — М. К.) ни один писец, который был в свите его величества»¹.

В Текстах Среднего Царства встречаются названия должностей, которые занимали писцы.

Многими данными о писцах эпохи Нового Царства мы обязаны серии очень интересных папирусов, относящихся к XIX и XX столетиям до н. э., которые А. Эрман правильно назвал «школьными рукописями»². Это тексты самого разнообразного содержания: письма официальных и частных лиц, гимны божествам, восхваления фараону и другие документы. Но чаще всего встречаются наставления учите-

¹ Pieper M. Die grosse Inschrift des Königs Neferhotep in Abydos. Leipzig, 1929.

² Griffith Fr. Hieratic Papyri from Kahun und Gurob. London, 1898. P. 114; Erman A. Die ägyptischen Schülerhandschriften // APAW. Phil.-Hist. Kl. 1925. № 2.

ля-писца начинающему или нерадивому ученику. Дидактический характер текстов отметил еще А. Эрман, сославшись на заглавие папируса Салье I «Начало поучения писать письма, которое сделал писец Пентаур...».

Наряду со «школьными» рукописями имеются тексты, освещдающие положение и деятельность писцов во времена Нового Царства и позже.

Все изложенное выше показывает, что писцы в эпоху Нового Царства, как и в предшествующие периоды истории Египта, были заняты преимущественно административно-хозяйственной деятельностью. Остановимся на этом подробнее.

В папирусе Болонья 1094 имеется письмо, написанное царским писцом Птаемхебом и адресованное начальнику оружейной мастерской фараона. В письме содержатся указания, что именно надо сделать в связи с приближающимся юбилеем царствующего фараона (1,3—1,9). В том же папирусе мы находим другое письмо, написанное писцом Maxу из оружейной палаты фараона на имя писца Паухема, содержащее административно-хозяйственные распоряжения (1,9—2,3). Там же есть письмо писца Паухема его начальнику писцу Инхорреху о продовольствии для лошадей, где сообщается о бегстве двух рабов (2,7—3,5). В другом письме Maxу из оружейной мастерской фараона перечисляет Паухему, что он должен сделать в связи с приближающимся царским юбилеем (4,2—4,10).

Еще в одном письме писец Паухем просит своего начальника из оружейной мастерской фараона, писца Maxу, принять меры к тому, чтобы освободить трех молодых людей, предназначавшихся по указанию вазира к жреческой службе (5,1—5,8). Наконец, в том же папирусе мы находим упоминание о «начальнике хранителей документов войска, Хеви...» (2,9—2,10).

В папирусе Анастаси III есть письмо писца Аменемопе писцу Пайбесу, в котором последнему поручалось получить с писца Рэйана налоги, взысканные тем с персонала храма Рамсеса-Миамуна в Илиополе. В папирусе Анастаси IV находим письмо о ремонте судна, написанное писцом сокровищницы Кагаба писцу Иннана. В том же папирусе содержится доклад писца Кагаба своему начальнику, носителю опахала справа от царя и писцу, и начальнику сокровищницы Прэемхабу о ходе украшения царского дворца. В папирусе Анастаси V писец и военачальник Рэмосе приказывает каменщику Ари выполнить некоторые работы (22,1—22,6). Объемистое письмо писца Иннана его начальнику из сокровищницы Кагаба содержится в папирусе Анастаси VI (1,7—4,10). В нем говорится о ткачах, о налогах и т. д. Тот же Иннана пишет Кагаба, что племя кочевников переменило место своего пребывания (4,11—5,5). В том же папирусе следует текст еще одного письма, опять-таки писца Иннана к Кагаба о разных административных вопросах.

В папирусе Салье I содержится письмо начальника хранителей документов сокровищницы фараона Аменемопе писцу Пентауру с предписанием доставить скот и сельскохозяйственные продукты (3,9—4,5). Затем следует ответ Пентаура Аменемопе (4,5—5,4). Там же есть короткое письмо писца Аменемопе к писцу Пайбесу с указанием подготовиться к приезду фараона (5,5—5,8).

Далее находим письмо Аменемопе уже упомянутому Пентауру о неправильном распределении земли. В письме, написанном царским писцом и начальником «дома миллионов лет» царя Верхнего и Нижнего Египта фараона Мернепта (заупокойного храма этого царя) Хорнахтом и адресованном чиновнику Ментихеншефу, говорится о плохом качестве присланного зерна (9,1—9,9).

В папирусе Лансинг есть частное письмо писца Аменуа к царскому писцу и главному начальнику над скотом, принадлежащим царю богов Амону-Рэ (verso I—II).

В папирусе Турин В имеется письмо двух писцов к их начальнику о разных хозяйствственные вопросах (verso, 1,2—2,3). Далее в том же папирусе следует письмо титулованного фиванского писца по имени Хаунефер к Хори, писцу области, о производстве строительных работ в храме фараона Рамсеса II. Хаунефер в письме назван «царским писцом, управляющим именем царя, князем Фив». Знаменательно, что перечень титулов начинается словами «царский писец» (verso, 2,3—4,2). Это лицо упоминается и в папирусе Анастаси VI в письме Иннана к Кагаба (81). Следовательно, Хаунефер, как и эти два писца, жил во времена Мернепта Сиптаха и Сети II, т. е. в конце XIX династии.

В папирусе Лейден 348 писец Каусер в письме к своему начальнику писцу Бакенпта сообщает о разных хозяйственных делах. В другом письме того же папируса писец Бакенпта сообщает Каусеру об имеющейся в его распоряжении рабочей силе; здесь же упоминаются и администрации всякого рода, и люди физического труда, и квалифицированные ремесленники, и др. (verso, 9,7—10,4).

В функции писцов также входил сбор налогов, нередко сопровождавшийся жестокими наказаниями неисправных плательщиков; о том, как это происходило, красочно повествует поучение в папирусе Анастаси V. У несчастного земледельца погиб весь урожай, и вот появляется писец со свитой и требует уплаты положенного налога. Несостоятельный земледелец не может внести этот налог, и его тут же избивают, а семью захватывают и увозят. Соседи, зная, что их ожидает та же участь, в страхе бегут. Описание расправы заканчивается сентенцией: «Но писец — он руково-

дит всеми, и не обложена налогами работа в письме. На нее нет налогов. Заметь себе это» (прилож. 17).

Любопытно отметить, что эта сцена очень напоминает то, о чем писал арабский историк Ибн-Айас, говоря о порядках в Египте времен мамлюков: «Притесняли они (кяшифы) феллахов и добывали у них деньги битьем, а у тех, которые бежали, схватывали жен и детей, и была разграблена большая часть земель, и бежали с них феллахи, и хлеб оставался на корню»¹.

Очень интересные сведения о положении писцов в египетском обществе можно почерпнуть из разных текстов, и в первую очередь из «поучений» писцам. На этих текстах следует остановиться подробнее. В основном они относятся ко временам XIX и XX династии, но описанные в них факты и высказанные мысли характерны как для предшествующих, так и для последующих времен.

Уже в «Поучении Ахтоя, сына Дуауф», дошедшем до нас в версиях от времен Нового Царства, но восходящих к оригиналу Среднего Царства, совершенно определенно говорится о том, что «нет должности без подчинения, исключая писца: он (сам) руководит другими» (прилож. 1). В этом же поучении сказано, что в конце не дошедшей до нас книги *Kmtjt* написано: «Если писец на каком-либо месте своем в резиденции (фараона), не будет нуждаться он там. Он никогда не выходит из милости (начальства), сам он удовлетворяет желание другого». Далее подчеркивается: «Вот, нет писца без продовольствия и вещей (из царского дворца)», и в то же время подробно описываются тяжелые невзгоды, связанные с другими профессиями. В современной науке «Поучения Ахтоя» названы «сатирий над ремеслами».

¹ Ибн-Айас. Т. IV. С. 262. Цит. по: Семенова Л. Аграрные отношения в Египте накануне турецкого завоевания (дисс.).

Мысль о том, что призвание писца выше всех других, высказана очень определенно в папирусе Анастаси II. «Будь писцом. Освобожден он от всяких (физических) повинностей; он защищен от работы всякой. Избавлен он от мотыги и кирки. Ты не будешь таскать корзин. Отдалит это тебя от гребли веслом и избавит тебя от (сечения) прутьями, не будешь ты находиться под (началом) многих господ, под (властью) многочисленных начальников» (прилож. 3). Кончается поучение следующими словами: «Это он руководит работой всякой в стране этой». В начале поучения в папирусе Анастаси III сказано: «Обрати сердце свое к деятельности писца, и ты будешь руководить всеми» (прилож. 9).

В папирусе Анастаси V поучение заканчивается так: «Но писец — он руководит всеми, и не обложена налогами работа в письме. На нее нет налогов. Заметь себе это» (прилож. 17). Там же содержится еще одно поучение: учитель обращается к нерадивому ученику и рассказывает о том, как он сам когда-то не хотел учиться, как за это его наказывали и как в конце концов он превратился в писца, и усиленно уговаривает ученика также стать писцом. Заключает он поучение словами: «Поступай (же ты) соответственно тому, что сказал я, и будет здраво тело твое, и будешь найден ты завтра не имеющим начальников (над собой)» (прилож. 18).

В поучении из папируса Салье I читаем о рядовом человеке: «Когда работает он, и не отыхают (?) силы его, (когда) тяжелая работа перед ним, не приносит ему слуга воды, и жена не готовит пищу» (прилож. 21).

В папирусе Лансинг содержится восхваление профессии писца, где, между прочим, сказано: «...сближается он с большими, чем он сам», и заканчивается текст словами: «Что касается письма, то для знающего его полезнее оно, чем лю-

бая должность. Сладостнее оно, чем хлеб и пиво, чем одежда, чем умащение, счастливее, чем наследство (в самом) Египте (в долине Нила) или чем гробница (в пустыне) на западе» (прилож. 25). Следующее поучение, помещенное в том же папирусе, имеет приблизительно такой же конец: «Что касается письма, то оно сладостнее, чем услаждение сердца (посредством подношения) корзины с лакомством *b3j* и рожками. Сладостнее оно, чем (радость) родившей матери, сердце которой не утомлено и (которая) крепка, кормя своего сына, во рту которого находится ее грудь ежедневно. Радостно сердце писца, оно молодеет ежедневно» (прилож. 26). В том же папирусе находится еще одно поучение, где доказывается, что решительно все призвания хуже профессии писца. Оно кончается словами: «Только (один лишь) писец (избавлен от всего этого), и он учитывает работу всех. Заметь себе это» (прилож. 28).

Одно из последующих поучений того же папируса показывает привилегированное положение писца: он свободен, богат и освобожден от физической работы (прилож. 31).

Наконец, в папирусе Британского музея 10 684 о положении писца говорится: «Это писец облагает налогом Верхний и Нижний Египет. Он получает (налоги) с них. Он учитывает все. Все воины под его рукой. Это он вводит вельмож в присутствие (его величества) и ставит каждого человека на его (?) место. Это он распоряжается всей страной. Всякое дело под его надзором. Будь писцом, чтобы тело твое было лоснящимся и рука твоя мягкой, чтобы выходил ты в белом (одеянии), почитаемый и приветствуемый знатью» (прилож. 35).

Прежде всего необходимо подчеркнуть явно выраженный утилитаризм всех этих поучений. Молодого человека или юношу увещевают стать писцом не для того, чтобы пробудить в нем духовные интересы, а только потому, что про-

фессия писца самая привилегированная: во-первых, писцы избавлены от тяжелой физической работы; во-вторых, они всегда обеспечены; в-третьих, не платят никаких налогов и не несут повинностей; в-четвертых, не имеют над собой множества начальников, как остальные смертные. Писцы сами руководят всякими работами и имеют возможность занять самые высокие посты в государстве.

Понятно, что положение писцов в египетском обществе было исключительным и заманчивым.

Поскольку во всех поучениях рекомендуется избрать именно профессию писца, а не какую-либо другую, совершенно очевидно, что выбор профессий не был ограничен. Из некоторых документов нам известно, что писцами были не только дети знати и высокопоставленных лиц. Нередко писцами становились выходцы из народа. В этом отношении очень интересны слова из «Поучения Ани». «Нет сына, чтобы (стать) начальником сокровищницы, нет наследника начальника канцелярии, вельможи, контролера и писца, искусного своей рукой и в своей работе, а это не то, что дается детям (по наследству)» (прилож. 38).

Таким образом, должности писца не приобретались по праву наследства. Человек становился писцом исключительно в силу своей умелости. Однако это нисколько не противоречит тому, что существовали семьи, где должность писца передавалась из поколения в поколение. Например, во время раскопок, проводившихся египетским ученым М. Габра, в Ермополе был обнаружен текст позднего времени, в котором говорится о «царских писцах Хемену» из одной семьи на протяжении трех поколений¹. Подобные явления объясняются очень просто — не правом наследования, не

¹ *Gabra M. S. Compte-rendu des fouilles à Tounnah el Gebel // CdE. Vol. II. 1936. P. 35.*

замкнутостью корпорации писцов, а тем, что привилегированный и обеспеченный писец имел все возможности обучить сыновей своему делу, дать им соответствующую квалификацию и, следовательно, передать им свое положение в обществе. В доказательство этого приведем данные, собранные из фиванских остраконов Черны и обработанные им¹. Черны проследил судьбу одной семьи писцов фиванского некрополя на протяжении шести поколений.

Родоначальником этой семьи был некий Ипуи, часто упоминаемый в остраконах. Сам он писцом не был: ни в одном из текстов он так не назван. Сын его по имени Аменнахт, живший при Рамсесе III и его ближайших преемниках, был писцом. Везирь Та назначил его писцом царской усыпальницы в фиванском некрополе. Имя Аменнахта нередко встречается в текстах: он выступал в качестве свидетеля в ряде имущественных тяжб, возникавших между рабочими некрополя, участвовал в переговорах с рабочими, когда среди них возникли волнения, на 29-м году царствования Рамсеса III. Аменнахт был составителем (автором) гимна на одном из туринских остраконов, в котором воспеваются новые и якобы благодатные времена, наступившие вместе с восшествием на престол нового фараона Рамсеса IV.

У Аменнахта был сын по имени Хоршери, сменивший отца в должности писца царской усыпальницы. Карьеру писца Хоршери начал еще при жизни отца: он был у него в подчинении и занимался расписыванием стен гробницы изображениями и текстами. Хоршери был очень искусен в этом деле, ибо помимо служебных обязанностей он на стоя

¹ Černý J. Une famille de scribes de la nécropole royale de Thèbes // CdE. Vol. 11. 1936. P. 247—250; Christophe L. A. Sur le graffito 1247 de la nécropole thébaine // BIFAO. Vol. 56. 1957. P. 173—188.

роне расписывал саркофаги для служащих и рабочих некрополя и получал за эту работу хорошее вознаграждение. Но широкую известность Хоршери приобрел после того, как вместе с писцом Пайбесом сообщил градоначальнику Фив Пасеру о том, что в фиванском некрополе расхищают царские гробницы. Это разоблачение относится к 16-му году царствования Рамсеса IX.

У Хоршери был сын по имени Хаэмхеджет. От 17-го года царствования Рамсеса IX сохранились данные, свидетельствующие о том, что Хаэмхеджет, тоже ставший писцом, был начальником рабочих некрополя.

Сын его Тутмос начал рядовым рабочим в фиванском некрополе, но уже на 12-м году царствования Рамсеса XI он также стал писцом царской усыпальницы и совмещал исполнение этой должности с другими функциями. Он собирал налог с урожая земледельцев к югу от Фив, в 18-м году правления того же фараона руководил строительством судна для визиря, а также вместе с писцом Несаменемопе принимал участие в допросе обвиняемых в расхищении царских гробниц. В одном папирусе Британского музея, содержащем список жилых помещений в Дер-эль-Медине, упоминается и дом Тутмоса.

Когда после смерти Рамсеса XI Египет разделился на два независимых государства и в Фивах воцарился Херихор, Тутмос и его сын Бутехамун, также писец царской усыпальницы, очень сблизились с сыном Херихора, Пианхи, и его матерью, царицей Неджмет, и выполняли самые ответственные поручения. В частности, Бутехамун руководил переноской царских мумий в тайник, чтобы спасти их от ограбления и осквернения грабителями некрополя. Наконец, сын Бутехамуна был также писцом царской усыпальницы. Сохранился текст с его заупокойной молитвой об умершем отце.

Все эти сведения очень интересны. Во-первых, они свидетельствуют о том, что писцы руководили также работами, связанными с заупокойным культом царей. Во-вторых, они наглядно показывают, что передача должности писца по наследству была не юридически узаконенным явлением, а фактом, обусловленным в каждом конкретном случае семейной или социальной средой. Наследование должности писца в этой семье на протяжении полутора веков объясняется исключительно средой и квалификацией. Тутмос был вначале, как отмечалось выше, простым рабочим. Естественно, что его отец, писец, прилагал все усилия, чтобы сделать сына писцом и своим преемником. Что роль отца была именно такой, мы узнаем и из других текстов.

В музее «Метрополитен» (Metropolitan Museum) хранится фиванский остракон гиксосского времени, в котором говорится: «Писец этот ценен для (своего) владыки, это работник на его службе. О, открай свои книги, это полезно для тебя в высшей степени. Мой отец обучил меня славному искусству писания своих предшественников»¹.

В «Поучении Ахтоя, сына Дуауф» читаем: «Начало поучения, которое сделал человек из Чарет по имени Ахтой, сын Дуауф, для сына своего по имени Пепи. Направился он (Ахтой) на юг в резиденцию (фараона), чтобы поместить его (сына Пепи) в школу писцов среди детей вельмож, возглавляющих резиденцию» (прилож. 1). Здесь совершенно определенно говорится о том, что в школе учатся дети придворных вельмож. Но туда можно было поместить и сына простого смертного. Так, во времена фараона Мернепта в Тинисе был верховный жрец Анхурмес, который в

¹ Hayes W. A much copied letter of the early Middle Kingdom // JNES. Vol. 7. 1948. P. 9. — Ср. с данными из Шумера (см. прилож. 40).

своей автобиографии заявляет: «Я был бедняк, взятый в школу...»¹.

В среде писцов, естественно, существовала большая дифференциация: были простые писцы подобно упомянутому Тутмосу, на первых порах расписывавшему стены гробниц и саркофагов, и писцы, занимавшие высокое положение на иерархической лестнице.

Например, в списке писцов сокровищницы в папирусе Анастаси IV без титулов перечислены имена девяти писцов (прилож. 13). Это писцы, которые соответствуют слову «писарь». Наряду с такими писцами упоминаются и «царский писец, военачальник» (папирус Анастаси V, 21, 8), и «носитель опахала справа от царя, наследника (фараона) в зале (бога) Геба, жрец-сетем в Горизонте Вечности, царский писец, любимый им (царем)» (Папирус Анастаси IV, 4, 1), и «носитель опахала справа от царя, первый колесничий (его величества), командующий возничими, царский посланец (к правителям) стран Хару, начиная от Чел и до Иупа... (вплоть до) правителей Азии [Аменемопе]» (прилож. 4). Автор поучения, Аменемопе, «писец злаков Египта», как становится очевидным из многих его эпитетов, был очень влиятельной личностью в египетском государстве (прилож. 39).

Переход с низшей ступени на высшую не только не был запрещен, но, напротив, наблюдался часто, как об этом свидетельствуют многочисленные заупокойные биографии египетских сановников и иные документы. Из писем времен XII династии мы узнаем, например, что храмовый писец Хоремсаф стал впоследствии начальником храма².

Как известно, египтяне называли свое письмо «письмом слова бога», т. е. считали его откровением богов. Тот —

¹ Kees H. Die Laufbahn des Hohenpriesters Onhurmes von Thonis // ZÄS. Bd 73. 1937. S. 81.

² Scharff A. Briefe aus Illahun // ZÄS. Bd 59. 1924. S. 23.

бог луны и мудрости — считался покровителем знаний и письма, а также писцов.

На одном из обелисков фараона Тутмоса III написано, что фараон знал все, что происходит, и что он был подобен всеведущему богу Тоту¹. Если с этим богом сравнивали фараона, то у писцов бог Тот считался другом, покровителем и учителем, а сам он (Тот) среди египетских богов был богом-писцом: так, в известной мифологической повести о Хоре и Сете он выступает в качестве писца эннеады богов. Конечно, для земного писца бог-писец был идеалом и примером. В гл. 182 «Книги мертвых» в уста этого бога вложены следующие слова: «Я, (бог) Тот, писец отменный, с чистыми руками, обладатель двух рогов, прогоняющий зло, писец истины, ненавидящий грех, хранитель кисти Владыки Мира, владыка законов, творящий слово и письмо, слова которого создали обе страны...»². Московский остракон 4476 и Берлинский остракон Р 9026 составляют вместе одно поучение, оканчивающееся словами: «Для писца, владыки письма, который (всегда) обеспечивает работу тому, кто его любит, Тоту, владыке Ермополя...»³.

В надписи на маленькой статуе 2293 Берлинского музея, изображающей писца Хериуфа времен Аменхотепа III, содержится гимн богу Тоту, в котором Тот назван «дающим слово и письмо»⁴. В некоторых текстах Тот именуется «создателем языков»⁵.

¹ *Breasted H.* The obelisks of Thutmose III // ZÄS. Bd 39. 1901. S. 61.

² *Speelers L.* Le chapitre CLXXXII du Livre des Morts // RT. Vol. 40. 1923. P. 88.

³ *Posener G.* Section finale d'une sagesse inconnue // RE. Vol. 7. 1950. P. 72.

⁴ *Turajeff B.* Zwei Hymnen an Thoth // ZÄS. Bd 33. 1895. S. 123.

⁵ *Cerný J.* Thoth as' creator of languages // JEA. Vol. 34. 1946. P. 12; *Sauveterre S.* La différentiation des langages d'après la tradition égyptienne // BIFAO. Vol. 60. 1960. P. 31—41.

Писцы воспевали этого бога и обращались к нему за помощью. В папирусе Анастаси V мы находим молитву, обращенную к Тоту, о ниспослании умения хорошо писать: «Приди ко мне, Тот, ибис прекрасный, бог, любящий Ермополь, писец писем эннеады богов, великий в (городе) Уну. Приди ко мне и дай мне советы, сделай (так), чтобы искушен был я в должности твоей» (прилож. 15). В другом случае писец обращается к божеству с молитвой о заступничестве в потустороннем мире (прилож. 23). Сохранился гимн писца идолу бога Тота в виде павиана. Писец утверждает, что с момента, когда этот идол появился в его доме, ему стало сопутствовать счастье, и поэтому он желает счастья и своим соседям по улице (прилож. 7).

Помимо Тота покровительницей писцов считалась богиня письма Сешат, она же покровительница библиотек. Иногда в текстах ее называют «начальницей дома книги»¹.

К покровителям писцов относился и полубог Имхотеп: удалось установить, что у писцов сложился обычай перед началом работы совершать возлияние водой из сосуда, входившего в письменный прибор, в честь Имхотепа. На этот обычай впервые обратил внимание Г. Шэфер². О существовании этого обычая во времена XVIII династии писал А. Гардинер³. Наконец, Г. Позенер, ссылаясь на папирус 1116 В, хранящийся в Эрмитаже, отметил, что содержащие

¹ Montet P. Notes et documents pour servir à l'histoire des relations de l'ancienne Egypte et de la Syrie // Kemi. Vol. I. 1928. P. 85 [К неясности относительно связи корней, лежащих в основе имени этой богини и глагола «писать», см. также: Edel E. Altägyptische Grammatik. Bd I // Analecta Orientalia. 34. Roma, 1955. § 117 и. Anm. 1. S. 52. — A. Ч.].

² Schäfer H. Eine altägyptische Schreibersitte // ZÄS. Bd 36. 1898. S. 147—148.

³ Gardiner A. Imhotep and the scribe's libation // ZÄS. Bd 40. 1902—1903. S. 146.

ся в нем заключительные слова также указывают на отправление обычая возлияния, хотя там и не упоминается Имхотеп: возлияние совершается в честь автора текста: «Мудрец сделает (мне возлияние водой, когда увидит то, что я сказал) осуществившимся. Доведено до благополучия до конца писцом...». Г. Позенер полагает, что писцы производили возлияние не только в честь Имхотепа, но и вообще в честь выдающихся лиц¹.

В результате традиционного противопоставления умственного труда физическому и благодаря исключительно привилегированному положению писцов в египетском обществе их очень уважали: это отражено во всех поучениях писцам и в других текстах, особенно в эпитетах, которыми в них наделены писцы. В двух надписях, относящихся ко времени гиксосов, писец назван «тем, кого обучал сам Тот и в уста которого плонула богиня Сешат»². В автобиографии везиря Рехмира времени Тутмоса III описываются достоинства писца: «...каждый способный писец, умелый в писании, который будет читать написанное и толковать это своим сердцем, искусственным языком, с ясной мыслью, который проникает в значение слов и которого научил действовать, как надо, вышестоящий, вдумчивый и терпеливый, смелый в задавании вопросов—он (писец) мудрец, который услышит, что изрекали предки в прошедшие времена»³.

¹ Posener G. *Littérature et politique dans l'Egypte de la XIIe dynastie*. Paris, 1956. P. 36.

² Первая надпись — на стеле за № 46200 по инвентарному журналу Каирского музея из Эдфу, вторая — текст на писцовом приборе в Берлинском музее № 7798 (Polotsky J. An Egyptian epithet for a learned scribe // Bulletin of the Jewish Palestine exploration society. Jerusalem. Vol. 14. 1948. P. 5).

³ Gardiner A. The autobiography of Rekhmire // ZÄS. Bd 60. 1925. S. 75.

Представление о писцах как о мудрецах настолько укоренилось в сознании египтян, что даже отразилось в фольклоре. В папирусе Орбиней, тексте несомненно фольклорного происхождения, мы находим следующее место: когда прачечники фараона обнаружили в воде ароматный локон женщины из Долины Кедра, то «доставлены были *sšw r̥hi ht* «писцы-мудрецы» к фараону, да будет он жив, невредим, здрав» (11, 4), и именно они объяснили фараону происхождение этого локона. В находящейся в Эль-Каба гробнице вельможи Пахери, носившего титулы *ḥ3ti-‘* и «царский писец», обнаружен текст, где Пахери сам о себе говорит: «Сделала меня кисть моя знаменитым» (Urk. IV, 113, 2). В другом месте этого же текста он назван *ḥ3ti-‘* «начальником жрецов» (*ḥm-ntr*) Эль-Каба, «любимцем своего владыки, писцом, покойным Пахери». И далее: «Сделала его кисть его известным» (Urk. IV, 127, 8).

Очень интересен папирус Анастаси I, содержащий острую полемику между писцами Хори и Аменемопе. Первый из них, приближенный фараона, объезжает царских лошадей, второй — войсковой писец. Они обмениваются письмами, и Хори упрекает Аменемопе в недостаточных знаниях. В этом тексте о писце Хори говорится следующее: «Писец изысканный сердцем, терпеливый в суждении, словам которого радуются (люди), когда их слышат, искушенный в иероглифах. Нет ничего, чего бы он не знал. Он первый и в доблести и в искусстве (богини) Сешат; раб владыки Ермополя в зале писания, помощник учителя в палате письма; первый среди своих товарищ, возглавляющий своих сверстников, князь (среди) своих современников, не имеющий (себе) равного. Его заслуги пребывают в каждом юноше. Его рука вытягивается, и пальцы его возвеличивают юношу. Благородный, тонкий умом, посвященный в знание, счастливый из-за..., проворный в заполнении пустых

свитков..., проливающий свет на темные места летописей подобно тому, кто их написал...». Далее в том же тексте встречаем выражение: «Ты умен, как писец, и нет ничего, чего бы ты не знал» (прилож. 33). Приблизительно в таких же выражениях Хори обращается к Аменемопе. В этом же папирусе мы находим: «Писец (опытный) во всяком стиле (?)» (2, 5); писец сам отмечает свои способности и познания: «Я сделаю для тебя книгу, как приятную шутку» (8, 7).

Известное «Поучение Аменемопе» в какой-то степени проливает свет на этику писцов. Там мы находим несколько строк, предупреждающих писца о том, что он не должен пользоваться своим положением и что если он позволит себе оклеветать кого-либо письменно, то «обезьяна», т. е. бог Тот, восседающая в Ермополе, увидит это, «(но) глаз ее пронизывает обе страны», и она накажет виновника тем, что лишит его продовольствия и не допустит его сына в писцы (прилож. 39).

В знаменитом демотическом папирусе, содержащем историю трех Петеисе, приводятся слова жрецов, обращенные к Петеисе: «Смотри, ты писец *pr-‘nḥ* «дома жизни», и нет ничего, о чем ты был бы спрошен и не смог бы ответить. Ведь ты жрец *ḥm-nṭr* Амуна, а жрецы великих богов Египта это те, кто отправляется в страну Хар вместе с фараоном¹. Петеисе, как писец «дома жизни» и потому уже мудрец и как жрец *ḥm-nṭr* был сочен жрецами храма самой достойной личностью, пред назначенной сопровождать царя в его поездке в чужую страну.

Высокая оценка писцов египетским обществом, приравнивание их к жрецам *ḥm-nṭr*, как и мнение самих писцов о

¹ Griffith. Catalogue. Vol. III. P. 96. Clm. XIV, 11. 21—22. — О «доме жизни» см. главу III.

себе, вполне обоснованы: по тем временам писцы были умственной элитой египетского общества, руководившей, как показано выше, сложной административной и хозяйственной деятельностью страны.

Существовала категория писцов, по своей квалификации тесно связанная с художниками: это писцы, которые были заняты росписью текстами и изображениями царских и частных гробниц.

Г. Юнкер отмечает наличие такой категории уже во времена Древнего Царства. В своей работе они руководствовались книгами, содержавшими каноны и всякого рода наставления¹. Эти книги назывались «Книги бога» и были в употреблении во времена Древнего Царства (в частности, ими пользовался один из строителей известных храмов солнца Сенеджемиб)² и в более поздние периоды истории Египта — до времен Птолемеев включительно³.

Из всего вышесказанного очевидно, что многие тексты, в особенности на стенах храмов и гробниц, — результат творчества ремесленников разных специальностей. Но также несомненна и руководящая роль писцов.

В демотическом папирусе, повествующем о злоключениях Петеисе, описывается, как он приказал доставить в Тедужой две каменные глыбы для изготовления статуй и каменную плиту, из которой надо было сделать стелу. После этого «приказал он доставить тесальщиков *gj*, резчиков *ȝj bsn*, писцов “дома жизни” *sh pr ‘nh* и рисовальщиков *sh*

¹ Junker H. Der Maler Irij // Anzeiger der Österreichische Akademie der Wissenschaften. Phil.-Hist. Kl. Wien, 1957. № 3. S. 61.

² Ibid.; Bissing Fr. W. von. Die Verwendung von Musterbüchern im Alten Reich // ZÄS. Bd 53. 1917. S. 148.

³ Матье М. Роль личности художника в искусстве Древнего Египта // Государственный Эрмитаж. Труды Отдела востока. Т. IV. Л., 1917. С. 18.

ktj». Комментируя свой перевод и отметив важность этого места, Ф. Гриффис указывает, что тесальщики были, по-видимому, и скульпторами, резчики — граверами по камню. Писцы «дома жизни» по-гречески назывались ἑρογραφατεῖς, а рисовальщики по-гречески — ψωγλύφος; они наносили на камень контуры фигур для резчиков¹.

Р. Картер и А. Гардинер, исследовав гробницы фараона Рамсеса IV, установили такую последовательность создания изображений. Сначала рисовальщик *sš kdw* наносил краской контуры изображения, потом резчик *tȝw mdȝt* вырезал по этому рисунку рельеф, и затем уже живописец *sš* расписывал рельеф красками².

К интересным выводам о работе писцов над храмовыми текстами Дж. Вильсон пришел в результате своих наблюдений над храмом Мединет Абу³. Около чернового наброска изображения оставляли на стене незаполненное место для текста. Писец, заглянув в уже упомянутые «Книги бога» царской библиотеки, подбирал оттуда более или менее подходящий для данного случая текст, несколько изменял его и составлял рукопись, написанную иератическими знаками. Содержание текстов, сопровождающих изображения военных подвигов Рамсеса III, не отличается оригинальностью: они напоминают тексты, воспевающие фараонов Рамсеса II или Сети I. Составленный писцом иератический оригинал вручался рисовальщику, транскрибировавшему его иероглифами на стену храма кистью красной краской. Что начертанные на стенах храма тексты являются иероглифической транскрипцией иератического оригинала, следует из

¹ *Griffith. Catalogue. Vol. III. P. 81. N. 13.*

² *Carter R., Gardiner A. The tomb of Ramses IV and the Turin plan of a royal tomb // JEA. Vol. 4. 1918. P. 136.*

³ *Wilson J. Ancient text corrections in Medinet-Habu // ZÄS. Bd 68. 1933. S. 48—56.*

того, что формы иероглифов ближе к иератическим знакам, чем к соответствующим иероглифическим. В некоторых случаях писец ошибался, разбирая иератический оригинал, и вписывал в иероглифическую копию не тот знак, который надлежало. Это происходило потому, что некоторые иератические знаки, обозначающие разные понятия, очень сходны по начертанию.

Так, пример такой ошибки мы находим в надписи некоего Интефа (XVIII династия): слово *rwjt*, имеющее значение «ведомство», «управление», написано неверно: вместо начального иероглифа *rw* (изображение лежащего льва) стоит иероглиф, фонетически читающийся *hb* или *bn* (изображение сохи) (Urk. IV. 967, 7, 973, 17, 407, 15). Нередко случалось, что рисовальщик, не учтя размеров предоставленной в его распоряжение поверхности, настолько сжимал текст сначала, что в конце оставалось пустое место, и тогда, чтобы заполнить его, он писал знаки крупные и размещал их шире. Либо наоборот, не экономя места вначале, он, подходя к концу текста, писал более мелкие знаки и располагал их теснее¹. Знаки, нанесенные на стену рисовальщиком, вырезывались на камне резчиком, а затем живописец раскрашивал их соответствующими красками. Прочитав текст и обнаружив в нем описки или ошибки, писец исправлял их опять-таки красной краской. На исправленные места наносился плотный слой штукатурки, и в ней заново вырезалось то, что нужно, а затем раскрашивалось. Даже в тех частях

¹ От этого очень часто зависела орфография египетских слов, ибо система египетского письма такова, что зачастую позволяет обойтись идеографическим знаком со значком «читай, как написано» или «понимай по изображению», каковой, как ни странно на первый взгляд, восходит к написанию числительного «один». С другой стороны, можно было растянуть написание слова, «напихав» в него как можно больше «фонетических» знаков. — А. Ч.

храма, которые наиболее подверглись воздействию метеорологических условий, видны лишь слабые следы этих исправлений. Следовательно, в древности после окончания строительства храма они вообще не были заметны.

Таковы были методы работы художников и писцов по изготовлению изображений и текстов в храмах и гробницах при руководящей роли писцов.

По многочисленным скульптурам установлено, что писцы работали сидя на полу со скрещенными ногами. Однако иногда, по крайней мере во времена Нового Царства, они сидели на стульях и держали папирус на коленях.

Р. Монд раскопал в Шейх-эль-Гурне гробницу некоего лица, жившего во времена фараона Мернепта, про которого сказано: «Писец меморандумов благого бога, царский писец писем владыки обеих земель, Чай правогласный»¹. Чай изобразил в своей гробнице ту канцелярию, в которой он работал при жизни. Это изображение и сопутствующие ему письменные объяснения представляют большой интерес. Все здание в целом названо: «Место писем фараона; да будет он жив, невредим, здрав, в доме Рамсеса, великой души Рэ». Здание разделено на несколько помещений. Пристройка, прилегавшая к середине внешней стены, была часовней бога Тота, изображенного в виде павиана. В пояснительной надписи говорится: «Тот (бог) места писем (канцелярии. — М. К.) фараона, да будет он жив, невредим, здрав». По обе стороны этой часовни находятся ящики из темного и светлого дерева, предназначенные для хранения документов, а две лаконичные надписи гласят: «Место писем». Три параллельных помещения расположены перед часовней: в среднем из них находился начальник, который

¹ Borchardt L. Das Dienstgebäude des Auswertigen Amtes unter den Ramessiden // ZÄS. Bd 44. 1907. S. 59—61.

писал. В боковых помещениях сидело на стульях по пяти писцов, каждый держал папирус на коленях и тоже писал. Перед двустворчатой дверью часовни помещены еще два изображения Тота, также в виде павианов. У входа в эту канцелярию нарисованы два человека, из которых один держит соломенный жгут и сосуд с водой. Надпись содержит обращение привратника к этому слуге: «Брызгай воду и охлади помещение. Начальник сидит и пишет».

Л. Борхардт считает, что данное здание является ведомством иностранных дел, но ничем это не аргументирует¹. Возможно, это так, а возможно, и нет. Интерес подобного редкого изображения и надписей заключается в том, что это, несомненно, какая-то важная царская канцелярия в действии и по такому памятнику мы в состоянии представить подобные учреждения Древнего Египта.

Из изложенного видно, что в основном деятельность египетских писцов носила весьма утилитарный характер. Тем не менее, нельзя отрицать, что она имела значение и для египетской культуры в целом, ибо руководство всеми сторонами государственной и общественной жизни также является элементом культуры.

ГЛАВА II

ОБРАЗОВАНИЕ И ШКОЛА

Дошедшие до нас вещественные и письменные памятники Древнего Царства — пирамиды, мастабы с их художественными изображениями и текстами, развалины солнечных храмов, статуи, стелы, некоторые литературные произведения, восходящие к Древнему Царству, но известные нам в версиях более поздних эпох, — все это бесспорно свидетельствует о высоком уровне культуры, которого достигли египтяне в то отдаленное от нас время.

Обнаруженные во многих мастабах тексты, известные под названием «Обращение к живым», рассказывают о том, что персонал некрополя состоял из грамотных людей. В этих текстах умерший просит посетителей некрополя и, в частности, его гробницу совершить в нем заупокойные обряды, «полезные» для него, и обещает за это дружбу царя и разных богов.

В других случаях автор текста угрожает проклятиями тому, кто вступит в гробницу со злым умыслом. В качестве примера приведем отрывок лаконичного, но весьма интересного текста из гробницы Каихерпта в Гизе:

«Будет другом царя и Анубиса (тот) чтец, который совершил для меня полезные обряды Тота согласно тайному писанию (об) искусстве чтеца. Я писец отменный, прекрас-

ный лицом, мирный, и никто не провел (ни одной) ночи, недовольный мною (писцом). Магистрат, начальник писцов, Каихерпта»¹.

Следует обратить внимание и на то, как Каихерпта хвастался, что своей деятельностью он ни у кого не вызвал гнева. Таким образом, уже в эпоху Древнего Царства предполагалось, что писец должен быть олицетворением справедливости.

Естественно возникает вопрос: каким путем в египетском обществе того времени распространялись знания, т. е. в чем заключалась система образования? К сожалению, наши сведения о Древнем Царстве в целом очень ограниченны, и мы не располагаем достаточными данными для исчерпывающих выводов.

Б. Градзелов утверждал, что уже во времена Древнего Царства при царской резиденции существовала специальная школа для обучения детей царской фамилии и придворной знати, что эта школа находилась под покровительством богини Сеснат и обозначалась термином *pr md3t rh nsw*. Вместе с тем Б. Градзелов считал, что ученики этой школы религиозное образование получали в *pr md3t ntr* «доме книг бога», о котором речь шла выше. Свой экскурс он заканчивает словами: «Приведенные многочисленные подробности были собраны здесь, чтобы пролить свет хотя

¹ *Sainte Fare-Carnot J. L'appel aux vivants dans les textes funéraires égyptiens des origines à la fin de l'Ancien Empire. Le Caire, 1938. P. 22.* — В тексте говорится и о боге Тоте, покровителе писцов, ведь умерший — «отменный писец». Не менее интересно упоминание «тайного писания (об) искусстве чтеца», т. е. о каком-то каноне заупокойного ритуала. Комментируя этот текст, Ж. Гарно сравнивает его с отрывком заупокойного текста Среднего Царства из Мейра, где говорится: «Да совершают они для тебя обряды соответственно писанию, которые поместил Тот в дом бога книги» (*Blackman A. Rock tombs of Meir. London, pt II, pl. VI*).

бы на внешний аспект организации дворцовых школ в ту отдаленную эпоху. Мы всегда предполагали, что эта организация была на высоком уровне, судя по расцвету наук и искусств во времена Древнего Царства¹. Эту точку зрения Б. Гредзелова категорически отвергает Г. Бруннер², который утверждает, что термин *pr md3t r h nsw* обозначал вовсе не школу, а одну из канцелярий при царской резиденции, в которой составлялась разная документация для царя и его приближенных³. Г. Бруннер добавляет, что нам ничего неизвестно о методах обучения в такой канцелярии, и если в эпоху Среднего Царства такая школа действительно была, то утверждать о ее существовании для Древнего Царства невозможно, поскольку об этом ничего не говорят источники.

Конечно, можно допустить, что в конце Древнего Царства, а может быть, даже несколько раньше, при царской резиденции могло возникнуть нечто вроде школы. Подобное положение допустимо, но ни в коем случае не достоверно.

Все источники Древнего Царства свидетельствуют о том, что в это время знания передавались не в школах, а разными лицами непосредственно их личным ученикам, явившимся для них сначала учениками, потом помощниками и, наконец, заменявшими своих хозяев-учителей. Очень важно подчеркнуть, что хозяин-учитель называл таких учеников «сыновьями», независимо от того, были ли они действитель-

¹ Grdseloff B. Notes sur deux monuments inédits de l'Ancien Empire // ASAЕ. Vol. 42. 1943. P. 120. — В. Хельк показал, что титулы *wrt hts* и *wr* [‘], в которых Б. Гредзелов усматривал обозначение педагогического персонала, не имеют никакого отношения к обучению (Helck W. Untersuchungen zu den Beamtentiteln des ägyptischen Alten Reiches. Glückstadt, 1954. S. 39—40).

² Erziehung. S. 11.

³ Helck W. Untersuchungen zu den Beamtentiteln... S. 70. Anm. 30.

но сыновьями или просто принятными в его семью учениками¹. Следует отметить, что значение слова *s3* «сын» в словаре не приведено². Таким образом, уже в эпоху Древнего Царства у египтян существовало вполне сложившееся представление о духовном «сыне», т. е. ученике своего учителя. Соответственно учитель был для ученика духовным «отцом».

В этом отношении очень показательно «Поучение Птаххотепа»:

«Поучение градоначальника и везиря Птаххотепа при его величестве царя Верхнего и Нижнего Египта Исеси, да живет он вечно! Градоначальник и везирь Птаххотеп говорит: «Царь, владыка мой, старость настала...» (1—7). Далее следует описание старческих невзгод и недомоганий.

Затем Птаххотеп просит царя: «Да прикажут этому слуге (Птаххотепу) обзавестись опорой старости, чтобы я мог сказать ему слова слушавших предначертания предков.

...Тогда сказал его величество этого бога: научи же его говорить прежде всего, чтобы был он образцом для детей знати и чтобы вошло в него послушание и всякое наставление, сказанное ему, (ведь) нет рожденного мудрым» (26—31, 36—41)³.

Слова «опора старости» здесь обозначают ученика, помощника и в будущем заместителя Птаххотепа на посту градоначальника и везиря, и ему Птаххотеп передает «предначертание предков». Как известно, «Поучение Птаххотепа», дошедшее до нас в нескольких версиях Среднего Царства,

¹ Erziehung. S. 10—11. Anm. 4; Otto E. Bildung und Ausbildung im Alten Ägypten // ZÄS. Bd 81. 1956. S. 41.

² Wb. Bd III. S. 406—409.

³ Цит. по кн.: Žaba Z. Les maximes de *Ptaḥhotep*. Prague, 1956. P. 18—19, 71.

восходит к Древнему Царству, ко временам V династии. К более раннему времени (III или IV династии) относится поучение визиря сыну своему Кагемни, также содержащееся в папирусе времени Среднего Царства (папирус Присс). Это поучение, сохранившееся во фрагментарном виде, кончается словами: «Визирь распорядился созвать своих детей, после того как он узнал нравы людей и для него стали ясны их характеры. В конце он сказал: “Внимайте всему, что написано в этой книге, (даже) если я (уже) сказал это. Не переступайте через запретное”. Тогда они распростерлись ниц перед ним и повторяли громко написанное (в книге), и это было прекраснее для их сердца, чем что бы то ни было в этой стране. И они продолжали жить согласно написанному»¹. Приведенные слова эпилога поучения говорят о том, что умение читать и несомненно писать передавалось также от учителя к ученику. В этих случаях учителями были визири, т. е. высокопоставленные сановники. Напомним, что большинство сановников Древнего Царства были писцами. Таким образом, речь идет об обучении молодежи на практической работе в разных ведомствах под руководством этих сановников.

Из автобиографических надписей в масштабе некоторых сановников Древнего Царства совершенно очевидно, что они воспитывались и обучались при дворе вместе с царскими детьми во времена V династии. Так вырос вельможа Пташепесес, который стал любимцем фараона и впоследствии женился на дочери царя, и др.²

¹ Gardiner A. The instruction addressed to Kagemni and his brethren // JEA. Vol. 32. 1946. P. 74.

² В папирусе Честер-Битти II (5, 1—5, 2) вместо *'t sb'* стоит *'t n sb'*, откуда и наличие *n* в коптском. Это *n* является признаком конструкции косвенного родительного падежа *'(t) n sb'* вместо конструкции прямого родительного падежа. Такая замена наблю-

В царской резиденции — централизованной бюрократической монархии — собирались самые знающие люди того времени, из которых многие, если не все, имели личных учеников. Поэтому понятно, что именно здесь сложились наиболее благоприятные условия для возникновения школы.

По-египетски школа обозначалась термином *'t sb3*, в буквальном переводе «помещение учения», сохранившимся в коптском языке в виде **ѧNCНВЕ** (Urk. I, 51).

Впервые он встречается в очень поврежденном тексте «Обращение к живым», найденном в гробнице сиутского номарха времени первого переходного периода. Умерший, обращаясь к живым, среди прочих упоминает и тех, «которые ходили в школу»¹. Более определенно о школе говорится в «Поучении Ахтоя, сына Дуауф» своему сыну Пепи: «Направился он (Ахтоя) на юг в резиденцию (фараона), чтобы поместить его (сына Пепи) в школу писцов среди детей вельмож, возглавляющих резиденцию» (прилож. 1). Итак, во времена Среднего Царства уже существовала «школа писцов» при дворе.

Об этой школе известно только, что в ней изучалась книга *Kmtj*. Содержание последней излагается в многочисленных остраконах. Полный же текст самой книги до сих пор не обнаружен. Выдержки из этого произведения в совокупности дают его текст целиком: восстановление текста —

дается и в других сложных терминах: вместо обычного *s3 R^c* — *s3 n R^c* и др. Г. Бруннер склонен согласиться с мнением Стрикера, что это одно из отличий литературного языка от разговорного (Brunner H. Die Lehre des Cheti, Sohnes des Duauf. Glückstadt, 1944. S. 25).

¹ Brunner H. Die Texte aus den Gräbern der Herakleopolitenzeit von Siut. Glückstadt, 1937. P. 69.

заслуга Г. Позенера¹. Однако до сих пор еще не сделано удовлетворительного перевода.

Название книги *Ktjt* означает в переводе «завершенное», «законченное». Книга является одним из древнейших в мире учебных руководств. По содержанию она напоминает «школьные рукописи» Нового Царства, в ней мы также находим образцы разного рода писем и т. д. Из текста очевидно, что наряду со школьным обучением процветало унаследованное от Древнего Царства индивидуальное обучение: «О писец (?), создай себе “сына” (ученика), который будет обучен впредь пользе письма. Меня обучил пользе письма мой отец...»².

Возникновение школы писцов при царском дворе Среднего Царства не было случайностью. «Поучение Ахтоя» и книга *Ktjt*, составленные в то время, предназначены для обучающихся писцов. После долгих лет дробления на мелкие политические единицы и жестоких междоусобиц первого переходного периода страна снова объединилась в единую монархию, возглавлявшуюся царями XI и XII династий. В этих условиях особенно нужны были грамотные чиновники, а следовательно, стала необходима и школа.

Любопытно, что оба названных выше руководства для писцов были составлены в Нижнем Египте, т. е. недалеко от древней столицы Мемфиса. А раз Нижний Египет меньше подвергся превратностям смутного времени, чем Верхний Египет, то здесь, в частности в Мемфисе, лучше сохранились и традиции централизованной бюрократической монархии Древнего Царства³.

К сожалению, о школах Среднего Царства больше ничего не известно.

¹ Posener G. Catalogue des ostraca hiératiques littéraires de Deir-el-Medineh. Vol. II. Le Caire, 1951—1952. P. 1—21.

² Erziehung. S. 83—84, 158.

³ Posener G. Littérature et politique dans l’Egypte de la XII dynastie. P. 7.

Несравненно лучше мы информированы об организации обучения в эпоху Нового Царства и более поздних времен.

Начиная с Нового Царства до римского времени включительно, слово *‘t sb3* «школа» встречается в текстах. Правда, эти упоминания далеко не часты, но все же они бесспорно свидетельствуют о существовании школ.

О герое сказки о «Правде и Кривде» говорится: «Отдали его в *‘t n sb3* «школу», и он познал письмо отлично; он выполнял все мужские работы и превзошел своих старших товарищей, которые были в школе вместе с ним» (папирус Честер-Битти, II, 4,7—5,2). По содержанию это место перекликается с отрывком из папируса Анастаси V, где учитель рассказывает ученику о своей молодости: «Они (родители) оставили меня (в покое лишь после того), как стала моя рука искусной, после того как превзошел я бывших впереди меня (учеников). Я был первым среди всех товарищей моих после того как я превзошел их в книгах» (прилож. 18). Хотя здесь слова «школа» нет, совершенно ясно, что речь идет о школе и о соревновании среди учеников.

В папирусе Анастаси III упоминается «сладкая певица великих побед из *sb3* «школы» «Мемфиса» (3, 7).

В автобиографии верховного жреца Тиниса, Анхурмеса (время Мернепта), говорится: «Я был бедняк, взятый в *‘t sb3* «школу»...»¹.

В папирусе Лейден I имеется письмо писца Тутмоса к писцу Бутеха, где мы находим интересные для нас слова: «Не допустишь ты, чтобы юноши, которые в *st sb3* «школе»*,

¹ Kees H. Die Laufbahn des Höhenpriesters Onhurmes von Thinis // ZÄS. Bd 73. 1937. S. 81.

* *st sb3* в мне не удалось обнаружить ни в издании: Erman A., Grapow H. Wörterbuch der aegyptischen Sprache. 4. Bd. Berlin, 1955. S. 85, 6—8, ни в издании: Faulkner R. O. A Concise Dictionary of Middle Egyptian. Oxford, 1964. P. 219. Вероятно, опечатка, коими обильно грешит первоиздание. — А. Ч.

отстранили руки свои от папирусов (370, verso, 5—6)»¹. Очевидно, что писец Бутеха был учителем в школе писцов. Текст относится ко времени XXI династии. В демотическом папирусе Риланд IX времен XXVII династии (9-й год Дарият, т. е. 512 г. до н. э.) содержится следующее место: «Приказал корабельный начальник доставить писца из *sh n ḥ sb³* “школы”, чтобы написал он относительно доли *ḥm-ntr* “жреца” Амуна и его эннеады» (8, 2—8, 3). Комментируя это место, Ф. Гриффис пишет: «По-видимому, обычно писца школы использовали, как и современного *fiqy*, для составления юридических документов...»². Наконец, в демотическом папирусе Каирского музея, содержащем сказку о сыне Сатни-Хаэмуса, о маленьком Са-Осирисе, рассказывается: «Случилось, что, когда ребенку [Са-Осирису был лишь год], о нем говорили: “ему два года”, а когда ему было два года, то говорили: “ему три года”. [Отец его не мог прожить и одного дня], чтобы не видеть мальчика, ибо он любил его особенно сильно. И когда он вырос большим и крепким, его поместили в школу *‘(sb³)*. [Через некоторое время знал он все] лучше того писца, который обучал его. Мальчик Са-Осирис стал беседовать о священных формулах с писцами дома жизни [в храме Пта, и все, кто его слушали], изумлялись ему».

В другом месте того же папируса говорится: «Когда Са-Осирису исполнилось двенадцать лет, получилось так, что

¹ Černý. LRL. P. 10.

² Griffith. Catalogue. Vol. III. P. 82. N. 6: *fiqī* — юрист, теолог, школьный учитель (Werth H. Arabisches Wörterbuch für die Schriftsprache der Gegenwart. Bd II. Leipzig, 1952. S. 646); *faqīh* — юрист, законовед, эноток мусульманского права, чтец Корана, школьный учитель (Баранов Х. К. Арабско-русский словарь. М., 1957. С. 7766).

в Мемфисе не было равного ему в умении читать, писать и колдовать»¹.

В 1912 г.² В. Шпигельберг опубликовал свою работу о демотических текстах на сосудах, где и оказался отрывок неизвестного варианта сказки о Са-Осирисе, в котором содержатся отсутствующие в папирусе интересные подробности:

«Она (мать) родила дитя мужского пола. У него был облик взрослого. Его растили и положили в колыбель. И вот он рос. Когда он достиг школьного возраста, его поместили в школу...»

«[Случилось, что его мать Мехен] Усехет посетила его там, и ему это чрезвычайно понравилось. Она обратилась к школьному писцу и сказала: “Разве мое дитя глупое?” [Школьный писец ответил ей: “Когда я еще был мальчиком, мой учитель приучал меня к письму], после того как он бичом избивал меня». Тогда я стал писать...”»².

Таким образом, существование школ, начиная со времени Среднего Царства вплоть до римского времени включительно, является неоспоримым фактом.

Установлено местонахождение некоторых школ. Во времена XIX—XX династии одна школа располагалась в задних помещениях заупокойного храма Рамсеса II в западной части Фив. В этой школе обучались будущие жрецы храма. Другая школа — для художников и писцов некрополя — находилась в Дер-эль-Медине, где был расположен поселок, а котором они жили. Третья школа помещалась в храме богини Мут в Карнаке³.

³ Griffith Fr. Stories of the High-Priests of Memphis. Oxford, 1900. P. 44, 50.

² Spiegelberg W. Demotische Texte auf Krügen. Leipzig, 1912. S. 19.

³ Erziehung. S. 18.

Во всех школах занятия проходили под открытым небом. То, что в древние времена на том или ином месте находились школы, подтверждают груды черепков от глиняной посуды, исписанных учениками. Эти школы были, если так можно в данном случае сказать, ведомственными: в них готовились работники для тех учреждений, которые их создали. Но всегда это были именно школы писцов. Существовали ли школы другого назначения, нам неизвестно. Однако есть основания полагать, что для художников такие школы были. Об этом говорят находки многочисленных остряконов с ученическими рисунками, например, в Дер-эль-Медине. О какой-либо единой организации, ведавшей проповеди в стране, не может быть и речи. Насколько известно, школы не были закрытыми, типа интерната. По крайней мере из «Поучения Ани» очевидно, что ученик ежедневно бывал дома, где мать окружала его заботами¹. Однако одно место из папируса Анастаси V, возможно, следует толковать как указание на существование школ закрытого типа. Имеются в виду следующие слова текста:

«Смотри, (вот) говорю я тебе о приемах писца (учителя), о его (словах): проснись, (ступай) на место свое! Пиши перед товарищами своими и приложи руку свою к одежде своей, оправь обувь свою» (прилож. 19). По-видимому, слова учителя-писца «проснись, (ступай) на место свое» и далее обращены к ученику, живущему в школе, которого по утрам будет писец-учитель.

О профессиональных писцах-учителях в школах мы, строго говоря, ничего не знаем и не уверены в том, что такие существовали². Выше уже отмечалось, что в демотическом папирусе Риланд IX упоминается писец школы *sh n*

¹ Ibid. S. 19, 166.

² Ibid. S. 32.

‘sb3. Это чуть ли не единственное упоминание о школьном писце.

Наряду со школами развивалось и обучение в различных канцеляриях. Большинство дошедших до нас поучений ученикам-писцам написано их учителями, занимавшими административные посты. В уже цитированном папирусе Анастаси I, содержащем полемику двух писцов — Хори и Аменемопе, о первом, между прочим, говорится, что он «помощник учителя в *h3 n ss* «палате письма». Слово *h3* значит «палата», «канцелярия» и т. д.¹, но не «школа». Предыдущее предложение квалифицирует Хори как раба владыки Ермополя в *is n ss* «зале писания». Слово *is* имеет довольно много значений: оно обозначает «управление», «зал» и т. д.² Оно встречается еще в папирусе Анастаси V. Таким образом, Хори — и служилый писец, и учитель. Современник Рамсеса II, верховный жрец Амуна Бакенхонс в автобиографии говорит: «Я вышел из *is n ss* “зала писания” в храме владычицы неба отличным учеником. Я был обучен к (должности) жреца-уба в храме Амуна в качестве «сына» под рукой “отца”»³.

Как говорилось выше, слова «сын» и «отец» соответственно имеют значения «ученик» и «учитель». Имеются и другие указания подобного рода⁴.

Если в школе писец был чем-то вроде профессионального педагога, то иначе было вне школы: здесь служилый

¹ Wb. Bd III. S. 221—222. [*h3 n ss (w?)* «Архив или нечто другое». — A. Ч.]

² Ibid. Bd I. S. 127.

³ Lefebvre G. Sur l’âge du grand prêtre d’Amon Bakenkhonsou // REA. Vol. I. 1927. P. 139. — Надпись на статуе (Legrain G. Statues et statuettes des rois et des particuliers // CGC. 1906—1925. P. 21. № 42155).

⁴ Erziehung. S. 20.

писец, занимавший какой-то пост в бюрократическом аппарате, был учителем только по отношению к своему или своим нескольким ученикам, которых он готовил себе в помощники или как будущих заместителей.

Лейтмотив всех поучений, с которыми обращались учителя к ученикам, — яркий, наглядный показ преимуществ профессии писца и желание привить ученикам любовь и интерес к этого рода деятельности. Ахтой говорит своему сыну Лепи: «Заставлю я тебя любить свитки больше, чем мать свою. Предоставлю я тебе красоты (их). Это больше, чем любая должность и нет (ничего) равного им в стране этой» (прилож. 1).

В папирусе Болонья 1094 писец Маху из оружейной палаты фараона (Мернепта) обращается к писцу Паухему со следующими словами: «Не будь глупцом, который не имеет образования» (прилож. 2).

В папирусе Анастаси II перечисляются трудности, связанные с физическими работами. Это описание адресовано неизвестным писцом ученику, имя которого не приводится. Начинается оно словами: «Будь писцом» (прилож. 3).

Папирус Анастаси III был написан, как известно, писцом Пайбесом¹ под руководством «носителя опахала справа от царя» по имени Аменемопе². И вот этот Аменемопе наставляет своего ученика, писца Пайбеса, быть усердным, добиваться высокой квалификации в своем искусстве и не проводить ни одного дня в безделье (прилож. 5). В этом же папирусе дважды повторяются следующие слова: «Писец Аменемопе говорит писцу Пайбесу: «Доставлено тебе это письмо, гласящее: обратись к деятельности писца...»

¹ Gardiner. LEM. P. XIV.

² Brunner H. A honoured teacher of the Ramesside period // JEA. Vol. 45. 1959. P. 3.

(прилож. 8, 9). В ответ ученик Пайбес горячо благодарит Аменемопе и желает ему прожить 110 лет.

Писцы по имени Аменемопе и Пайбес упоминаются также и в папирусе Коллер (5, 6). Правда, А. Гардинер указывает, что это другие лица, так как почерк обоих текстов совершенно различный¹. Интересно отметить, что вельможа и писец Аменемопе известен нам не только из текста папируса Анастаси III, он встречается также и в запупокойной стеле «первого колесничего его величества, царского посланца во все страны, Уненнуфе...» времени фараона Мернепта. Уненнуфе носит те же титулы, что и Аменемопе, и на своей стеле называет Аменемопе «отцом» (учителем). Что в данном случае слово «отец» употреблено в смысле «учитель», очевидно из того, что настоящим отцом Уненнуфе был знаменосец Рой. Эта стела хранится в Британском музее².

Таким образом, учитель Аменемопе является реальной исторической личностью. И нет оснований сомневаться в существовании других учителей, имена которых упоминаются в папирусах.

В папирусе Анастаси IV содержится выражение благодарности ученика учителю: «Воспитан я был ребенком при тебе, и ты бил меня по спине, и учение твое входило в уши мои» (прилож. 11). Далее ученик высказывает пожелание построить для учителя «новый дворец» и создать для него богатства. Поскольку папирус Анастаси IV озаглавлен: «[Начало поучения писать письма, сделанное писцом сокровищницы Кааба для] ученика своего писца Иннана в первый год, четвертого месяца лета, день 15» (царствование

¹ Gardiner. LEM. P. XIX.

² Brunner H. A honoured teacher of the Ramesside period // JEA. Vol. 45. 1959. P. 3—4.

Сети II), и поскольку текст этого папируса, как и папирусов Анастаси VI, Анастаси VII, Салье II, Орбиней, написан рукой ученика Иннана¹, можно с большой вероятностью допустить, что приведенная выше благодарность исходила от Иннана и была адресована Кагаба. Начальником же Кагаба был «носитель опахала справа от царя, царский писец и начальник сокровищницы, Прэемхаб» (папирус Анастаси IV, *verso*, С, 1).

Из колофона папируса Анастаси VII мы узнаем, что этот папирус был написан Иннана для писцов сокровищницы Кагаба и некоторых других. Папирус содержит поучение писцу, восходящее к Среднему Царству. Иннана называет себя «владельцем поучения». Писцу не были чужды литературные интересы: он был именно тем писцом, который записал знаменитую сказку о двух братьях (папирус Орбиней). Как явствует из колофона папируса, он был записан писцом Иннана для писцов сокровищницы Кагаба, Хори и Мериемпе², которые, следовательно, также интересовались литературой. Несомненно, Мериемпе (папирус Орбиней) и Мерипе (папирус Анастаси IV) одно и то же лицо, и только в последнем папирусе в имени писца пропущено *m*. Три письма, написанные тем же Иннана своему учителю и начальнику Кагаба о том, как он выполнял поручения Кагаба, проливают свет на его хозяйственную и административную деятельность (папирус Анастаси VI, 7—49, 51—61, 62—88)³.

Неизвестный писец, составивший текст папируса Анастаси V, поместил в нем пять поучений. Особено интересно то его поучение, где он рассказывает о собственной юно-

¹ Gardiner. LEM. P. XV.

² Ibid. P. 29.

³ Ibid. P. 73—77.

сти. Начав со стандартных увещеваний и угроз, учитель обращается к ученику со следующими словами: «(А разве) не видел ты меня самого? Когда я был в возрасте твоем, я проводил время жизни моей в колодках: это они усмирили плоть мою и пребывали на мне три месяца. Я был заключен в храме, в то время как отец и мать мои (работали) в поле...» (прилож. 18). Учитель рассказывает это ученику для того, чтобы последний убедился, что налагаемые на него наказания сломят его упорство, и что в конечном итоге, несмотря на сопротивление, он все же станет писцом.

Папирус Салье I написан писцом Пентауром, учителем которого был «начальник хранителей документов Аменемин из сокровищницы». Папирус начинается: «Начало поучения (для писания) писем, которое сделал писец Пентаур...». Далее следует текст первого поучения: «Начальник хранителей документов Аменемин из сокровищницы фараона, да будет он жив, невредим, здрав, говорит писцу Пентауру...» (прилож. 22). Затем идет наставление стать писцом.

Папирус Лансинг написан писцом Унемдиамуном, учеником царского писца, начальника скота Амона-Рэ, царя богов, Небмаатрэнхет (прилож. 24, 25). Этот папирус содержит семь поучений, адресованных учителем ученику. Во всех них учитель уговаривает Унемдиамуна стать писцом.

Необходимо подчеркнуть еще одно обстоятельство: автором поучений является учитель, лицом же, записавшим поучения, всюду оказывается ученик.

Из всего вышесказанного нетрудно определить методы, которыми пользовались египетские педагоги. Во-первых, это — увещевание: учитель стремится доказать, что профессия писца намного лучше и привилегированнее всех других; во-вторых, это — устрашение физическими наказаниями: «О писец, не будь ленив, (иначе) согнут тебя крепко» (прилож. 5).

В другом поучении в папирусе Анастаси IV учитель угрожает нерадивому ученику: «Будешь ты бит плетьми из гиппопотамовой кожи» (прилож. 18). В таком же духе говорит Аменамин со своим учеником Пентауром: «Нанесу я тебе 100 ударов...» (прилож. 22).

В демотическом папирусе Лансинг физическое наказание как метод воспитания возведено в принцип: «(Бог) Тот водрузил палку на земле, чтобы посредством ее поучать глупого» (9, 6)¹.

В качестве принудительной меры воздействия упоминаются еще колодки *rḥ3t* (демотическое *rḥ* и коптское *paʃ*)². Словарь дает следующее значение этому слову: «Деревянная колодка в качестве кандалов для ног»³. Колодки надевали на ноги «непокорным ученикам, лишая их свободы передвижения. Они замыкались так, что человек не мог сам их снять. Иногда колодки надевались на три месяца» (прилож. 18).

Подводя итог, следует сказать, что отношения между учителями и учениками в основном были весьма патриархальными. Ученики называли учителей «отцами», а последние учеников — «сыновьями».

Теперь остановимся на вопросе о возрасте учеников. Прямых указаний на него в текстах очень мало.

Х. Бруннер, следуя за произвольным допущением Г. Лefевра, полагает⁴, что возраст поступления в школу был приблизительно пять лет⁵. С этим, конечно, согласиться

¹ Volten A. Das demotische Weisheitsbuch. Studien und Bearbeitung. Kopenhagen, 1941. S. 179.

² Caminos. LEM. P. 184.

³ Wb. Bd I. S. 543, 17.

⁴ Erziehung. S. 40.

⁵ Lefebvre G. Sur l'âge du grand prêtre d'Amon Bakenkhonsou // REA. Vol. I. 1927. P. 139.

нельзя: невероятно, чтобы ребенка в пятилетием возрасте начинали обучать сложному египетскому письму, состоявшему из нескольких сот знаков. В надписи на одной из статуй того же Бакенхонса, хранящейся в Мюнхене, он говорит о себе: «Я провел четыре года в качестве отличного ученика *nds ikr*. Я провел (еще) двенадцать лет в качестве заведующего племенной конюшней царя (Сети I)»¹.

Из «Поучения Ани» мы узнаем, что ребенок, отанный в школу матерью, был окружен дома повседневной материнской заботой. Можно, очевидно, сделать вывод, что школьный возраст был значительно старше пяти лет.

Что же касается учеников, которые находились у писцов на положении помощников, то они были уже в юношеском возрасте: в некоторых поучениях их предостерегают от пьянства и разврата (прилож. 12).

В иных случаях их возраст был значительно старше: в папирусе Турина А прямо сказано: «Ведь ты мужчина тридцати лет» (прилож. 32).

О социальном происхождении учеников во времена Древнего и Среднего Царств нам известно сравнительно немного. Поскольку писцами Древнего Царства были большей частью люди сановитые, можно предположить, что и ученики, готовившиеся их заменить, происходили из того же социального слоя.

Падение Древнего Царства сопровождалось не только смутами, но и серьезными социальными сдвигами, в результате которых из народных масс выдвинулись новые социальные слои, что, естественно, отразилось на социальном происхождении писцов и их учеников в эпоху Среднего Царства. В этот период в писцы начинают попадать люди

¹ Breasted H. Ancient records of Egypt. Vol. III. § 561—568. p. 234.

совершенно незнатного происхождения¹. То же самое можно сказать и о Новом Царстве и последующих периодах.

Наконец, остановимся на вопросе о женском образовании. Известны две женщины, умевшие писать: первая была приближенной царицы XIII династии, вторая служила в канцелярии одной из жриц Амуна во времена XXVI династии.

Есть все основания предполагать, что были и другие подобные факты и что жрицы Амуна также были грамотны². В папирусе Анастаси III, в описании царской резиденции в Дельте, говорится: «Сладкая певица *hsj ndm* великих побед из школы Мемфиса» (3, 7).

Весьма вероятно, что в этой школе женщин обучали не только пению, но и письму. Такое предположение подтверждается наличием двух писем из папируса Болонья, принадлежащих в первом случае перу певицы бога Амуна, во втором — певицы бога Тота (7, 1—7, 10, 9, 7—10, 9). Конечно, можно допустить, что письма были написаны не певицами, а кем-то другим. Но более правдоподобно, что женщины сами умели писать. По крайней мере, в письме певицы бога Тота по имени Сикэ говорится, что она уже получила ранее письмо от своего корреспондента Аменха и пишет: «Когда мое письмо дойдет до тебя».

Ниже она передает привет другой певице бога Тота, по имени Нинсuemхеб, и призывает на нее благословение бога Пта и других мемфисских богов. Совершенно ясно, что и сама Сикэ, и Нинсuemхеб связаны с мемфисской школой, о которой говорится в папирусе Анастаси III (3, 7).

Тем не менее, если женщины и могли каким-то образом учиться писать, то случалось это довольно редко: все поучения писцам адресованы исключительно мужчинам.

¹ Erziehung. S. 41.

² Ibid. S. 46.

После всего сказанного о школе, учителях и учениках необходимо перейти к рассмотрению самых существенных вопросов: в чем собственно заключалось образование египетских писцов, чему их учили в школе и в различных канцеляриях?

В Египте не было единой структуры школ. Эти школы, как уже отмечалось, принадлежали разным, не зависящим друг от друга учреждениям, однако объем знаний, получаемых учеником, был приблизительно одинаков. Исходя из данных текстов, мы можем составить довольно определенное представление об этом.

В системе образования большое значение имело обучение молодежи письму и чтению. В поучениях, обращенных к ученику, иногда встречаются слова, подтверждающие это: «Пиши рукой своей, читай устами своими...» (прилож. 5, 19, 25), «...проводи дни в писании пальцами своими, читай по ночам» (прилож. 25). Умение читать и писать в Древнем Египте, как и во все времена, лежало в основе приобретения всех других познаний.

Египетские учащиеся не всегда писали на дорогом папирусе: очень часто они упражнялись в писании на остраконах (черепках), которые дошли до нас в большом количестве и сейчас еще представляют интерес для науки. Обучение начиналось не с заучивания отдельных знаков письма — выучивались слова и, может быть, написание целых фраз. Этот вывод основан на том, что не сохранилось никаких упражнений в писании отдельных знаков. Анализ ошибок в написании слов, как это подчеркивает Х. Бруннер, говорит о том, что очень часто совершенно разные слова ошибочно содержат одинаковые группы знаков: если бы учащиеся заучивали знаки, а не написание целого слова, такие ошибки не могли бы иметь места¹. В подтверждение своего мнения он

¹ Erziehung. S. 67.

приводит слова Острупа, взятые им у А. Вольтена и относящиеся к обучению письма в совсем недавнем прошлом: «Ученики сидят вокруг учителя с небольшой доской в руке, на которой записан один или несколько стихов Корана, и учитель вслух читает им эти стихи; ученики же хором втотят ему до тех пор, пока они не заучат написанное наизусть. Именно так они учатся различать написанные на доске в последовательном порядке слова, и нет речи о том, чтобы запомнить отдельные знаки»¹. В известном поучении царю Мерикарэ содержится следующее весьма интересное место: «Не убивай человека, полезность которого ты знаешь и с которым ты некогда распевал написанное»². Таким образом, вряд ли можно сомневаться в правильности выводов Х. Бруннера.

Упражнения состояли в писании под диктовку отрывков из известных литературных произведений. Ученическое происхождение этих текстов установить нетрудно, так как об этом говорят либо неуверенные начертания знаков, либо грубые орфографические ошибки, либо то и другое вместе. Конечно, есть также много остраконов с литературными текстами, написанными более или менее правильно.

Следует отметить, что все эти упражнения независимо от их содержания написаны иератическим или демотическим шрифтом. Это указывает на то, что египтяне, по крайней мере поздних периодов истории Египта, считали эти шрифты практически более удобными, чем иероглифический. Диодор III (3) утверждает, что иероглифическому письму обучались лишь жрецы. Вряд ли это соответствует истине. Повидимому, иероглифическое письмо изучало меньшее число

¹ Volten A. Studien zum Weisheitsbuch des Anii. København, 1938. S. 10.

² Volten A. Zwei altägyptische politische Schriften. København, 1945. S. 23.

лиц, чем иератическое или демотическое. Климент Александрийский в своих «Стромата» V (4) сообщает, что обучение начинается с демотического (эпистолографического) письма, а затем уже изучают иератическое и иерогlyphическое письмо, которым пользуются жрецы.

Самые ранние образцы ученических упражнений относятся ко времени Нового Царства, преимущественно к периоду Рамессидов¹. И во времена Рамессидов, и во все последующие периоды истории Египта уже мертвый среднеегипетский язык продолжает широко использоваться в религиозных и некоторых других текстах наряду с новоегипетским и демотическим. Даже огромные надписи на стенах храмов греко-римского времени, написанные сложным и трудным иерогlyphическим письмом, составлены на среднеегипетском языке. Все эти факты совершенно бесспорно свидетельствуют о том, что египтяне со времен Рамессидов и позже продолжали интересоваться* мертвым к тому времени среднеегипетским языком, изучали и знали его превосходно.

К сожалению, упражнений такого рода почти не сохранилось. В Берлинском музее имеется доска (№ 8934), содержащая первые две строки «Поучения Ани» на среднеегипетском языке с переводом на новоегипетский. Доска была приобретена музеем в 1885 г. вместе с утварью

¹ Wilson J. School writings of the Middle Kingdom and Empire // Melanges Maspero. Vol. I, f. 2. P. 901—905. — А. Гардинер, однако, указал, что те остраконы, которые Дж. Вильсон относил к Среднему Царству, должны быть отнесены ко времени Рамессидов (Onomastica. Vol. I. P. 3. N. 2). Один из остраконов, описанных Дж. Вильсоном, содержит в конечной строке слова *shʒ r ss* «обучение письму», или «учение о письме».

* «Интересовались» — не то слово. Он оставался для них чуть ли не священным, как и та эпоха, во времена которой он был в полном ходу, т. е. Двенадцатой Династии. — А. Ч.

школьника, состоящей из большого и маленького письменных приборов. Это упражнение А. Эрман по палеографическим признакам относит ко времени XXII династии¹. Известно, что писцы саисского периода хорошо знали и понимали тексты времени Древнего Царства: доказательством этого являются многочисленные тексты, дошедшие до нас от того времени и представляющие отличное подражание текстам Древнего Царства.

Что касается грамматических упражнений, то их сохранилось очень мало. Каирский остракон (№ 25227) времен Рамессидов содержит наряду с испорченным небольшим текстом отрывки из глагольных парадигм: *iw.s(t), mt(w).k, iw.tw, mt(w).tw*². Остракон Петри 28 того же времени помимо нескольких отдельных слов содержит также нечто вроде парадигмы вспомогательного глагола *iw* в следующем порядке (в вертикальной колонке): *iw.i, iw.f, iw.k, iw.n, iw.w, iw.sn, iw.t*³.

Это, пожалуй, и все «грамматические упражнения», дошедшие до нас от додемотического времени. Больше их сохранилось на демотическом языке, и они более обстоятельны. На одном демотическом остраконе птолемеевского времени из личной коллекции Ф. Гриффиса написаны две вертикальные колонки, содержащие парадигмы глагола «сказать», «говорить» *dd* с предшествующим артиклем мужского рода единственного числа *p3 idd*, т. е. прототип коптского **пехе**⁴. Демотическое *p3(i)dd* восходит к ново-

¹ Erman A. Eine ägyptische Schulübersetzung // ZÄS. Bd 32. 1894. S. 127—128; Volten A. Studien zum Weisheitsbuch des Anii. S. 5.

² Daressy G. Ostraca // CGC. 1901. P. 55.

³ Černý J., Gardiner A. Hieratic Ostraca. Vol. I. Oxford, 1957. Pl. VIII, 7 recto.

⁴ Crum W. A Coptic dictionary. Oxford, 1939. P. 285.

египетской релятивной форме *p3 (i)dd.f* «то, что сказал он». В правой вертикальной колонке написано:

- p3 idd.i* «сказал я»
p3 idd.k «сказал ты»
p3 idd.f «сказал он»
p3 idd.st «сказала она»
p3 idd.w «сказали они»
p3 idd.n «сказали мы»
p3 idd.tn «сказали вы»

В левой вертикальной колонке (другое упражнение) тот же глагол в 3-м лице множественного числа с косвенным местоименным объектом в дательном падеже:

- p3 idd.w n.i* «сказали мне»
p3 idd.w n.k «сказали тебе»
p3 idd.w n.f «сказали ему»
p3 idd.w n.w «сказали им»
p3 idd.w n.n «сказали нам»
p3 idd.w n.tn «сказали вам»

Порядок лиц в спряжении точно такой же, как и во всех европейских языках: 1-е, 2-е и 3-е лицо единственного и множественного чисел. Исключение составляет 3-е лицо множественного числа, которое в обоих колонках следует после 3-го лица единственного числа и предшествует 1-му лицу множественного числа.

Н. Рейх, издавший этот текст, высказал мнение, что здесь результат ошибки ученика¹. Однако, как мы увидим ниже, данные демотического папируса Карлсберга XII показывают, что ошибки нет и порядок лиц в парадигме правилен. Другой демотический остракон птоломеевского времени также представляет грамматическое упражнение ученика,

¹ Reich N. A grammatical exercise of an Egyptian schoolboy // JEA. Vol. 10. 1924. P. 285.

который спрягает описательную каузативную конструкцию, образуемую при помощи вспомогательного глагола *dj* или *tw*, например: *tw.j kd(w) w^c 'wj* «заставил я, чтобы построили один дом», *tw.j t3j.w n3w Irtrrw* «заставил я привести людей Иретрру», и т. д.¹ В первом примере ученик пропустил суффикс 3-го лица множественного числа².

Третий демотический остракон, также птоломеевского времени, содержит ученическое упражнение в спряжении отрицательного перфекта, образуемого при помощи *bn-p* (коптское **ΜΠΕ**), например: *bn-p n3 ntj sgr ph* «не прибыли те, которые плыли под парусами», *bn-p n3 grg.w grg* «птицеловы не поймали», *bn-p.j gm htr iw.f hj.w* «не нашел я лошади, которая пала», *bn-p.j gm '3 iw.f gr^c* «не нашел я осла, который хромает», и т. д.³

Еще в одном демотическом остраконе птолемеевского времени мы находим список сложных неологизмов, образованных при помощи слов *rm_t iw.f* (коптское **ΡΕΨ**) «человек, который...». Например, *rm_t iw.f sdj* «человек, который рассказывает», *rm_t iw.f md* «человек, который говорит», *rm_t iw.f m3wj* «человек, который думает»⁴.

В двух демотических остраконах Страсбурга (174, 1617) содержится упражнение в образовании сложных неологизмов при помощи слов *s3 n* (коптское **САН**)⁵.

¹ Spiegelberg W. Aus der Strassburger Sammlung demotischer Ostraca // ZÄS. Bd 50. 1912. S. 32.

² Erichsen W. Eine ägyptische Schulübung in demotischer Schrift. Kopenhagen, 1948. S. 9.

³ Spiegelberg W. Demotica // Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. 1925. S. 18.

⁴ Brugsch H. Demotische Paradigmata // ZÄS. Bd 16. 1878. S. 1; Hess J. Demotica // ZÄS. Bd 35. 1897. S. 147.

⁵ Spiegelberg W. Demotische Grammatik. Heidelberg, 1925. S. 29.

Берлинский демотический папирус 13639, опять-таки птолемеевского времени, содержит довольно большое ученическое упражнение в спряжении оптативной конструкции *mj sdm.f*. Приведены тридцать четыре примера, которые все начинаются *mj* с последующим субъюнктивным *sdm.f* разных глаголов. Каждый пример является законченным предложением. В этих примерах имеется ряд грамматических ошибок¹.

Совокупность этих данных указывает на то, что в те времена, когда распространено было демотическое письмо, египтяне уделяли достаточно внимания изучению грамматических форм языка. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что все эти тексты были одновременно упражнениями в сложном демотическом письме.

В Каирском демотическом папирусе 50084 (саисское время) ученик упражнялся в написании сложных слов, из которых состоит следующая фраза: *īrm nʒjf īr.w nʒjf bk.w* «с его товарищами и его рабами»². Упражнение в написании трудных названий месяцев обнаружено и в одном демотическом остраконе³. Сохранились также демотические упражнения в написании различных стандартных фраз⁴.

Ряд других упражнений представляет собой выдержки из разных справочников.

Дошли до нас и фрагменты: некоторые учебные пособия и справочники, ряд из них в виде ученических текстов.

Необходимо назвать несколько текстов справочного характера, названные по инициативе А. Гардинера «ономасти-

¹ Erichsen W. Eine ägyptische Schulübung... S. 3—6.

² Spiegelberg W. Demotische Inschriften und Papyri. Kairo, 1932. Taf. 36. S. 64; Erichsen W. Eine ägyptische Schulübung... S. 10.

³ Mond P., Myers O. The Bucheum. Vol. II. London, 1934. P. 67; Erichsen W. Eine ägyptische Schulübung... S. 10.

⁴ Erichsen W. Eine ägyptische Schulübung... S. 13.

конами». Они названы им так потому, что представляют собой списки названий и имен разных лиц, стран, фактов и явлений, не сопровождаемых знаками или разъяснениями¹. Наиболее полное из этих справочных пособий хранится в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина и известно под названием «ономастикона Аменемопе». Этот папирус, найденный В. С. Голенищевым, ранее был известен под названием «голенищевского гlosсария». Этот текст, как и другие ему аналогичные, содержит лишь перечисление в тематическом порядке разных слов и названий, разделяющихся по следующим группам: небо, вода, земля, разные лица, двор, канцелярии, профессии, классы общества, племена и типы человеческого рода². Таким образом, это нечто вроде словаря, или, вернее, словника, в котором перечислены слова без объяснений и комментариев.

Основное назначение «энциклопедии» Аменемопе было учебное. На это указывает не только то, что ее фрагменты были найдены в Рамессеуме, где, как мы знаем, существовала школа писцов, но и самий ее заголовок³ — «Начало получения *sh3* (для) прояснения мысли, наставления незнающего, (для) познания всего, что существует, что создал Пта, что записал Тот, неба с делами его, земли и того, что на ней, того, что изрыгают горы, что орошено разливом, и всего, что освещает Рэ, что растет на земле...»⁴. Ономастиконы име-

¹ *Onomastica*. Vol. I. P. 5.

² *Ibid.* P. 7.

³ *Перепелкин Ю. Я.* К вопросу о возникновении энциклопедии на Древнем Востоке // Труды Института книги, документа и письма. Т. II. Л., 1932. С. 5. — См. также: *Тураев Б. А.* Страница из истории древнеегипетской литературы // Записки Русского археологического общества. Отделение археологии древнеклассической, византийской и западноевропейской. СПб., 1896. Т. 1. С. 432—435.

⁴ *Onomastica*. Vol. I. P. 2, 5.

ли в виду не слова, а вещи и предметы, обозначаемые этими словами, иначе говоря, они преследовали не одни лексикографические цели, но служили также и целям филологическим, показывая учащимся, как именно надо писать то или иное слово. Как правильно отмечает А. Гардинер, списки названий редких вещей и предметов, встречающихся в папирусах Анастаси и др.¹, вероятно, имеют такое же назначение, как и «ономастиконы»². Самый полный ономастикон (Аменемопе) дошел до нас в нескольких версиях³:

- 1) Московский папирус;
- 2) P. Hood (= P. British Museum 10202);
- 3) British Museum 10379 (отрывок на коже);
- 4) фрагменты папируса из Рамессеума;
- 5) Каирский остракон J, 67100;
- 6) P. Boulaq IV (Ani);
- 7) остракон из Рамессеума.

Другой ономастикон, папирус Берлин 10495, также был найден в Рамессеуме. Третий хранится в лондонском университете колледже. Все эти тексты написаны иератикой. Берлинский ономастикон по палеографическим данным датируется концом Среднего Царства⁴.

Что же касается остальных ономастиконов, то они относятся к более поздним временам.

Ономастикон Аменемопе относится к концу XX династии или позже. Наконец, тот, который хранится в колледже Лондонского университета, А. Гардинер по палеографическим соображениям датирует временем XXI—XXII династий⁵.

¹ Gardiner. LEM; P. Anastasi IV (13,11—17,9); P. Kaller (3,5—4,7).

² Onomastica. Vol I. P. 4.

³ Ibid. P. 26—35.

⁴ Ibid. P. 6—23, 64—68.

⁵ Ibid. P. 24, 64.

Помимо ономастиконов «энциклопедического» содержания, в которых собраны названия самых разнообразных вещей и предметов, были еще справочники более специализированного характера. Так, один демотический остракон птоломеевских времен перечисляет названия пяти различных частей человеческой головы: *ši* (коптское **ѡл**) «нос»; *rȝ* (рѡ) «рот»; *ibȝ** (овȝе) «зуб»; *ls* (λας) «язык»; *spt* (спотоγ) «губа»¹.

В демотическом папирусе птолемеевского времени, в папирусе Каир 31169, содержится список городов Дельты в порядке с запада на восток, а также названия некоторых чужеземных стран: *pȝ tȝ (n) Hr* «Сирия», *pȝ tȝ (n) Nhs* «Нубия», а также направления стран света: *rsj* «юг», *mȝtj* «север», *iȝbtj* «восток» и *imntj* «запад».

На этом заканчивается текст, в связи с чем В. Эриксен пишет: «На основании этого фрагмента папируса мы можем сделать вывод, что существовали географические словари, в которых названия были расположены в предметном порядке, начиная с Верхнего Египта и кончая Дельтой, по которым ученики и писцы учились писать названия частей своей страны»².

Напрашивается сопоставление этого фрагмента географического содержания со списком названий нубийских крепостей, содержащихся в ономастиконе из Рамессеума, которому А. Гардинер посвятил специальное исследование³.

* В демотике *h* и *h*, возможно, еще различались, см.: *Spiegelberg. Demotische Grammatik. S. 13, § 4b.* — А. Ч.

¹ *Spiegelberg W. Aus der Strassburger Sammlung demotischer Ostraca // ZÄS. Bd 50. 1912. S. 28.*

² *Spiegelberg W. Die demotischen Papyrus. Kairo, 1908. Taf. 109—111. S. 270—275; Erichsen W. Eine ägyptische Schulübung..., S.11.*

³ *Gardiner A. An ancient list of fortresses of Nubia // JEA. Vol. 2. 1916. P. 184—192.*

От римского времени сохранился иероглифический папирус, содержащий ряд географических названий. Он был найден в Танисе во время раскопок Фл. Петри в развалинах дома некоего Бекиеху¹. Дошли до нас также и демотические списки имен египетских божеств. В том же демотическом папирусе Каир 31169 мы находим имя бога Осириса с разными его эпитетами, например, *Wsir mr itf* «Осирис, любящий отца», *Wsir p3 ȝȝr hpr* «Осирис, бывший испокон», *Wsir wn* «Осирис существующий», *Wsir Wnnfr* «Осирис Уннофер*», *Wsir ȝnȝ d.t* «Осирис, живущий вечно», *Wsir w^c* «Осирис единственный», или имя того же бога в сочетании с названиями разных местностей: *Wsir hr ib inb* «Осирис в Фивах», *Wsir hr ib hȝst*** «Осирис в некрополе», *Wsir hr ib ikȝ* «Осирис в Эфиопии»².

На оборотной стороне папируса, на котором написаны географические названия, написано несколько теофорных имен (с именами Амуна, Аписа и Исиды). В. Эриксен замечает: «...мы можем полагать, что существовали большие по объему списки имен для учебных целей»³.

Фрагмент демотического папируса римского времени содержит несколько собственных имен, сопровождающихся греческой транскрипцией⁴.

Более явно выраженный филологический характер имеют некоторые другие тексты. Фрагмент демотического па-

¹ Griffith Fr., Petrie Fl. Two hieroglyphic papyri from Tanis. London, 1889.

* Досл. «пребывающий добрым». — А. Ч.

** В демотике *h*, *h?* и *ȝ* переходили в *h*, т. е. сливались, см.: Spiegelberg. Demotische Grammatik. S. 13, § 4b. — А. Ч.

² Spiegelberg W. Die demotischen Papyrus. Taf. 109—110. S. 270—275; Erichsen W. Eine ägyptische Schulübung... S. 11.

³ Erichsen W. Eine ägyptische Schulübung... S. 12.

⁴ Spiegelberg W. Demotica. S. 44.

пирамида римского времени (середина I в. н. э.)¹ представляет собой табличку значения трех разных одинаково звучащих слов: *htr* «лошадь», *htr* «дань» и *htr* «быть должным». В. Эриксен отмечает, что этот фрагмент «несомненно является выпиской ученика из большого (и, к сожалению, утерянного) палеографического словаря, который был составлен либо по принципу формы знаков, либо по алфавиту»².

Интерес представляет содержание *verso* фрагментированного демотического папируса Карлсберг XII, относящегося к римскому времени³. В нем слова расположены по первому звуку. Все не связанные друг с другом предложения, являющиеся примерами, расположенные в одной колонке, начинаются одним и тем же словом и, следовательно, одним и тем же звуком. Например, фрагмент (а) содержит ряд предложений, начинающихся словом *ȝtw.j* «до тех пор, как я...». Другая колонка предложений в том же фрагменте начинается словом *rḥ* «достигать», «прибывать». Во фрагменте (в) мы находим предложения, начинающиеся глаголом *dd* «говорить», и т. д.

Иначе говоря, в противоположность ономастиконам, в которых слова расположены по детерминативам и, следовательно, по значению (в упомянутых выше демотических текстах), слова подобраны по первому своему звуку, второй уже не принимается во внимание. А. Вольтен допускает здесь возможности влияния греческих алфавитных словарей.

Таким образом, очевидно, что приведенная в этом папирусе парадигма спряжения глагола подтверждает порядок расположения лиц множественного числа, который был

¹ Ibid. S. 22.

² Erichsen W. Eine ägyptische Schulübung... S. 10.

³ Volten A. An «alphabetic» dictionary and grammar in demotic // Ar. Or. Vol. 20. 1952. P. 496—502.

отмечен Н. Рейхом в демотическом остраконе Гриффиса и который Н. Рейх принял за ошибку писца (сначала идет 3-е лицо множественного числа, потом 1-е лицо множественного числа, и, наконец, 2-е лицо множественного)¹.

Приведенные в тексте примеры разных глагольных конструкций являются началом образования грамматики.

В той же коллекции, что и папирус Карлсберг XII, происходящей из Тебтюниса и относящейся ко II в. н. э., имеется еще несколько аналогичных по содержанию фрагментов: это, во-первых, куски демотического словаря такого же типа; во-вторых, иератический папирус Карлсберг VIII (I в. н. э.), представляющий собой список иероглифов с сопровождающими их объяснениями. Этот папирус издан впервые совсем недавно². От папируса сохранились только несколько поврежденная первая страница и фрагменты второй.

Папирус озаглавлен: «Объяснение использования знаков, объяснение трудностей. Раскрытие скрытых вещей, объяснение темных мест...». Далее сказано, что этот текст был обнаружен на кожаном свитке в храме Осириса. Справа идет вертикальная строка, в которой начертаны сверху вниз разные иероглифы, начиная с ибиса. Слева идут горизонтальные строки иератического текста, содержащие истолкование этих иероглифов. Если иероглиф имеет несколько чтений, то все они приведены. Например, в строке 8 дается объяснение иероглифическому знаку Θ *hrw* «день». Затем следует другое объяснение: «солнечный бог ϱ э при его восходе утром, посредством которого все видно», и потом еще другие, также связанные с мифологическими пред-

¹ Ibid. S. 505.

² Iversen E. Fragments of a hieroglyphic dictionary. København, 1958. — Рецензию де Вита (C. de Wit) см.: CdE. Vol. 34. 1959. P. 378.

ставлениями. В строке 28 знак объяснен как «человек у руля» и т. п. Совершенно очевидно, что текст стремится раскрыть значение знаков, как идеограмм, и все эти объяснения тесно связаны с мифологией. Несомненно, что «Иероглифики» Херемона и впоследствии Хораполона восходят к таким текстам, как папирус Карлсберг VII. Но что нас особенно интересует, так это вертикальная строка с иероглифическими знаками. В ней расположены иероглифы, чтение которых начинается звуком *h* или звуком *h* — *h3bw*, *hrw*, *hnmm*, *h*, *h3b*, *hmhm*, *hn*, *hmj*, *hnw*. Так как в это время разница между звуками *h* и *h* уже не существовала¹, то фактически все эти слова начинались одним звуком *h*, и, следовательно, здесь мы видим применение того же принципа в расположении слов, который уже был отмечен выше, т. е. слова подобраны по первому своему звуку. Список слов начинается словом *h3bw* «ибис». Достойно внимания то обстоятельство, что Платон в «Филебе» (VIII) и Плутарх в «Трактате об Осирисе и Исиде» (§ 56) утверждают, что иероглиф, изображающий ибиса, является первым знаком египетского алфавита! Необходимо добавить, что слово *hnmm* истолковано в папирусе как «люди солнца» (*sunfolk*), что полностью совпадает со значением этого слова, данным Б. Ганном и А. Гардинером².

Более простым пособием был папирус, найденный Фл. Петри при раскопках в Танисе, в доме некоего Беки-еху (II в. н. э.)³. Этот документ является чем-то вроде палеографического справочника: он содержит параллельные

¹ В поздние периоды истории Египта, по-видимому в греко-римское время, звуки *h* и *h* слились в один звук (*Vergote J. Phonétique historique de l'égyptien. Louvain, 1945. P. 99.*)

² *Onomastica. Vol. 1. P. 112.*

³ *Griffith Fr., Petrie Fl. Two hieroglyphic papyri from Tanis.*

вертикальные строки. В первой справа — иероглифический знак, во второй — его иератический эквивалент и, наконец, в третьей дается чтение знака. Папирус очень пострадал от времени, но все же в нем сохранилось свыше двухсот знаков.

Все рассмотренные пособия для изучения письма и языка носят сугубо утилитарный характер, и их конечная цель — практическое обучение письменному языку. Как уже подчеркнуто выше, египтяне поздних эпох хорошо владели и староегипетским, и среднеегипетским. Одним из показателей этого знания является также демотический папирус Карлсберг I астрономического содержания¹: он является переводом на демотический язык более древнего иероглифо-иератического текста и содержит комментарии по существу дела и по языку.

В заключение укажем на утверждение Диодора (I, 81), что дети жрецов обучаются священному письму (иероглифическому) и обиходному (демотическому), а остальная масса египтян не обучается искусству писать, за исключением ремесленников и художников, которые хотя и обучаются ему, но только в очень скромных масштабах. Здесь же Диодор сообщает: «Они (дети жрецов) очень усердно изучают геометрию и арифметику, разлив реки ежегодно изменяет поверхность страны и тем самым вызывает многочисленные и разнообразные споры о границах земельных участков. Восстановить их нелегко без помощи знающего дела геометра. Арифметика им нужна в ежедневной жизни, хозяйственных делах и для изучения геометрии. К тому же они немало служат тем, кто изучает светила, ибо египтяне, как и другие народы, наблюдают за положением и движением светил...».

¹ Lange O., Neugebauer O. Papyrus Carlsberg № 1. Copenhagen, 1940.

Далее Диодор уверяет, что борьбу и музыку египтяне не изучают, так как спорт считают вредным для здоровья, а музыку — для души.

Слова Диодора о математике и астрономии подтверждаются многими несомненными данными. И наоборот, его утверждение о спорте и музыке опровергается памятниками. Наконец, слова Диодора «дети жрецов» не вполне соответствуют действительности: письму и почему обучались не только дети жрецов, но вообще все писцы.

Диодор в известной мере прав, указывая на утилитарный характер египетской математики, известной нам из ряда текстов. Приблизительно то же самое говорит и Геродот: «Полагаю я, что там (в Египте) изобретена геометрия и оттуда она пришла в Грецию» (II, 109).

Древнейшим дошедшим до нас математическим руководством является иератический папирус Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, образцово изданый академиком В. В. Струве¹. Это рукопись XIII династии, переписанная с более древней и не дошедшей до нас рукописи XII династии.

Московский математический папирус, как это показывает его содержание, служил учебником для писцов². Он содержит двадцать пять задач чисто утилитарного характера: задачи на вычисление длины весла и высоты мачты; задачи на вычисление количества хлебов или пива, которое можно изготовить из данного количества зерна, и др. Однако вместе с тем, несмотря на свою практическую направленность, московский математический папирус является неопровергнутым свидетельством высокого научного уровня египет-

¹ Struve W. Mathematischer Papyrus des Staatlichen Museums der schönen Künste in Moskau. Berlin, 1930.

² Ibid. S. 39.

ской математики уже в те отдаленные от нас времена и показывает, что для решения практических задач египтяне пользовались хорошо разработанными математическими приемами. Так, им было известно решение задач с одним неизвестным, вычисление объема усеченной пирамиды и поверхности полушария. Величина π , которую они считали равной 3,16, была вычислена ими значительно точнее, чем вавилонянами¹.

Из папируса Анастаси V совершенно очевидно, что арифметика также изучалась писцами (прилож. 19).

Полное подтверждение этого мы находим в папирусе Анастаси I, где один писец упрекает другого в некомпетентности. Оказывается, что квалифицированный писец должен был уметь вычислить размеры пруда, который предстояло выкопать, и сосчитать пайки зерен для воинов (13,5—13,7). Наряду с этими простыми задачами писец был обязан уметь определить число кирпичей, необходимых для сооружения ската определенной величины, количества людей для транспортировки обелиска, а также число рабочих для уборки песка из-под колосса, чтобы он сел на свое место (14,2—17,2).

Таким образом, от египетских писцов требовались познания в математике в таком объеме, который обеспечивал бы им возможность правильно и быстро решать задачи, поставленные перед ними самой жизнью, — вспомним, что в основном писцы были административно-хозяйственным персоналом.

В круг знаний писцов входили также сведения по географии разных, преимущественно соседних с Египтом, стран.

¹ Вайман А. А. Длина окружности и площадь круга в древнеегипетской математике // Древний Египет (сборник статей в память В. С. Голенищева). М., 1960. С. 97—102.

В папирусе Анастаси I один писец упрекает другого в незнании Северной Сирии, страны Хати, Библа, Ливана, Сидона, Сарепты и т. д. Упомянутые выше списки географических названий в ономастиконах изучались писцами и в какой-то мере пополняли географические познания тех, которые лично не бывали за пределами Египта (18,5 и сл., 20,7 и сл.).

Наконец, вопреки утверждению Диодора, писец иногда обучался даже музыке. В папирусе Анастаси IV учитель упрекает ученика-писца в нерадивости, в пьянстве и разврате, тогда как его обучали играть на свирели и флейте, сопровождать лиру пением и петь под аккомпанемент музыкального инструмента *nth* (прил. 12). Имеются и другие данные, свидетельствующие о существовании специального музыкального образования¹. Но были ли все эти музыканты одновременно и писцами, сказать трудно. Вероятно, однако, что музыканты были в какой-то степени грамотными.

Наконец, занятия разными видами спорта также не были чужды писцам. Это были плавание, прыжки, военные игры. Спорт у женщин заменялся танцами.

Было бы ошибкой считать, что все египетские писцы получали одинаковое образование и воспитание. Унифицированной системы не существовало, и школы отдельных храмов и других учреждений учили каждая по-своему. Обучение у отдельных начальников-учителей тем более могло отличаться, завися от целей, которыеставил себе учитель в отношении ученика, и от вкусов учителя. Разница в образовании заключалась несомненно и в том, что одни писцы в процессе обучения получали меньшую сумму знаний, другие — большую.

¹ Erziehung. S. 103.

Например, знаменитый зодчий Сенмут, современник царицы Хатшепсут, в надписи на своей заупокойной статуе без излишней скромности заявляет: «Я вельможа, которому (следует) внимать, (ибо) я вник во все писания жрецов, и нет ничего со времен глубокой древности, чего бы я не знал» (Urk. IV, 415, 13—15). Несмотря на хвастливый тон этих слов, можно не сомневаться, что Сенмут по своему времени был весьма знающим человеком.

Но в общем образование египетских писцов было приблизительно одинаковым. По тем временам оно было довольно разносторонним и готовило писцов к их основной деятельности — руководству в административно-хозяйственной жизни. К писцу, как мы видели выше, предъявлялись высокие моральные требования. В демотическом папирусе Лансинг (26, 24) говорится: «Слова писца — это честность мудрого человека по отношению к своим словам»¹. Однако вся система образования и воспитания писцов была построена так, что не развивались индивидуальные качества. Все было направлено к стремлению создать дисциплинированного и волевого индивидуума, безоговорочно подчиняющегося существующим порядкам и поддерживающего их². Иначе не могло и быть, так как в конечном итоге каждый писец был исполнителем верховой воли фараона, неограниченного повелителя великой древневосточной деспотии.

¹ Volten A. Das demotische Weisheitsbuch. Studien und Bearbeitung.

² Brunner H. Zum Wesen altägyptischer Erziehung // Das Alte Ägypten. Papyruskunde und Koptologie. Bücherkatalog 488. Wiesbaden, 1954. — См. также: Otto E. Bildung und Ausbildung im Alten Ägypten // ZÄS. Bd 81. 1956. S. 49.

ГЛАВА III

КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО ПИСЦОВ

Египетские писцы наряду с административно-хозяйственной деятельностью, которой они занимались, внесли огромный вклад в создание и развитие египетской культуры.

В Древнем Египте, главным образом при храмах, существовали архивы и библиотеки, заполненные документами и «книгами» — результатом неутомимой деятельности писцов. К сожалению, ни один из этих архивов, ни одна библиотека не дошли до нас в нетронутом виде, поэтому о них известно очень немного.

Египетский термин *pr-md3t*, встречающийся уже в текстах Древнего Царства, имеет два значения: «архив» и «библиотека»¹. Определить точно, какое именно из этих значений он имеет в каждом отдельном случае, можно лишь из контекста.

Другой термин *pr n s3(w)*, употреблявшийся впервые в эпоху Среднего царства, имеет значение «библиотека»². Провести грань между архивами и библиотеками по внешнему виду их содержимого невозможно: как документы, так и книги были большей частью свитками папируса. Напри-

¹ Wb. Bd II. S. 187,8.

² Ibid. Bd III. S. 479,3.

мер, папирус Харрис I, папирус Вильбур и др. — документы; папирус Орбиней, папирус Эберс — книги.

Таким образом, ни египетский документ, ни книга внешне совершенно не похожи на наши. Способы их хранения были почти одинаковы, поскольку и те и другие написаны на папирусе. В архивах и библиотеках папирусы хранились либо в ящиках, либо в глиняных сосудах, или в специальных трубообразных футлярах¹. В папирусе Амбрас (XX династия) упоминаются девять папирусных свитков, хранившихся в сосуде *kb.* Это были храмовые записи и разные деловые тексты, следовательно, архивные документы². Вполне допустимо, что иногда архивные документы и книги сохранились в одном помещении. Например, вместе с клинописным архивом Тель-эль-Амарны была найдена светло-голубая фаянсовая табличка с темно-синей надписью (Британский музей, № 22878), которая служила как бы этикеткой к ящику, где хранилась книга. В надписи назван владелец книги «благой бог Небмаат-Ре, одаренный жизнью, любимый Пта, владыка обеих земель» (Аменхотеп III. — *M. K.*) и «царская супруга Ти, да будет она жива». Затем следует и само название книги: «Книга си-комора и финиковой пальмы». Содержание книги неизвестно. Там же были найдены алебастровые таблички, служившие, по-видимому, крышками для продолговатых прямоугольных ящиков, с именем того же царя (Берлинский музей, № 10586—10588). В этих ящиках папирусы

¹ Courroyer B. A propos des dépôts de manuscrits dans les jarres // Revue biblique. Vol. 62. Paris, 1955. P. 76—81; Hermann A. Buchillustrationen auf ägyptischen Bücherkästen // MDAIK. Bd 15. 1957. S. 112—119.

² Peel E. The great tomb-robberies of the twentieth Egyptian dynasty. Oxford, 1930. P. 180—181; Струве В. Наблюдение над большим папирусом Harris // ЗКВ. Т. 1. 1925. С. 435—457.

хранились в футлярах: на внутренней стороне одной из этих крышек сохранился круглый отпечаток папирусного футляра, в течение долгого времени соприкасавшегося с крышкой¹.

Все эти находки свидетельствуют о совместном хранении архивных документов и книг, а также о грамотности Аменхотепа III и его супруги Ти. К сожалению, сохранилось очень мало помещений, о которых с уверенностью можно сказать, что в них хранились архивы и библиотеки.

Рядом с ипостильным залом Рамессеума находилась библиотека, которую Диодор в своем описании гробницы Осимандия назвал по-гречески ψυχῆς ἱατρεῖον «лечебница души». Роскошная дверь, ведущая в это помещение, воспроизведена Р. Лепсиусом². На ней изображены бог Тот и богиня Сешат. Позади бога Тота помещено око, изрекающее: «Я твой помощник позади тебя», а за богиней Сешат — ухо, которое говорит: «Смотри, я в твоем храме миллионы лет... чтобы уладить свою мать, богиню Сешат, великую владычицу книг».

На жертвеннике внутри библиотеки два изображения — бог Ху (Слово) и бог Сиа (Познание)³. Оба божества обращаются к царю. Богатство украшений этой двери, отделанной золотом, говорит о том значении, которое фараон придавал этому книгохранилищу.

В храме Эдфу также известно помещение библиотеки. Над входом в нее имеется символическое изображение, по-

¹ Borchardt L. Ein «ex libris» Amenophis' III // ZÄS. Bd 33. 1895. S. 72—73.

² LD. Bd III. Taf. 167.

³ Как указывает Ж. Капар, этот жертвенник воспроизведен только в сочинении Г. Буртона (*Burton G. Excerpta Hieroglyphica. Cairo, 1925. Pl. LVII*). [Вот они — одни из «составляющих частей» будущего гностицизма. — А. Ч.]

врежденное и до сих пор полностью никем не изданное¹. Оно состоит из небесного свода наверху и прибора писца, который поднимает кверху две обращенные друг к другу лицом человеческие фигуры в виде иероглифов, читающихся *hh* «миллион», «бесконечность». Таким образом, с письменным прибором связано представление о бесконечности. Симметрично расположенные фигуры имеют на головах изображение уха и глаза, тут же боги *Ху* и *Сиа*. Согласно *Ж. Капару*, все это представляет собой нечто вроде текста со следующим содержанием: «Все, что видит глаз и слышит ухо, что понимает ум и выражает слово, — все это превозносит прибор писца». Ручаться за точность этой интерпретации, конечно, нельзя, но смысл приблизительно такой. Эта символика относится ко времени Птоломея VI (Евергета II, но своими элементами она восходит к изображениям и надписям в библиотеке Рамессеума².

О том, что хранилось в этих библиотеках, мы можем представить по фрагментам дошедших до нас каталогов, которых Э. Шотт³ насчитывает шесть:

- 1) список девяти книг, содержащих погребальный ритуал Аписа (демотический текст)⁴;
 - 2) список шестнадцати книг магического содержания в папирусе Британского музея 10051 (магический P. Salt);
 - 3) список книг о празднестве бога Осириса (Лувр, папирус 3176.5.19);

¹ Схематический набросок встречается у Е. Шассина (*Chassinat. Edfou. Vol. 1. Pl. LIX*).

² *Capart J.* L'exaltation du livre // CdE, Vol. 21. 1946. P. 25—28.

³ Schott S. Ägyptisches Buch- und Bibliothekwesen // Ägyptologie. S. 226—227.

⁴ Spiegelberg W. Ein Bruchstück des Bestattungsritual der Apisstiere // ZÄS. Bd 56, 1920, S. 20 ff.

- 4) каталог «Многих ящиков с книгами и больших свитков из подлинной кожи животных», в котором содержится двадцать два названия книг (храм Эдфу);
- 5) второй каталог из того же храма, содержащий четырнадцать названий¹;
- 6) неизданный список тридцати шести книг на колоннах храма в Тоде.

Папирусы, хранящиеся в Египтологическом институте в Копенгагене, из которых многие демотические, происходят, по-видимому, из библиотеки и архива храма бога Себека в Тебтюнисе. А. Вольтен дал их суммарный обзор². Среди них — сказки, астрономический папирус Карлсберг I, фрагменты папирусов религиозного содержания, сонники, астрологические и медицинские тексты, а также разные деловые демотические документы: оракулы, документы о самоотдаче в рабы храма, разные списки, контракты, частные письма.

Несомненно, что библиотек и архивов было много, и с древнейших времен в них хранились подлинные сокровища египетской культуры. Напомним, что знаменитый памятник мемфисской теологии, который был записан во времена фараона XXV династии Шабака на камне, восходит к Древнему Царству. Этот и другие подобные факты свидетельствуют о том, что египетские библиотекари и архивариусы, которые одновременно являлись и писцами, старались сохранить многовековое культурное наследие своего народа, интересовались им и изучали его. К сожалению, до нас дошли лишь незначительные остатки некогда великой и богатой литературы.

¹ Chassinat. *Edfou*. Vol. III. P. 347, 351. — Книги, перечисленные в обоих каталогах Эдфу, в основном религиозного и храмового содержания, некоторые — астрономического (Тураев Б. А. Литература древнего Египта. М., 1920. С. 11).

² Volten A. The papyrus collection of the Egyptological Institute of Copenhagen // Ar. Or. Vol. 19. 1951. P. 70—74.

Особого внимания требует вопрос о термине *pr-‘nḥ* «дом жизни», который неоднократно встречается в текстах разных эпох и обозначает учреждение, бесспорно игравшее огромную роль в культурной жизни Древнего Египта¹. По поводу того, что представляет собой *pr-‘nḥ*, в науке существовали большие разногласия. Например, такие ученые, как Ф. Лаут², Г. Шэфер³, затем и Б. Ганн⁴, считали «дом жизни» чем-то вроде высшего учебного заведения. Это мнение основывалось не на совокупности всех текстов, в которых упоминается *pr-‘nḥ*, а на данных текста, взятого с наофорной статуи Уджахоррессента в Ватикане.

Впервые почти полностью весь материал о *pr-‘nḥ* собрал и обработал А. Гардинер. В его текстах разобрано шестьдесят случаев упоминания *pr-‘nḥ* в текстах разных эпох⁵.

¹ Термин *pr-‘nḥ* различен по содержанию с термином *ht-‘nḥ*, также встречающимся в египетских текстах, несмотря на то, что слово *ht*, как известно, также имеет значение «дом» (Wb. Bd III. S. 1—4). Как установил А. Гардинер, термин *ht-‘nḥ* служит для обозначения одного из помещений, в котором жил и питался фараон. Только в единственном случае в текстах замечена путаница *pr-‘nḥ* и *ht-‘nḥ*. В известной «стеле голода» на острове Сехель на Ниле, относящейся к греческому времени, вместо *pr-‘nḥ* ошибочно стоит *ht-‘nḥ* (Gardiner A. The Mansion of Life and the master of the kings largess // JEA. Vol. 24. 1938. P. 89).

² Lauth Fr. Die altägyptische Hochschule von Chennu // Sitzungsberichte der Münchener Akademie der Wissenschaften, 1872.

³ Schäfer H. Die Wiedereinrichtung einer Arzteschule in Sais unter König Darius I // ZÄS. Bd 37. 1899. S. 72.

⁴ Gunn B. Interpreters of dreams in Ancient Egypt // JEA. Vol. 4. 1918. P. 252.

⁵ Gardiner A. The House of Life // JEA. Vol. 24. 1938. P. 157—180. — Ниже приведены и разобраны только случаи упоминания *pr-‘nḥ*, которые имеют прямые или косвенные указания на сущность «дома жизни» и на деятельность его персонала.

Позже Г. Позенер пополнил список А. Гардинера семью примерами¹. Следует назвать еще одно упоминание «дома жизни», не отмеченное ни А. Гардинером, ни Г. Позенером. В гробнице вельможи времен царицы Хатшепсут, по имени Сенеманх, последний назван лицом «влиятельным в доме жизни» (Urk. IV, 513, 9—10). О нем же на одной статуе его сказано, что он был жрецом *hrj-hb hrj-tp* (Urk. IV, 515, 9). Более чем вероятно, что в текстах имеются и другие незамеченные исследователями упоминания *pr-‘nḥ*. Во всяком случае материал, собранный А. Гардинером, является основополагающим.

Исходя из материалов А. Гардинера, вопрос о *pr-‘nḥ* исследовал датский египтолог А. Вольтен, развивая и дополняя наблюдения А. Гардинера, отчасти полемизируя с ним. А. Гардинер считает, что «дом жизни» не был ни школой, ни тем более университетом; А. Вольтен, наоборот, видит в *pr-‘nḥ* нечто вроде университета; подробнее об этой полемике будет сказано далее². Наконец, специальный параграф о *pr-‘nḥ* содержится в книге, посвященной библейскому преданию о пребывании Иосифа в Египте, которая была написана бельгийским египтологом Ж. Верготом³.

В дальнейшем мы будем исходить из материалов А. Гардинера, учитывая взгляды А. Вольтена и Ж. Вергота.

Впервые *pr-‘nḥ* упоминается в тексте времен Пепи II (фараона VI династии (Urk. I, 286, 10, 289, 8)⁴. Однако конкретных данных ни о «доме жизни», ни о его персона-

¹ Posener G. L'exorde de l'instruction éducative d'Amennakhte // RE. Vol. 10. 1955. P. 71—72.

² Volten A. Demotische Traumdeutung. Kopenhagen, 1942. S. 17—80.

³ Vergote J. Joseph en Egypte. Louvain, 1959. P. 74—80.

⁴ Gardiner A. The House of Life // JEA. Vol. 24. 1938. P. 160.

ле здесь не содержится. Ко времени Среднего Царства относится первое известное нам упоминание на Каирской стеле (20023) писца «дома жизни»¹.

Необходимо отметить, что упоминание *pr-‘nḥ* в поздних текстах, особенно греко-римского времени, встречается чаще, чем в ранних текстах. А. Гардинер объясняет это отчасти тем, что именно в поздние времена истории Египта наметилось четкое различие между употреблением иероглифического и иератического письма для религиозных целей и демотического для повседневных нужд. Так, в Канопском декрете (32, 37) иероглифическое письмо названо *sš pr ‘nḥ* «письмо дома жизни» в противоположность демотическому, которое названо *sš n ȝ* «письмо писем»*.

Тексты, в которых упоминается *pr-‘nḥ*, очень скромно говорят об этом учреждении, и поэтому наши сведения о нем весьма ограничены. Тем не менее на их основании все-таки можно прийти к определенным выводам.

Установлено, что «дома жизни» находились в некоторых крупных городах, по крайней мере из отдельных памятников нам точно известно о существовании такого «дома жизни» в Абидосе (текст на луврской статуе А 93 врача фараона XXVI династии Пефтуанейта и папирусе Сальт 825, теперь — папирусе Британского музея 10051 в Эдфу²), в Ахмиме (Каирская стела 22070), в Саисе (наофорная статуя № 156 в Ватикане) и в Тельль-эль-Амарне, где были обнаружены развалины «дома жизни», построенного из кирпичей, на которых виден штамп *pr-‘nḥ*. Здесь же были

¹ Ibid.

* Вот где, возможно, сохранялась, изъяснялась и культивировалась традиция именно иероглифического письма, «святая святых» египетского письма во всех его разновидностях. — А. Ч.

² Chassinat. Edfou. Vol. V. P. 135, pl. 44—45.

найдены остраконы со списками царских писцов. Тель-эль-Амарнский «дом жизни» был расположен в 400 м от храмового комплекса и состоял из двух небольших зданий¹. В первом было шесть комнат, окруженных чем-то вроде коридора. Второе здание совсем маленькое, и в нем был обнаружен фрагмент заупокойного папируса, хранящийся в одном из музеев Оксфорда. По соседству с «домом жизни» находилось «место корреспонденции фараона, да будет он жив, невредим и здрав». Это здание также было построено из кирпичей с соответствующим на них штампом².

Из отрывка магического папируса Сальт 825 очевидно следующее: «дом жизни» связан с представлением египтян о том, что основное назначение многих письменных произведений заключалось в сохранении и обеспечении жизни царя и людей на земле и в потустороннем мире, и не только их жизни, но и жизни богов и, в частности, самого Осириса (6,5—7,7). Приведем этот отрывок, исходя из перевода А. Гардинера, который внес несколько исправлений, оговоренных в настоящей работе: «Что касается дома жизни — он будет в Абидосе. Построй его из четырех частей (букв. «тел», по Б. Тураеву «корпусов». — *M. K.*), а внутреннюю (его) часть из тростника крытую. Что касается четырех [] и одного ♀, что касается “живущего”, то это — Осирис. Что касается четырех [], — это Исида, Нефтида, Геб и Нут³. Исида у одной стороны, Тот у другой. Это четыре

¹ Тексты в Эдфу дают также основание предполагать, что «дом жизни» находился вне храмового комплекса (*Gardiner A. The House of Life // JEA. Vol. 24. 1938. P. 174. N. 50*).

² *Pendlebury J. D. S. Excavations at Tell-el-Amarna // JEA. Vol. 20. 1934. P. 134; Gardiner A. The House of Life // JEA. Vol. 24. 1938. P. 160.*

³ В этом месте А. Гардинер вносит поправку: то, что Геб и Нут вписаны по ошибке вместо Хора и Тота, ясно из последующего изложения (*Gardiner A. The House of Life // JEA. Vol. 24. 1938. P. 168. N. 1*).

угла¹. Геб — его пол, Нут — его крыша, его бог великий и тайный поконится в нем. Четыре части (букв. «тела». — M. K.) извне — из камня, и он («дом жизни») как *idr.tj*². Пол его — песок³. Вся его наружная сторона (имеет) четыре входа — один южный, другой северный, другой западный, другой восточный. Он («дом жизни») совершенно укрыт. Не будь он ведом, не будет он видим, только солнце узрит его тайну. Люди, которые входят в него, — это

¹ А. Гардинер переводит египетское слово *qṣḥ* английским словом side (сторона) (Gardiner A. The House of Life // JEA. Vol. 24. 1938. P. 168). Как мне указал акад. В. В. Струве со ссылкой на словарь (Wb. V, 19), слово *qṣḥ* в поздних текстах (начиная с XVIII династии) обычно имеет значение «угол», а не «сторона». Он же обратил мое внимание на то место исследования В. И. Евгеновой, где она указывает, что «египетский храм, гробница, дом, согласно работам Г. Масперо, представляет образ космоса в связи с восприятием мира в виде квадратного ящика, крышка которого — небо — поддерживается на 4-х углах 4-мя столбами, охраняемыми 4-мя детьми Гора небесного, богами 4-х домов вселенной» (Евгенова В. И. Магический папирус Salt 825 Британского музея как источник изучения египетских мистерий-защит // Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук. 1938. С. 514, прим. 1).

² Gardiner A. The House of Life // JEA. Vol. 24. 1938. P. 168. — А. Гардинер переводит слово *idr.tj* английским two wings (два крыла). Словарь этого значения не приводит (Wb. I, 147, 148). Б. Тураев объясняет термин *idr.tj* как «два архаических святилища обеих половин Египта, перенесенные на небо» и не переводит это слово (Тураев Б. Магический папирус Salt 825 Британского музея // Записки классического отделения Русского археологического общества. 1917. Т. IX. С. 7, прим. 1). В словаре приводятся значения, близкие к интерпретации Б. Тураева. Суффикс *f* в *iw.f m idr.ij* относится не к слову «камень», а к «дому жизни».

³ Песок имел ритуальное значение (Евгенова В. И. Магический папирус Salt 825 Британского музея... С. 514, прим. 2).

книжники Рэ¹, это писцы дома жизни. Люди, которые внутри него (пребывают), — жрец *fktj* лысый — Шу это, жрец-палах — Хор это, который убивает врагов отца своего Осириса, (и) писец божьей книги — Тот это. Это (именно) он будет читать (ритуал) ежедневно, невидимый, неслышимый и благоприятствующий устами². Укрыты тела и уста их, так как они далеки от нападения внезапного, не вступят в него (в «дом жизни») азиаты, не уэрят он (азиат) его (бога), ибо ты очень далек от них (азиатов). Что касается книг, которые в нем (в «доме жизни»), — это души (бога) Рэ, чтобы оживить бога этого (Осириса), чтобы сокрушить рабов его. Что касается книжников дома

¹ Так переводит Б. Тураев. В данном контексте очень соблазнительно переводить именно так. Но А. Гардинер (*Gardiner A. The House of Life // JEA. Vol. 24. 1938. P. 171, 179*) подвергает сомнению такой перевод, исходя из серьезных филологических и палеографических соображений, и переводит словом *staff* (персонал). Иначе говоря, А. Гардинер читает *tt* или *tj*, а Б. Тураев — *md3tj*. Такое разногласие возникло потому, что совершенно различные иероглифы *t* и *md3t* в иератическом письме пишутся почти одинаково. Если *md3tj* значит «книжник», то *tt* или *tj* — «персонал». [См. Wb. V, 338: «Schreiberschaft» «книжники, писцы, комната писцов» = ἱερογράμματεῖς = «толкователи священных текстов». Так что вопрос решается, вероятно, в зависимости от того, что желает увидеть в этом тексте тот или иной исследователь. — А. Ч.]

² А. Гардинер переводит *hale of mouths* «здравый устами» (*Gardiner A. The House of Life // JEA. Vol. 24. 1938. P. 168*), А. Вольтен — «молчаливый», причем А. Вольтен сравнивает это с латинским термином *«favete linguis»* (*Volten A. De motische Traumdeutung. S. 20*). Однако, как отметил акад. В. В. Струве, *favere* значит «благоприятствовать». Египетский глагол *wd3* имеет ряд близких значений (Wb. I, 399—400). Отсюда *wd3r3* «благоприятствующий устами», если рассматривать *wd3* как причастие, относящееся к богу Тоту. Эта интерпретация подходит по смыслу к контексту «читать ритуал», что значит «благоприятствовать устами» (в данном случае богу Осирису. — М. К.).

жизни, — это те, которые внутри его, слуги это Рэ, защищающие сына его Осириса»¹.

В приведенном отрывке описывается, конечно, не реальный «дом жизни», а представление об идеальном, очевидно, тесно связанное с очень древними воззрениями осирисского цикла. Здесь особенно важны три момента: 1) секретный, тайный характер деятельности «дома жизни»; 2) сакральный характер его персонала; 3) указание на то, что бог Осирис живет теми книгами, которые там находятся.

Все эти три момента, как мы увидим ниже, налицо не в идеальных, а во вполне реальных «домах жизни», что подтверждается и другими данными, собранными А. Гардинером, к рассмотрению которых мы переходим².

Деятельность «дома жизни» по представлению египтян была тесно связана с деятельностью некоторых божеств.

(51) В библиотеках храма Эдфу есть надпись, в которой об Осирисе-Хентиаментиу сказано, что он «положил начало дому жизни для работы повелителя его» (повелителя «дома жизни»). А. Гардинер видит здесь в «повелителе» бога Тота, и в подтверждение своего толкования ссылается на Диодора (I, 15—16), повествующего о том, что Осирис сделал Тота своим писцом и проявил к нему особую благосклонность.

¹ Gardiner A. The House of Life // JEA. Vol. 24. 1938. P. 168; Тураев Б. Текст магического папируса Salt 825 Британского музея // Известия Академии наук. Пг., 1916 (иероглифическая транскрипция); Тураев Б. Магический папирус Salt 825 Британского музея // Записки классического отделения Русского археологического общества. 1917. Т. IX. С. 231—241; Евгнова В. И. Магический папирус Salt 825 Британского музея как источник изучения египетских мистерий-защит.

² Gardiner A. The House of Life // JEA. Vol. 24. 1938. P. 74. — Ниже приводятся в скобках номера примеров А. Гардинера.

- (52–53) Как божества, связанные с «домом жизни», упоминается в Эдфу и Карнаке богиня письма Сешат; и в Эдфу, Эсне и Эт-Тоде как божество «дома жизни» назван бог Хнум.
- (54) В Эдфу перечислены еще семь богов, которые говорят о себе: «Мы снабжаем дом жизни священными...».
- О связи «дома жизни» с медициной убедительно свидетельствуют следующие примеры.
- (1) Текст на наофорной статуе 158 Уджахоррессента в Ватикане. Это автобиографический текст, из которого мы узнаем, что Уджахоррессент был очень высокопоставленным лицом при Псамтике III; это подтверждается перечислением его титулов и должностей. Однако среди них нет жреческих. При Камбизе он стал *wr swnw* «главным врачом»¹ и на протяжении всего повествования называет себя только так. Как это хорошо известно, Уджахоррессент пожаловался Камбизу, что храм богини Нейт в Саисе заселили варвары. Камбиз приказал очистить от них храм, восстановить его, и сам потом посетил храм и помолился там египетской богине. Затем, уже при Дарии I, Уджахоррессент снова оказал большую услугу своему отечеству. Он повествует: «Его величество царь Верхнего и Нижнего Египта Дарий I, да живет он вечно, приказал мне вернуться в Египет, в то время как его величество находился в Эламе и был великим повелителем всякой страны и великим правителем Египта, чтобы восстановить залы² *pr-‘nḥ...* (после) их разрушения. Передавали меня варвары из страны в страну и

¹ Posener G. La première domination perse en Egypte. Le Caire, 1936. P. 7.

² В оригинале стоит слово *ḥ3*. Как отметил Г. Позенер в своем комментарии, это же слово встречается и в папирусе Анастаси I (1, 2, 3), где мы его перевели «зал (писания)» и где оно стоит в связи с деятельностью писцов. Может быть, здесь его было бы точнее перевести словом «службы».

передали меня (наконец) в Египет в соответствии со всем тем, что приказал мне его величество. Я снабдил их (залы или службы) персоналом из сыновей знати, и не было сына бедняка среди них. Я поместили их под руководство каждого мудреца... всех работ. Приказал его величество дать им всякие хорошие вещи, чтобы они выполняли все свои работы. Снабдил я их умением всяческим и всяческими принадлежностями в соответствии с тем, что записано и что было ранее. Сделал это его величество, потому что он знал пользу этого искусства, чтобы дать жить больным, чтобы увековечить имена всех богов, храмы их, подношения им и праздновать празднества»¹. А. Гардинер указывает, что слово *md3tiw* не может быть передано как *Schüler* «ученики» в работе Г. Шефера или как *étudiants* «учащиеся» в труде Г. Позенера, — оно имеет значение *staff* «персонал»². Здесь же следует добавить, что термин *hr*³ «под руководством» указывает лишь на применение в «доме жизни» той системы ученичества, которая практиковалась во всяких службах еще в Древнем Царстве, описана выше и заключалась в том, что молодой и еще неопытный писец обучался своей профессии на практической работе под непосредственным руководством начальника.

Таким образом, из данного текста нельзя еще сделать заключения, что «дом жизни» был училищем типа школ Нового Царства. Самое интересное в нашем тексте то, что именно главному врачу Уджахоррессенту повелел всемогущий Дарий I восстановить «дом жизни». Он сделал это,

¹ Приведенный перевод сделан по изданию текста в упомянутой книге Г. Позенера и сверен с переводом А. Гардинера (*Cardiner A. The House of Life // JEA. Vol. 24. 1938*).

² *Cardiner A. The House of Life // JEA. Vol. 24. 1938. P. 170—171, 179.*

как гласит текст, «потому что он знал пользу этого искусства, чтобы дать жить больным». Тесная связь между медициной и «домом жизни» здесь бесспорна, и не случайно для восстановления этого учреждения Дарий I выбрал своего главного врача¹. Наряду с медициной упоминается «увековечение имен всех богов храмовых, приношений им и празднование празднеств». Таким образом, ватиканский текст содержит конкретные данные о том, что делалось в «домах жизни».

- (6) На Каирской стеле 20023 Среднего Царства (из Ахмима) изображен *swnw* «врач», по имени Амени, со стоящим перед ним писцом «дома жизни», по имени Кеку. Конечно, сочетание писца «дома жизни» и врача в этом изображении на одной стеле не случайно.
- (27) На Луврской статуе А 93, изображающей врача фараона XXVI династии Априеса, по имени Пефтуанейт, имеется его автобиографическая надпись, где он говорит, что среди прочих деяний им восстановлен «дом жизни».
- (32) Известная так называемая Бентеш-стела повествует о том, что Рамсес II женился на Нефрурэ, дочери принцессы Бахтан. Вскоре после этого брака в Египет явился представитель принцессы Бахтан с просьбой прислать опытного египетского врача лечить заболевшую Бентреш, старшую сестру Нефрурэ. Тогда Рамсес созвал совещание «персонала дома жизни и придворных» и спросил их, как ему быть. В результате фараон послал к принцессе Бахтан опытного врача.

Хотя текст этой стелы, как установлено, не отражает реальных событий, он все равно помогает выявить органическую связь между «домом жизни» и медициной.

¹ Египетские врачи имели хорошую репутацию: по сообщению Геродота III (1), Кир пользовался услугами египетского глазного врача, присланного к нему Амасисом.

Гораздо большее число текстов свидетельствует о том, что в «доме жизни» создавалась магическая литература, имевшая большое значение в духовной жизни древних египтян.

(23) В магическом папирусе Лейдена 347 (3, 1) бог «Хор в Шенути» назван «правителем книг», а в следующей строке («владыкой слов, великим в доме жизни, созиателем в книгохранилище». Далее, в том же папирусе (12, 6, 7), говорится, что это божество совместно с богом Тотом создает магические произведения.

(24) В магическом папирусе Харрис (папирус Британского музея 10042, 6, 10) содержится заклинание, которое должно охранять путешественника по воде от всяких несчастных случайностей. Оно названо здесь «подлинным секретом дома жизни».

(25) На саркофаге некоего Анхефенамуна из Дер-эль-Бахри (Брюссельский музей)¹ изображена богиня Исида. Надпись, сопутствующая изображению, гласит: «Я, Исида великая, мать бога, владычица дома жизни, пребывающая в мести бальзамирования». Как известно, по египетским воззрениям, Исида считалась великой волшебницей.

(26) Рельефы со сценами празднования торжества сед, открытые Навиллем в Бубасте, изображают разных участников празднества. Процессия жрецов с папирусными свитками в руках названа в сопровождающей надписи «друзья и мастера магии». Над одной из фигур (каждая отдельная фигура символизирует множество) написано: «Отряд дома жизни».

(30) На Луврской статуе А 94 времени XXX династии начертаны титулы и названия должностей лица, которое изображает статуя. Среди них находим интересный титул: «Руководитель мастеров магии в доме жизни». Другая статуя

¹ Speleers L. Recueil des inscriptions égyptiennes des musées royaux du cinquantenaire à Bruxelles. Bruxelles, 1923. Р. 77. № 290.

этого лица с таким же титулом хранится в Британском музее (1646).

- (33) В уже упоминавшемся выше магическом папирусе Сальт 825 говорится о сборнике магических заклинаний: «Только писец мастерской (?)», имя которого в доме жизни, будет читать его» (6, 23).
- (34) В очень позднем заупокойном папирусе, известном в науке под названием «Книга прохождения вечности» (60—61)¹ имеется следующий отрывок: «Прекрасна пища твоя близ книг, возникают запасы твои в доме жизни». Мысль, выраженная этими словами, заключается в том, что благодаря магической силе заупокойного текста, изготовленного в «доме жизни», упоминаемые в нем продукты становятся реальными для умершего².
- (36) В очень позднем магическом папирусе, известном под названием папирус Бремнер-Ринд, сказано: «Это тайная книга дома жизни, которую не узрит чье-либо око, тайная книга ниспровержения Апопи» (29, 16).
- Издатель папируса Р. Фолкнер вместо подлежащего *pr-‘nḥ* ошибочно прочел *pr-hd*, что было отмечено Г. Позенером.
- (58) В сказке о сыне Хаэмуса, о Са-Осирисе, сказано: «ребенок (Са-Осирис) начал (?) повторять заклинания (?) вместе с писцами дома жизни» (1, 12).
- (59) Там же писцы «дома жизни» имели самое близкое отношение к жречеству.
- (4) Каирская стела 20539 из Абидоса жреца *-sm* и жреца *ḥrj-hb(t)* Ментухотепа называет еще «стоящим над тайнами дома жизни»³.

¹ Bergman E. Das Buch von Durchwandeln der Ewigkeit. Wien, 1877.

² Gardiner A. The House of Life // JEA. Vol. 24. 1938. P. 169.

³ Volten A. Demotische Traumdeutung. S. 22.

- (5) В Эль-Берше «начальник царского гарема Иха» называет себя «заботившимся об умилостивлении богов, начальником писаний в доме жизни»¹.
- (9) В гробнице некоего Аменуахсу в Фивах (гробница № 111, времен Рамсеса II) перечисляются титулы и названия должностей этого лица. Среди них мы находим: «Писец книги бога в доме Амуна», «жрец — *wch* в доме Амуна» и др. Затем об Аменуахсу говорится, что он «писец, записавший анналы богов в доме жизни». Все это написал при жизни сам Аменуахсу, ибо одна из надписей гласит: «Написан этот текст в гробнице этой писцом дома жизни Аменуахсу, его собственными перстами».
- (10) В той же гробнице оба сына Аменуахсу — Дида и Хаемине — названы «писцами дома жизни». Впоследствии Хаемине переселился в Илиополь, о чем свидетельствует его стела, хранящаяся в музее в Штутгарте, на которой он назван «записавшим анналы всех богов в доме жизни и отцом бога Рэ — Атума в доме жизни». Может быть, таковым был и отец Аменуахсу, по имени Симут, являвшийся «рисовальщиком владыки обеих стран во всех памятниках Амуна в Карнаке, записавший имя великого благого бога в Рамессеуме в доме Амуна на западе Фив».
- (13) В знаменитом папирусе, повествующем о заговоре против Рамсеса III, среди осужденных за участие в этом заговоре упоминаются два писца «дома жизни». Это очень интересный факт, косвенно свидетельствующий о высоком общественном положении этих лиц, ибо вряд ли в заговоре могли участвовать лица, далекие от дворца и царя².

¹ Neweberry P. El-Bersheh. Vol. II. London, 1914. P. 21, 3.

² Buck A. de. The judicial papyrus of Turin // JEA. Vol. 23. 1937. P. 152—164.

- (16) В надписи Рамсеса IV в Вади-Хаммамат упоминается писец «дома жизни», по имени Рамсесемхеб, которому совместно с царским писцом Хори и жрецом *hm-ntr* бога Мина и Исиды в Коптосе, по имени Усирмаарэнхат, было поручено выяснить, какие именно памятники из камня бехен, добывавшегося в Вади-Хаммамат, были сооружены в фиванском некрополе.
- (17) В одном гравюре времен Рамессидов на острове Сехель на Ниле упоминается «писец книги бога в доме жизни, царский знакомый владыки обеих стран, начальник работ (в) храме Амуна на западе Фив, Рамсеснахт».
- (18) Венская стела 51¹ времен Рамессидов (вероятно, из Абидоса). На ней говорится об Аменмесе, который был «писцом-счетчиком злаков всех богов». Его сын Пренен назван «писцом книги бога владыки обеих стран», «писцом дома жизни владыки обеих стран», «руководителем праздников Осириса» и, что совершенно неожиданно, «первым начальником конюшни его величества, защищающим (того, кто) во дворце».
- (32) В голенищевском ономастиконе его автор Аменопе назван «писцом книги бога в доме жизни» и «писцом дома жизни, искусным в своей должности».

В знаменитом демотическом папирусе Риланд IX персидского времени повествуется о том, как Петеисе I, живший еще при Псамтике I (эпизод относится к 14-му году правления этого царя), доставил из Элефантины в Теуджой гранитную плиту, на которой он хотел зафиксировать свои деяния в пользу города. Для этой цели Петеисе I пригласил каменотесов, писцов «дома жизни» и художников.

¹ Bergman E. Inschriftliche Denkmäler der Sammlung ägyptischen Alterthümer des Österreichischen Kaiserhauses // RT. Vol. 9. 1887. P. 40.

Само собой разумеется, что именно писцы «дома жизни» должны были руководить работой (7, 16).

(29) В том же папирусе рассказано, как Петеисе II, внук Петеисе I, должен был сопровождать фараона Псамтика III в Сирию. Для сопровождения фараона собрали жрецов из многих городов страны и Петеисе II также предложили состоять в свите царя. И когда он стал отказываться от такой чести, то жрецы Теуджоя стали его уговаривать: «Вот ты писец дома жизни, нет ничего, о чем бы тебя не спросили, на что ты не мог бы ответить» (14, 21). Здесь жрецы прямо признают огромное превосходство над собой писца «дома жизни», и Петеисе II отправился в Сирию как самое ученое лицо во всем городе.

(35) На одной поздней стеле из Хауара¹ говорится: «...книгохранилища, славословия тебя — в доме жизни, и имя твое будет произносить персонал дома жизни, когда он будет читать свои славословия...». На обратной стороне стелы начертаны обращения к разным жрецам и в том числе к кому-то из «дома жизни». Мы говорим «к кому-то», потому что место, предшествующее словам *pr-‘nḥ* «дом жизни», в тексте повреждено.

(37) На стеле из Мендеса времени Птолемея Филадельфа перечисляются разные жрецы, из которых состоял персонал «дома жизни» (Urk. II, 48, 11—49, 12)².

(38) Трехязычные декреты птолемеевского времени³ имеют стереотипное для всех них начало: «Сего дня декрет: начальники храмов и жрецы *ḥm-ntr*, жрецы, которые входят в

¹ Daressy G. Une stèle de Hawara // RT. Vol. 36. 1914. P. 76.

² Однако слова «персонал дома жизни» являются здесь восстановлением Зете.

³ Имеются в виду декреты: Розеттский (Urk. II, 172); Канопский (Urk. II, 126); Филэ I (Urk. II, 204); Филэ II (Urk. II, 216).

святое помещение, чтобы облачить богов в одеяние их вместе с писцами «Книги бога» и вместе с персоналом дома жизни, вместе с другими жрецами — *w'b*, прибывшими из обеих частей Египта — Верхнего и Нижнего, говорят они...». Далее следует текст декрета. Необходимо отметить, что в Канопском декрете вместо слов «персонал дома жизни» (*md3tjw pr-‘nḥ*) стоят слова «мудрецы» (букв. *għ ht* «знающие вещи»). В демотической версии декретов этому соответствует *nʒ shw pr-‘nḥ* «писцы дома жизни», а в греческой — *ιερογράμματεῖς*. Вообще в греческом тексте отсутствует термин «дома жизни». Он везде заменен словом *ἱερός*¹.

- (42) В 24-й год правления Птоломея VI в Фивы был доставлен по реке новый священный бык. Его везли «придворные, жрецы *ḥtm-ntr*, жрецы *w'b* и персонал дома жизни»².
- (43) Луврская стела С 232 птолемеевского времени. Ее владельцем был «царский писец, жрец *ḥtm-ntr* (богини) Мехит в Абидосе, Петихарпократ». Воздвигнувший эту стелу Имхотеп, сын Петихарпократа, среди прочих титулов назван «жрецом *ḥtm-ntr* (бога) Тота в доме жизни».

В главной надписи Петихарпократа содержится его обращение к его коллегам с призывом воздать хвалу богу Тоту. Это обращение начинается словами: «О все жрецы *w'b*, вникающие в слово бога, искусные в письме, просвещенные в доме жизни и нашедшие... (пути?) богов, вникшие в письмена книгохранилища и раскрывающие тайны эманации *R*э (священных книг), искусные в трудах предков и отверзающие сердце того, что находится на стене, вырезающие (письмена в) гробницах и истолковывающие тайны...».

¹ Gardiner A. The House of Life // JEA. Vol. 24. 1938. P. 172.

² Mond R., Myers O. Bucheum. London, 1934. Pl. 41.

Совершенно очевидно, что этот текст имеет серьезное значение для освящения деятельности персонала «дома жизни».

(44) На одной венской стеле тот же Имхотеп снова назван «жрецом *ḥm-ntr* (бога) Тота»¹.

(45) Каирская стела из Ахмима 22070. В ее тексте некий Ахмес назван «жрецом *ḥsk*, танцором, жрецом-чтецом *ḥrj-ḥb(t)* (бога) Мина, жрецом — *fktj*, начальником пустынь, начальником жрецов (богини) Сехмет, жрецом *ḥm-htr* (бога) Тота в доме жизни, писцом книги (бога) Мина...».

(46) В надписи на Каирской стеле 22017 некий Хоруннофер назван «старшим над тайнами слова бога», «мудрецом в (отношении) всякого сундука в доме жизни, который (сундук) в доме Мина», и, наконец, «начальником обучения детей жрецов *ḥm-ntr*, жрецов *w'b* и жрецов *q*»; он назван также «писцом книги бога». Сундук, упомянутый в тексте, не что иное, как ящик, в котором хранились папирусы, и, следовательно, слова «мудрец в (отношении) всякого сундука» и т. д. означают, что Хоруннофер знал все папирусы, хранившиеся в «доме жизни». Слова «начальник обучения детей жрецов...» данного текста и слова «учитель дома жизни» являются весьма веским аргументом в пользу того, что в «домах жизни» преподавание детям жрецов было обычным явлением.

(47) На другой стеле из Ахмима 7641 (музея во Флоренции) некий Пахет назван жрецом и писцом «дома жизни».

(48) На стеле Британского музея 808 сказано, что некий Уннофер был жрецом *ḥsk* в палате, царским писцом в «доме жизни».

(49) На стеле, некогда входившей в состав частной коллекции Ли в Хартвелхаусе, приведены титулы и названия должно-

¹ Wreszinski W. Aegyptische Inschriften aus dem Hofmuseum in Wien. Bd I. Leipzig, 1906. Taf. 25. S. 89.

стей некоего Педиисе, «писца Книги бога», «начальника жрецов богини Сехмет» и «великого жреца *hm-ntr* дома жизни».

- (57) В демотической сказке о верховных жрецах Мемфиса содержится предложение, смысл которого не совсем ясен (3, 8). Ф. Гриффис переводит это предложение так: «Он был занесен в список дома жизни». А. Гардинер считает этот перевод сомнительным.

Поскольку писцы «дома жизни» или сами были жрецами, или были тесно с ними связаны, естественно, что они занимались составлением религиозных текстов. Об этом свидетельствуют следующие документы.

- (14) В стеле Рамсеса IV из Абидоса¹ рассказано о том, что этот фараон изучал документы «дома жизни», содержащие сведения о сущности бога Осириса, который в тексте стелы назван богом луны, Нила и преисподней.
- (15) В другой надписи того же Рамсеса IV, в Вади-Хаммат², читали о том, что он был превосходен в понимании подобно (богу) Тоту и вник в анналы, как тот, кто их создал, и рассмотрел писание «дома жизни».

Из дальнейшего текста очевидно, что фараон хотел узнатъ, где ему надо добыть материал для сооружения нового большого памятника. Конечно, нельзя быть уверенным в том, что здесь речь идет о каких-то религиозных текстах, но весьма вероятно, что это так.

- (39) Из Канопского декрета (34) узнаем, что певцы и певицы пели в честь покойной царевны Береники «гимны, написанные персоналом дома жизни и врученные начальнику обучения пению; записано подобное в книге дома жизни» (Urk. II, 151—152).

¹ *Mariette A. Abydos. Paris, 1880. Vol. II. P. 54—55.*

² *Couyat J., Montet P. Les inscriptions de Ouâdi-Hammât. Le Caire, 1912. N. 240.*

(55) В демотической сказке о верховных жрецах Мемфиса о Ненеферкапта сказано, что он ходил по мемфисскому некрополю, читая тексты в гробницах царей и на стелах, составленные писцами «дома жизни» (3, 9).

(56) В той же сказке (6, 8—10) о стелах некрополя Коптоса говорится, что это стелы, составленные писцами «дома жизни». К этим данным А. Гардинер в послесловии добавляет еще следующее:

а) Магический папирус Каир 58027, ранее известный как папирус Булак VII (римское время)¹, содержит два упоминания «дома жизни». В первом из них говорится о самом папирусе, что он «не должен быть видим ничьим глазом, исключая самого царя, главного жреца *hrj-hb(t)* и хранителя мирры в доме жизни» (3, 14), во втором упоминается «великое тайное умащение дома жизни» (4, 1). Отсюда следует, что в «доме жизни» хранились благовония и изготавлялись умащения.

б) В храме в Эт-Тоде греко-римского времени бог Хнум наделен эпитетом «владыка дома жизни, пребывающий в Эсне».

в) В нескольких случаях богиня Исида и богиня Нefтида (каждая из них) названы «госпожой дома жизни» и «госпожой места бальзамирования», что очень интересно и указывает на несомненную связь «дома жизни» с бальзамированием².

г) В храме Эдфу в одном тексте сказано, что стелы храма были разукрашены великими ремесленниками «дома жизни»³.

¹ Golénischeff W. Papyrus hiératiques. Le Caire, 1927. P. 114.

² Chassinat E. La seconde trouvaille de Deir-el-Bahri. Le Caire, 1910. P. 31, 40, 62, 72, 76, 80, 81, 83, 85.

³ Chassinat. Edfou. Vol. VII. P. 12, 2.

Г. Познер приводит, как мы уже говорили выше, еще семь текстов, в которых упоминается «дом жизни». На трех из них необходимо остановиться, тогда как остальные четыре интереса не представляют.

Первый из них, времен Рамсеса II, говорит об одном жреце *w'b*, «предсказывающем события, заместителе в доме жизни (по имени) Мери»¹. Титул «заместитель в доме жизни» пересекается с граффито на острове Сехель времен Рамсеса III, в котором упомянут «заместитель дома жизни, владыка обеих стран, Хонсу» (пример 12 А. Гардинера, выше не приведенный). Второй, очень короткий, но важный текст находится на скарабее 36065 Каирского музея (датируется XIII—XVII династиями), был найден в Абидосе, где, как мы видели выше, был «дом жизни». Этот текст гласит: *sh3w n pr-chn* «учитель дома жизни»². Значение этого текста заключается в том, что он свидетельствует о наличии преподавания в «доме жизни», о чем умалчивают все другие тексты, упомянутые и разобранные выше.

Наконец, третий текст — это текст остракона 41541 Британского музея, содержащий поучение писца Аменнахта своему ученику Хормину. Помимо остракона Британского музея имеются еще три остракона с очень незначительными отрывками из этого текста. Из них представляет интерес Каирский остракон, дающий основание предположительно прочесть слова Аменнахта из «дома жизни». Этому поучению и посвящена интересная работа Г. Познера. Поучение заканчивается словами: «Будь писцом и, посещая дом жизни, стань мудрецом, подобным сундуку с книгами». Последние слова очень близки к одной из фраз в надписи на Каирской стеле 22017 (см. выше, пример 46 А. Гардинера).

¹ Posener G. L'exorde de l'instruction éducative d'Amennakhte // RE. Vol. 10. 1955. P. 70.

² Newberry P. Scarab-shaped seals // CGC. 1907.

Указание на астрономические штудии в «доме жизни» содержится в Канопском декрете. В демотической его части (35) сказано: «...в день, когда восходит Сириус, который называется началом года, в писаниях дома жизни»¹.

Наконец, надо остановиться еще на одной, очень существенной стороне деятельности «дома жизни», тесно связанной с магией. На это впервые указал Б. Ганн², а разработал А. Вольтен³. Мы имеем в виду искусство толкования снов, тесно связанное с магией, которое очень занимало умы древних египтян. Свидетельством тому являются дошедшие до нас весьма любопытные по содержанию сонники. Помимо этого в известном папирусе Государственного Эрмитажа за № 1116А, содержащем поучение царю Мерикарэ, находим следующие слова: «Создал он (бог) для них (для людей) магию (в качестве) оружия, чтобы преодолеть удар событий, (а также) сны днем и ночью» (recto, 136—137)⁴. Приблизительно такое же значение, как указал А. Вольтен, имеют слова в одной магической формуле папируса Честер-Битти III (recto, 10, 14—15). Эта формула, якобы оберегавшая человека от плохого сна, призывает на него «хороший сон, который можно увидеть днем и ночью». И хотя непосредственно в египетских текстах мы не находим прямых указаний на то, что в «доме жизни» истолковование снов занимало почетное место среди других дисциплин, доказательства тому мы имеем. В Библии, в «Книге Бытия» (41, 8, 24), содержится общеизвестный рассказ о сне,

¹ Volten A. Demotische Traumdeutung. S. 36.

² Gunn B. Interpreters of dreams in Ancient Egypt // JEA. Vol. 4. 1918. P. 252.

³ Volten A. Demotische Traumdeutung. S. 40.

⁴ Volten A. Zwei altägyptische politische Schriften. København, 1937. S. 75.

в котором фараон видел семь тучных и семь тощих коров, семь тучных и семь тощих колосьев. Так как фараону сон был непонятен, он призвал мудрецов страны, чтобы они разъяснили ему значение сна. В греческой версии Библии (41, 8 и 44, 24) стоит слово τοὺς ἑξηγητάς «экзегаты», «толкователи». В переводе Библии на саидский диалект коптского языка в соответствующем месте стоит термин **ϨϨϘϘѹ** **ϨϨѹ** «толкователь снов»¹, а в бохейрском варианте — слово **ϬϬѠѠ**, которое встречается только здесь и больше нигде². Совершенно ясно, что греческое ἑξηγητάς, саидское **ϨϨϘϘѹ** **ϨϨѹ** и бохейрское **ϬϬѠѠ** имеют одно и то же значение. Б. Ганну принадлежит заслуга установления подлинного значения и объяснения происхождения бохейрского слова. Оно является коптской формой демотического *sh pr-‘nh* «писец дома жизни». Слово *sh* «писец» утеряло свое *h* и от него осталось только коптское **Ϭ**: демотическое *pr* передано коптским **Ϭ**, а *‘nh* — коптским **ѠѠ**³. Эта этимология, единогласно признанная в науке, свидетельствует о том, что толкователи снов назывались «писцами дома жизни».

Недавно была найдена рукопись IV в. н. э., свидетельствующая о древности бохейрского диалекта⁴. Этой древностью и объясняется наличие в этом диалекте таких пережитков, как **ϬϬѠѠ**, **ϬϬѠѠ**, означающее «первый год царствования» и происходящее от египетского *h3t sp*⁵ и как

¹ *Crum W. A Coptic dictionary*. Oxford, 1939. P. 508b.

² *Ibid.* P. 374a.

³ *Gunn B. Interpreters of dreams in Ancient Egypt // JEA*. Vol. 4. 1918. P. 252.

⁴ *Kasser R. Papyrus Bodmer III. Evangile et Genèse I—IV*, 2, en bohærique. Louvain, 1958.

⁵ *Vergote J. Joseph en Egypte*. P. 75; *Crum W. A Coptic dictionary*. P. 18b.

хэмтау, имеющее значение «магические заклинания» и происходящее от египетского *dd mdw*¹.

Мы исчерпали все более или менее интересные данные египетских текстов о «доме жизни», имевшиеся в нашем распоряжении. Остается сделать некоторые выводы.

Из приведенных выше текстов бесспорно, что подобные «дома жизни» находились не только в Абидосе, Ахмиме, Саисе, Тель-эль-Амарне и Эдфу, но их существование допустимо и в других крупных центрах страны, в первую очередь в Мемфисе и Фивах.

Нам ничего не известно о том, как были организованы «дома жизни»; мы не знаем ни их внутренней структуры, ни взаимоотношений между разными «домами жизни», ни их статуса: кто ими управлял, находились ли они в подчинении храмов и т. д.

Деятельность «домов жизни» была весьма разносторонней, можно даже сказать, универсальной для того времени. Здесь составлялись тексты религиозного (гимны, «анналы богов»), в первую очередь заупокойного, содержания. А. Вольтен доказал, что «Книга мертвых», как раньше «Тексты пирамид» и «Тексты саркофагов», была продукцией «дома жизни»². В некоторых случаях здесь же составлялись и другие заупокойные тексты (на стелах и т. п.). Из «домов жизни» появились произведения магического содержания, сонники, медицинские тексты, астрономические тексты; здесь составлялись разные важные надписи и титулатура царей. Автором знаменитого голенищевского гlosсария был писец «дома жизни» Аменопе. «Дома жизни» имели тесное отношение и к бальзамированию. Вспом-

¹ *Vergote J. Joseph en Egypte. P. 75; Cram W. A Coptic dictionary. P. 196a, 771b.*

² *Volten A. Demotische Traumdeutung. S. 33—37.*

ним также, что в этих домах хранились миrra и умащения. Это естественно, поскольку здесь создавалась заупокойная литература. Между бальзамированием и успехами в анатомии и медицине несомненно существовала внутренняя связь.

«Дома жизни» ведали также художественными работами сакрального характера — украшением храмов и т. д. Констатируя широту деятельности этих домов, мы, к сожалению, лишены сведений о том, как была организована в них работа. Во всяком случае, было бы ошибкой полагать, что «дома жизни» были обычновенными скрипториями типа мастерской, в которой писцы механически переписывали тексты. Здесь тексты сочинялись, обсуждались, исправлялись и т. д. С другой стороны, конечно, эти дома не могли обойтись без обычных переписчиков. Свидетельством тому является сопоставление двух медицинских папирусов разных времен, воспроизведенное Г. Лефевром: папируса V из Рамессеума и знаменитого папируса Эберс, которые имеют общие места (§ 2, 5, 9, 17, 18 первого папируса совпадают с § 608, 656, 657, 666, 673 второго)¹.

Г. Лефевр допускает, что оба папируса, разделенные четырьмя веками, могли быть переписаны (именно переписаны) в «доме жизни» в Фивах с какого-то более древнего текста и что дошедшие до нас экземпляры являются делом рук профессиональных писцов, а не медиков². Этот факт, однако, ни в коей мере не противоречит тому, что в «домах жизни» кипела бурная творческая умственная работа. Не-

¹ *Lefèvre G. Observations sur le papyrus Ramesseum V // BIFAO. Vol. 57. 1958. P. 181—182.*

² Несомненно, что именно профессиональными писцами-переписчиками были составлены дошедшие до нас бесчисленные экземпляры «Книги мертвых» и других произведений заупокойной литературы.

сомненно, что содержание этих обоих папирусов — результат творчества каких-то лиц, сведущих в медицине. Более того, в папирусе Эберс имеются гlossen, поясняющие те или иные места основного текста. На это обстоятельство обратил внимание А. Гардинер, подчеркнувший, что эти гlossen не филологического характера, а истолкование существа самого текста. Такие гlossen могли, конечно, исходить только от лиц, понимавших основной текст и, следовательно, сведущих в медицине. Еще нагляднее такие же факты из области религиозной литературы. Например, в главе XVII «Книги мертвых» к словам «Я великий бог, сам пришедший в бытие», добавлен комментарий: «Он великий бог, он Нун». Это объяснение могло исходить только от лица, компетентного в египетской теологии. Расширенный вариант этого комментария гласит: «Кто великий бог, сам пришедший в бытие? Он вода, он Нун, отец богов». Другое утверждение: «Он Рэ». По формулировке А. Гардинера, «мы здесь улавливаем эхо разногласий между комментаторами»¹. Эти и другие подобные факты говорят о том, что теологические, медицинские и другие произведения интерпретировались по-разному, что были столкновения разных взглядов и мнений. Для нашего понимания духовной жизни Древнего Египта это особенно интересно. Таким образом, мы имеем право видеть в «домах жизни» центры всесторонней культурной деятельности Древнего Египта, где создавались важнейшие ценности египетской цивилизации. А. Вольтен предполагает, что поскольку там изучалась астрономия, там же должна была изучаться и математика². Г. Познер считает, что «поучения» и даже художественная литература не были чужды интересам персонала «дома

¹ Onomastica. Vol. 1. P. 2.

² Volten A. Demotische Traumdeutung. S. 36.

жизни». Упомянутый Аменнахт, автор поучения, был, по всей видимости, писцом «дома жизни». Среди открытых в Тебтюнисе папирусов из библиотеки храма бога Себека имеются произведения изящной словесности и поучения, что свидетельствует о светских вкусах и интересах в среде жречества. Персонал же «дома жизни» состоял из жрецов.

Были ли эти дома только учеными скрипториями, как это утверждает А. Гардинер, или чем-то вроде университетов, как это полагают другие ученые, и в их числе А. Вольтен?¹

Все рассмотренные тексты, за исключением одного, не дают оснований видеть в «доме жизни» учебного заведения. Лишь единственный текст упоминает «учителя дома жизни», о функциях которого мы совершенно не осведомлены. Поэтому осторожнее всего предположить, что «дом жизни», представлявший сложный комбинат*, не мог обходиться без подготовки кадров для своей работы, что там обучались молодые и неопытные писцы на практической работе под руководством своих непосредственных начальников и что там наряду с этим не было исключено и преподавание, как в школах. Но во всяком случае это преподавание было не основной деятельностью «дома жизни», а лишь его подсобной функцией.

Наряду с *pr-^gnḥ* «дом жизни» в поздних текстах изредка упоминается как *pr-^gnḥ-irw* «дом жизни фигуры». В частности, в надписи на статуе Ахмеса, сына Смендеса, жившего во времена Птолемеев, в строке 5 Ахмес говорит о себе: «Я бальзамировщик в доме жизни фигуры». В стро-

¹ Ibid. S. 38. — «Дом жизни» был чем-то вроде университета.

* Правильнее сказать «сложный комплекс по поддержанию и развитию египетских (письменно фиксируемых) традиций». — А. Ч.

ке 7 он сообщает, что «делал надписи на пylonе храма Хонсу... я пишу на стенах его храма».

Что такое *pr-‘nḥ -irw*, неизвестно¹.

Наконец, очень труден и сложен вопрос о персонале «дома жизни». В его состав входили жрецы разных наименований: *sm*, *w‘b*, *fktj*, *hm-ntr*, *hrj-hbt* и др. Несмотря на различие своих функций, все они писцы «дома жизни». Кроме них, там были врачи, хранители миры и умашений и др.

Говоря о писцах-жрецах, следует подчеркнуть, что, конечно, не все жрецы вообще именовались писцами «дома жизни», а лишь те, которые там работали или были как-то связаны с «домом жизни».

Особо надо остановиться на жрецах *hrj-hbt*, т. е. жрецах-чтецах, основными функциями которых были чтение священных или магических текстов и выполнение обрядов заупокойного культа². К. Зете показал, подтвердив догадку Г. Брутша, что слово *hbt*, которое обычно пишется без ко-

¹ А. Эрман и Г. Гранов этого термина не приводят. А. Гардинер говорит, что «значение этого слова неизвестно» (*Cardiner A. The House of Life // JEA. Vol. 24. 1938. P. 169. N. 3; P. 175*). А. Вольтен видит в этом обозначение скульптурной мастерской (*Volten A. Demotische Traumdeutung. S. 34*). Поскольку деятельность Ахмеса тождественна с функциями писцов «дома жизни», может быть, правильно понимать под *pr-‘nḥ -irw* одну из зал или служб (*h3*) «дома жизни», ведавшую заупокойным культом. [Поздняя контаминация написаний, ср.: Wb. I. 201.5—8; 113.8—114.3; наконец, ср.: *Faulkner R. O. A Concise dictionary of Middle Egyptian*. Oxford, 1964. P. 44. Поэтому *pr-‘nḥ -irw* — чистая графическая фикция. Механика написания проста: добавлено изображение стоящей мумии в виде детерминатива, а затем он еще и «раскрыт» фонетически. — А. Ч.]

² Wb. Bd III. S. 395; Volten A. *Demotische Traumdeutung*. S. 21—65; Walle B. van de. *hrj-hbt hrj-tp et ḥartom // CdE*. Vol. 18. 1943. P. 263.

нечного *t* (просто *hb*), имеет значение «ритуальная книга». Следовательно, сложное слово *hrj-hb(t)* имеет значение «тот, кто с (букв. «под». — *M. K.*) ритуальной книгой»¹.

Жрецы-чтецы нередко упоминаются уже в текстах Древнего Царства. В одном из них прямо говорится о функциях этого жреца: «Любим царем и Анубисом жрец-чтец, который совершил для меня то, что полезно для благословенной души в соответствии с этим тайным писанием (плодом) искусства жреца-чтеца». Эти жрецы-чтецы имели отношение к бальзамированию, магии и т. д.²

В частности, они были «писцами Книги бога»³ и врачами⁴.

Очень любопытно отметить, что они упоминаются и в Библии (в Книге Исхода (7, 11; 41, 8). В первом случае речь идет о состязании в искусстве магии между вождем еврейского народа Моисеем и магами фараона. Последние названы двумя словами *ḥarqumtīm* и *ḥākātīm*. В таком же сочетании они находятся и там (41, 8), где речь идет об истолковании слов*. Второй термин в переводе Библии на бохейрский диалект коптского языка передан термином **СФРАНШ**, который, как мы видели, является коптским исказением демотического *sh pr-^{cn}h* «писец дома жизни»⁵.

³ *Sethe K.* Das Wort für «Vorlesepriester» // *ZÄS.* Bd 70. 1934. S. 134; *Wb.* Bd III. S. 61; *Onomastica. Vol. I.* P. 55.

² *Onomastica. Vol. I.* P. 55.

³ *Ibid.*

⁴ *Volten A.* Demotische Traumdeutung. S. 31. — Подробнее о врачах см.: *Onomastica. Vol. I.* P. 55; *Vergote J.* Joseph en Egypte. P. 66—73 («§ Les interprètes des songes»).

* В канонических текстах Exodus 41 отсутствует. Автор должен был бы сделать более точную сноска на издание, в котором содержится Исход 41,8. — *A. Ч.*

⁵ Как было уже указано выше, в иероглифическом тексте Канопского декрета (строка 3, *Urk II*, 126) имеется термин *rḥ ht*

Значение же слова *ḥarqumtīm* (также множественное число) установлено сравнительно недавно. Оно соответствует египетскому *hrj-hb(t) hrj-tp* «главный жрец-чтец»¹. Таким образом, в обоих упомянутых местах Библии названы «главные жрецы-чтецы» и «мудрецы», т. е. «писцы дома жизни».

Данные Библии подтверждают сообщения египетских текстов о ведущем значении жрецов-чтецов в египетском обществе.

Здесь мы не будем останавливаться на сложном и трудном вопросе о том, какое место они занимали в жреческой иерархии², так как это не имеет непосредственного отношения к нашей теме. Для нас существенно то, что «писцы дома жизни», они же мудрецы (и в их среде жрецы-чтецы в первую очередь, а затем и другие жрецы), считались

«мудрецы»; в демотическом тексте того же декрета в соответствующем месте находим *nʒ sḥw pr-‘nḥ* «писцы дома жизни». Еврейское слово *haķām* значит «мудрец», так же, как и арабское *hakīm* «ученый», «мудрец», «врач» (*Wehr H. Arabisches Wörterbuch. Bd 1. Leipzig, 1952. S. 178*).

¹ История исследования этого вопроса кратко изложена у А. Гардинера (*Gardiner A. The House of Life // JEA. Vol. 24. 1938. P. 164—165*) и подробно в цитированной книге Ж. Верготта (*Vergote J. Joseph en Egypte. P. 66—73*). В ассирийском тексте (VIII или VII в. до н. э.) встречается слово *ḥarṣibī* перед именами трех египтян, перечисленных среди ассирийских жрецов, магов и врачей (*Ranke H. Keilschriftliches Material zur altägyptischen Vocalisation // APAW. 1910. Anh. S. 37*). Это ассирийское *ḥarṣibī* соответствует демотическому *hrj-thb*, в свою очередь происходящему от египетского *hrj-tp* «главный», которое уже в магическом папирусе Харриса (6, 10) служит сокращенным обозначением «жреца-чтеца» *hrj-hb(t) hrj-tp* (*Gardiner A. The House of Life // JEA. Vol. 24. 1938. P. 164—165; Stricker B. H. Trois études de phonétique et de morphologie copte // Acta Orientalia. Vol. 15. 1936—1937. P. 1—20*).

² *Vergote J. Joseph en Egypte* («§ Les Hartummim dans la hiérarchie du clergé»).

наиболее образованными и опытными людьми, поэтому их и называли *rḥ ht* «мудрецами». Они служили советниками фараона, и такое представление о них отразилось в египетской художественной литературе. Напомним, что в знаменитой сказке о двух братьях *sš rḥj ht* «писцы-мудрецы» являются советниками фараона (папирус Орбиней, 11, 4), так же, как и в сказке о Секененре и Апопи (папирус Салье I, 2,2). Столь же высокой репутацией египетские мудрецы пользовались и за пределами Египта; в соседней Палестине гордились тем, что «была мудрость Соломона выше мудрости всех сынов Востока и всей мудрости египтян» (книга III «Царств». 14, 30). Персидские цари привлекали к своему двору египетских врачей, о чем говорилось выше, и т. д.

Подводя итог всему сказанному о персонале «дома жизни», мы можем сделать вывод, что это был неоднородный по специализации коллектив высокой квалификации, что «дома жизни» являлись центрами духовной жизни страны, в которых создавалась значительная часть ценностей египетской цивилизации, что эти центры существовали вплоть до ее падения и что они были последними ее оплотами в борьбе против распространявшегося христианства. Не случайно, что Панополис, древний Ахмим, в котором был «дом жизни», выдвинул несколько египетских мыслителей, боровшихся против нового, христианского мировоззрения¹.

В связи с творческой деятельностью египетских писцов как в «доме жизни», так и вне его возникает важный вопрос об их авторстве.

¹ Remond R. L'Egypte et la suprême résistance au christianisme // BIFAO. Vol. 51. 1952. P. 63—78. — На это указал Г. Позенер (Posener G. L'exorde... P. 69. N. 8).

ГЛАВА IV

ПРОБЛЕМА АВТОРСТВА В ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ

Все дошедшие до нас египетские тексты были когда-то и кем-то составлены, т. е. имели своих авторов. Авторство, как известно, может быть индивидуальным и коллективным, когда одно произведение создано несколькими лицами или даже целым народом. В последнем случае это уже произведение фольклорное. В Египте, как и в других странах во все времена, был широко распространен фольклор. Но многие дошедшие до нас от Древнего Египта тексты бесспорно не являются произведениями фольклора, и в отношении них и возникает проблема авторства. В большинстве таких текстов нет ни малейшего намека на авторов. Возникают вопросы. Были ли эти авторы коллективными или индивидуальными? Что может быть известно о них? В чем собственно заключается их авторство, и почему в египетских текстах отсутствуют их имена?

Начнем с последнего вопроса. В Древнем Египте, как и в других странах древности (и даже средневековья), понятие авторства не стало еще прочным достоянием общественной мысли. Однако не следует заблуждаться, будто понятие авторства было совершенно чуждо древним египтянам: в большинстве так называемых поучений их автор назван в самом начале текста.

Следовательно, уже тогда понятие авторства существовало. Отсюда возникает вопрос: являются ли эти авторы действительно подлинными творцами произведений или же поучения лишь приписаны им литературной традицией? В данном случае общего ответа быть не может. Приходится рассматривать каждый случай в отдельности.

Очень важным и интересным доказательством существования понятия авторства среди культурных и знающих писцов является папирус Честер-Битти IV, опубликованный впервые А. Гардинером¹. Он содержит поучение неизвестного писца ученику. Это единственный в своем роде текст среди обнаруженных. Автор поучения не запугивает ученика трудностями других профессий или физическими наказаниями. Он стремится воздействовать на его честолюбие, воспевает недосягаемые высоты древних авторов-мудрецов, ставит их ему в пример. Красной нитью на протяжении всего текста проходит мысль о том, что создание книг и поучений увековечивает имена их авторов и что это намного прочнее, чем разрушающиеся от времени заупокойные сооружения и памятники. Хочется здесь привести следующие слова этого текста: «(Но) произносят имена их (до сих пор) из-за их книг, которые они сделали, поскольку они были хороши, и память о том, кто сделал их, (сохраняется) навеки» (прилож. 34).

Текст такого содержания мог появиться только в среде, где хорошо понимали и высоко ценили значение книг и их авторов. Так как поучение принадлежит перу писца-учителя, то, естественно, такой средой могли быть только писцы. Логично предположить, что существовали и другие подобные, но не дошедшие до нас тексты.

¹ Датируется временем Нового Царства.

В начале и в конце поучения автор в качестве примера приводит имена восьми мудрецов-писателей далекого прошлого. В начале текста о них сказано: «Те ученые-писцы времени преемников богов, которые предсказывали будущее, — их имена увековечены...». В заключительной части читаем: «Есть ли здесь (кто-либо), подобный Хардедефу? Есть ли другой, подобный Имхотепу? Нет среди наших близких подобных НефERTи и Ахтою, главному среди них. Я напоминаю тебе имена Птахемджехути и Хахеперрэсенба. Есть ли другой, подобный Птахотепу или Кайросу? Это мудрецы, которые предсказывали то, что наступит, и то, что исходило из уст их, осуществлялось» (прилож. 34). В этом тексте Нового Царства превозносятся лица, в которых египтяне видели авторов очень популярных дидактических произведений далекого прошлого, ибо все эти имена относятся к Древнему и Среднему Царству. Из этих имен неизвестны только два. В отношении Птахемджехути, имя которого уникально, А. Гардинер полагает, что это искажение имени древнего мудреца Джедджехути, который упоминается в папирусе Анастаси II (7, 6)¹.

Имя Кайроса совершенно неизвестно, остальные имена нередко встречаются в египетских текстах.

Хахеперрэсенб (имя иллиопольского жреца, прозванного Анху, поучение которого сохранилось на деревянной доске № 5645 в Британском музее и было опубликовано А. Гардинером². НефERTи — автор пророчества в папирусе 1116

¹ Gardiner A. Hieratic papyri in the British Museum. Third series: The Chester-Beatty gift. London, 1936. P. 40.

² Gardiner A. The Admonitions of an Egyptian Sage. Leipzig, 1909. P. 95—110; Коростовцев М. А. Размышления Хахеперрэсенба // Краткие сообщения Института народов Азии. Вып. VII. М., 1961. С. 41—45.

Государственного Эрмитажа. В своем издании папируса Честер-Битти IV А. Гардинер прочел это имя как Нефри и отметил, что оно встречается впервые. В примечании А. Гардинер говорит, что «первое ⳩ в этом имени больше похоже на ⳩, но выведено оно не совсем точно. Во всяком случае напрашивается чтение Нефри, поскольку оно довольно широко распространено, а имя Неферти неизвестно...»¹. Эти строки были написаны в 1935 г., когда имя автора папируса 1116 В читали еще Нофер-Реху, а не Неферти. Последнее правильное чтение было установлено лишь много позже Г. Позенером². Таким образом, несомненно, что папирус Честер-Битти IV содержит имя Неферти, а не Нефри. Так же хорошо известно имя Имхотепа: это вполне историческая личность, везирь фараона III династии Джосера, обожествленный в поздние времена и вошедший как бог медицины в египетский пантеон³.

Джедефхор, сын фараона Хуфу, автор поучения, дошедшего до нас лишь в виде маленького фрагмента⁴, также исторически осозаемая личность⁵. В египетской литературной традиции Джедефхор слывет известным мудрецом. В папирусе Анастаси I знание его поучения считается признаком образованности. В так называемой песне арфиста,

¹ Gardiner A. Hieratic papyrus... P. 40. N. 4.

² Posener G. Ostraca inédits du musée de Turin // RE. Vol. 8. 1951. P. 171—189.

³ Firth C., Quibell G. E. Excavations at Saqqara. The step pyramid. Vol. II. Le Caire, 1935. Pl. 58; Gunn B. An inscribed statue of king Zoser // ASAE. Vol. 26. 1926. P. 177—196; Sethe K. Imhotep, der Asklepios der Ägypter. Leipzig, 1902.

⁴ Bünner-Traut E. Die Weisheitslehre des Djedefhor // ZÄS. Bd 76. 1940. S. 9.

⁵ Гробница Джедефхора была раскопана американским египтологом Г. Д. Рейннером в 1926 г. в Гизе.

относящейся к XIV в. до н. э., наряду с Имхотепом упоминается Джедефхор. Автор песни восклицает: «Я знаю речения Имхотепа и мудрого Джедефхора, слова их все повторяют и ныне, но где отыскать их гробницы?»¹.

В папирусе Весткар Джедефхор выступает в качестве рассказчика перед своим отцом, фараоном Хуфу, и в его уста вложена сказка о маге-простолюдине Джеди. Наконец, в главе 64 «Книги мертвых», одной из основных глав книги, говорится, что эту главу обнаружил мудрец Джедефхор, названный здесь сыном фараона Микерина².

Птахотеп, упомянутый в папирусе Честер-Битти IV, хорошо известен как автор поучения везиря Птахотепа в папирусе Присс. Везирь Птахотеп также историческая личность³.

Что касается Ахтоя, то это вполне самостоятельная и интересная тема. В том же папирусе Честер-Битти IV содержатся следующие слова: «...жизнь, созерцание солнца для писца Ахтоя, приношение посредством заклинаний хлеба и пива перед Уннофре, возлияния, вино, холст для его "ка" и ему сопутствующих, для отличного, чьи изречения изысканы. Я провозглашаю его имя навеки! Ибо это он создал книгу в виде (?) поучений царя Схотепибра, когда он ушел на покой и вознесся на небо, вступив в среду владык некрополя...» (verso, 6, 12—14).

Ахтой этих строк и Ахтой, упомянутый и названный там «главным из мудрецов», конечно, одно и то же лицо. При-
~~~~~

¹ Lichtheim M. The song of the harpers // JNES. Vol. 4. 1945. P. 178—212. — Русский перевод И. С. Кацнельсона в кн. «Хуфу и чародеи» (М., 1958. С. 223).

² Тураев Б. А. Египетская литература. Т. I. М., 1920; Kees H. Sargtexte und Totenbuch // Ägyptologie. S. 43.

³ Бэрстед Дж. Г. История Египта с древнейших времен до персидского завоевания. М., 1915. Т. 1. С. 87, 113, 214.

веденные слова об Ахтое имеют очень серьезное значение. Как известно, Схотепибрэ — одно из имен фараона Аменемхата I, основателя XII династии, которому приписывалось известное поучение папируса Миллинген (и других вариантов). Это поучение начинается словами: «Начало поучения, сделанного его величеством царем Верхнего и Нижнего Египта Схотепибрэ, сыном Рэ, Аменемхатом покойным»¹. Слова папируса Честер-Битти IV показывают, что это поучение было написано не самим царем, а писцом Ахтоем и потом вложено в уста царя². Не верить этому сообщению у нас нет никаких оснований. Вместе с тем эти слова показывают хорошую осведомленность неизвестного нам автора папируса Честер-Битти IV в вопросах египетской литературы. Вряд ли можно сомневаться и в том, что этот Ахтое тождествен с Ахтоем, сыном Дуауф, автором поучения для Пепи (прил. 1).

Таким образом, папирус Честер-Битти IV высоко ценит авторство. Остановимся теперь на вопросе об авторстве лиц, упомянутых в этом тексте. Имена Птахемджехути и Каироса впервые появляются в этом тексте, и до нас не дошло ни одно из этих произведений. От Имхотепа мы также ничего не имеем. Остаются Джедефхор, Птахотеп, Нефертти, Хахеперрэсенб и Ахтое. О первых трех мы можем сказать следующее: доказать подлинность их авторства невозможно (о Хахеперрэсенбе см. ниже). Но так же неправомер-

---

¹ Volten A. Zwei altägyptische politische Schriften. København, 1945. S. 106.

² А. Гардинер в комментарии к папирусу Честер-Битти IV допускает, что сообщение об авторстве Ахтоя ошибочно, и полагает, что автором поучения был все же сам царь. Однако, как показал Г. Позенер, нет никакого противоречия между заголовком «Поучение Аменемхата I» и авторством Ахтоя: последний после смерти царя от его имени изложил его взгляды.

но категорически отвергать эту возможность. Вспомним (об этом говорилось в гл. 1), что сановники Древнего Царства были писцами, и потому нет ничего невероятного в том, что эти лица (а вероятно, также и Имхотеп) составили какие-то поучения и книги, может быть, впервые в истории египетской литературы¹.

Естественно, что как раз в среде высокопоставленных лиц, наделенных властью, имевших образование и пользовавшихся досугом, должны были появиться авторы древнейших дидактических произведений. Поучения, отражавшие взгляды и мировоззрения правящей верхушки, должны были исходить от авторитетнейших лиц в обществе и государстве. Потому именно в этих первых поучениях и были упомянуты имена их авторов. Как правило, эти имена всегда помещены в самом начале текста. Начало поучений и начало автобиографических надписей имеют некоторое структурное сходство. Оно состоит в том, что в обоих имя, титулы и названия должностей находятся в начале текста, после чего следуют слова «говорит он...»².

Эти первые поучения, отражавшие идеалы и взгляды своего времени, естественно, стали впоследствии образцами, которым подражали последующие поколения в течение многих веков. Поскольку первые поучения вышли под именами своих авторов, этот обычай приобрел право гражданства, и в более поздние времена, когда знания демократизировались и поучения стали писать менее высокопоставленные лица, имена авторов по-прежнему приводились в начале поучения.

---

¹ К ним надо отнести и везира Кагемни, также автора поучения.

² В поучениях перед именем автора и следующих за ним титулов и названий должностей стоит традиционная формула: «начало поучений...» и т. д., которая может быть довольно пространной.

Изложенная здесь точка зрения расходится с довольно распространенным в науке мнением, согласно которому имена Джедефхора, Птахотепа и др. как авторов вызывают недоверие: считают, что их имена названы (так как эти лица были знамениты и авторитетны) для придания веса поучениям. Подобная точка зрения допустима, но неизбежно вызывает два вопроса, на которые нелегко ответить.

Первый: если эти лица ничего не писали и вообще себя никак не проявляли, то почему же они стали знамениты?

Второй: если ничем не проявившие себя вельможи не были авторами, то почему эти произведения приписаны им?

Если авторство этих лиц все же вызывает сомнение, то нет оснований сомневаться в авторстве писца Ахтоя. Как мы видели из предыдущего изложения, именно в среде писцов в первую очередь следует искать творческие индивидуальности, создавшие литературу и культуру Египта.

Автор папируса Честер-Битти IV превозносит авторство как таковое и вместе с ним — мудрецов древности, но относится довольно скептически к своим современникам: «Есть ли здесь (кто-либо), подобный Хардедефу? Есть ли другой, подобный Имхотепу? Нет среди наших близких, подобных Нефери...» и т. д. Словом, идеальными авторами признаются лишь авторы древности. А по идеалам равняются потомки, и нет ничего удивительного в том, что поучения по структуре, стилю и даже содержанию очень похожи друг на друга. Подражание играло огромную роль в литературной жизни того времени, а понятие plagiarisma было неизвестно.

Поэтому следует подчеркнуть, что, говоря о египетском авторе, мы должны помнить, что его «авторство» далеко не всегда состояло в индивидуальном творчестве, часто его деятельность сводилась к подражанию или компиляции из более или менее удачно соединенных частей предшествую-

щих текстов, причем нередко из старых текстов заимствовали отдельные выражения и даже целые абзацы.

В своем исследовании о среднеегипетской литературной традиции С. Херманн приходит к выводу: «Составители и редакторы как индивидуальности остаются анонимными. Это обстоятельство напоминает положение египетских художников. Как нельзя написать историю египетского искусства в виде истории художников, точно так же невозможно изложить историю египетской литературы как историю ее писателей. Понятие «художник» и «писатель» в смысле индивидуумов чужды Египту. Лишь очень условно они могут быть названы «художественными ремесленниками» или «учеными писцами», последние как «носители и хранители традиции»¹. Автор утверждает, что в разобраных им произведениях («Речениях Ипусера», «Пророчестве Нефери», «Размышлениях Хахеперрэсенба», «Поучении царю Мерикарэ», «Беседе разочарованного» и, наконец, в «Жалобах селянина» нет ничего, что указывало бы на индивидуальное и оригинальное авторство. С этим никак нельзя согласиться. Вместе с тем, как правильно установил С. Херманн, в названных произведениях очень много общего в смысле стиля, литературных приемов и т. д. Однако, вопреки С. Херманну, наличие общего объясняется, как уже было сказано, огромной ролью подражания и заимствования в литературной деятельности того времени.

Что касается имен авторов поучений, то С. Херманн считает их псевдонимами, правда, без достаточных к тому оснований. Вместе с тем С. Херманн вынужден признать, что фактически существовали весьма квалифицированные «редакторы». Ф. Дершэн в рецензии на упомянутый труд

---

¹ Hermann S. Untersuchungen zur Überlieferungsgestalt mittel-ägyptischer Literaturwerke. Berlin, 1957. S. 104.

С. Херманна правильно указал, что произведения, разобранные С. Херманном, не просто механические компиляции, но что в них есть свои особенности и что основной их целью было воздействовать на читателя в определенном политическом направлении¹. Уже в «Поучении царю Мерикарэ», восходящему к первому переходному периоду, в строке 32 содержатся следующие слова: «Будь искусным в речи, чтобы победил ты... сильнее речь любого оружия». Как показал Г. Позенер в своей блестящей монографии, эту истину хорошо усвоили фараоны Среднего Царства, использовавшие литературу в целях политической пропаганды и стремившиеся с ее помощью укрепить свою деспотическую власть². Поэтому эти произведения в какой-то степени являются «казенной» литературой, написанной с определенных установок, и в этом также кроется объяснение имеющихся в них общих элементов. Оригинальность и самобытность автора зависели от его одаренности и дерзновения, что, впрочем, в полной мере относится и к писателям всех других времен и народов. В этом отношении очень интересны и поучительны размышления илиопольского жреца Хахеперрэсенба, упомянутого в папирусе Честер-Битти IV вместе с другими мудрецами древности. Доска, на которой записаны думы Хахеперрэсенба, относится ко времени XVIII династии, но содержание текста восходит к XII династии. Хахеперрэсенб, вероятно, действительный автор этого произведения, был жрецом в Илиополе, древнем центре культурной жизни Египта. Как мы знаем, именно из среды жрецов и писцов появились «мудрецы». На содер-

---

¹ *Derchain Ph., Hermann S. Untersuchungen zur Überlieferungsgestalt mittelägyptischer Literaturwerke // CdE. Vol. 33. 1958. P. 206.*

² *Posener G. Littérature et politique dans l'Egypte de la XII dynastie. Paris, 1956. P. 1—20.*

жание этого текста до сих пор обращали очень мало внимания. Он начинается так:

(1) «Собрание слов, набор поучений, разыскание высказываний пытливым сердцем, которое сделал жрец *w'b* Илиополя... Хахеперрэсенб, прозванный Онху.

(2) Говорит он: “хотя бы неизвестные мне высказывания (попались) и изречения непривычные из новых слов, не бывших (ранее) и свободные от повторений, без изречений прошлых речей,

(3) которые изрекали предки. Я выжимаю из утробы своей то, что в ней, освобождаясь (?) от того, что сказал я (ранее), ибо повторяется сказанное, которое сказано, и нет похвалы словами прежних

(4) людей, когда находят их (слова) впоследствии люди”».

И далее:

(7) «... хотя бы я знал то, что не знают другие, что никогда не повторялось (ранее), чтобы я сказал это...».

В строке 3 после слов «Я выжимаю из утробы своей то, что в ней...» вплоть до слов «и нет похвалы» имеются несколько неясные места, тем не менее, смысл целого совершенно очевиден: Хахеперрэсенб хочет быть новатором в литературе, его не удовлетворяет обычное повторение уже много раз высказывавшихся истин, ставших банальными, он хочет найти «неизвестные... высказывания и изречения непривычные из новых слов, не бывших (ранее)...» и т. д.

Это ли не творческие поиски автора?

У нас нет оснований сомневаться в авторстве лиц, названных в поучениях авторами. Таков живописец, *sȝ qdwt* по имени Менна, написавший не переведенное еще наставление для своего помощника и сына писца Паири¹.

---

¹ Černý J., Gardiner A. Hieratic ostraca. Vol. 1. Oxford, 1957. Pl. LXXVIII—LXXIX.

Трудно усомниться и в авторстве Ани, дворцового писца. В тексте его поучения содержится диалог Ани с сыном, также писцом, имя которого Хонсухотеп.

Известное поучение Аменемопе написано высокопоставленным чиновником, состоящим на службе при фараоне. Он был наделен большими полномочиями в вопросах землеустройства, что очевидно из перечня его титулов и должностей. Аменемопе был связан с древним городом Ахмим, в котором был великолепный храм бога Мина¹ и, как мы видели выше, «дом жизни» (прилож. 39). Не исключено, что Аменемопе имел к нему отношение. Младший сын Аменемопе, для которого было написано это поучение, был жрецом бога Мина. Рукопись, дошедшая до нас, является копией, написанной неким Сену, сыном «отца бога» Пему.

Наконец, Аменнахт, который был, по-видимому, писцом «дома жизни», составил поучение для своего помощника и ученика Хармина.

Нельзя предполагать, что все эти лица, известные благодаря их поучениям, названы авторами лишь для того, чтобы придать всем этим поучениям вес. Нет оснований сомневаться и в авторстве писцов-учителей, составивших наставления для своих учеников².

По мере того, как публикуются ранее неизданные тексты, хранящиеся в разных музеях, становится очевидным, что поучений было очень много, хотя новых литературных имен встречается мало. В частности, в одном фрагменте иератического папируса времени XII династии в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина упомянуто два

---

¹ Развалины этого храма были описаны арабским средневековым писателем Ибн-Джабаром (*Sauveterre S. Le temple d'Akknam décrit par Ibn Jabair // BIFAO. Vol. 51. 1952. P. 123—125*).

² Например, P. Bologne, 1094 (3, 5—10); Anastasi III (3,9—4,4) и др.

ранее неизвестных автора поучений: один из них — жрец богини Сехмет, по имени Рансенеб, второй — некий Сахор¹.

Очень интересные сведения о появлении одного поучения мы находим в демотическом папирусе птолемеевского времени². Это поучение по содержанию и стилю очень напоминает другие египетские поучения, в частности поучение демотического папируса Инсингер. Здесь для нас интерес представляет не само поучение, а его начало. Оно частично фрагментировано в первых строках, но потом содержание его вполне ясно. Некто Ахшешонк, сын Тиайнуфи, жрец, носящий титул «отца бога», в беседе с главным врачом *wt swnw* фараона, по имени Харсиеси, сыном Рамосе, узнает о существовании заговора против фараона, имя которого не приводится. Ахшешонк возмущен намерениями Харсиеси и его единомышленников, но не разоблачает их. Третье лицо, подслушавшее этот разговор, сообщило о нем фараону. Харсиеси и все заговорщики были казнены, а Ахшешонк заключен в тюрьму. И вот в папирусе Инсингер об Ахшешонке рассказано следующее: «Сказал он надзирателю, приставленному к нему: «Окажи мне услугу: пусть принесут мне письменный прибор и свиток папируса, ибо у меня сын, которого я еще не наставил, и я напишу (книгу) поучений для него, и пусть ее доставят в Илиополь, чтобы он обучился по ней». Надзиратель ответил: «Сначала я доложу (о твоем желании) фараону». Надзиратель доложил фараону прежде (чем действовать). Фараон приказал: «Пусть принесут ему письменный прибор *gst*, но пусть не приносят ему свиток папируса *dm*». Они принесли ему

---

¹ Тураев А. Два новых литературных имени эпохи Среднего Царства // Египтологические заметки. Пг., 1916. С. 17—18.

² Glanville S. R. K. Catalogue of demotic papyri in the British Museum. London, 1955. № 10508.

письменный прибор и не принесли ему свиток папируса. Он писал на черепках кувшинов *blq̄w n hnw* то, чему он мог обучить сына. Вот наставления *t3 mtrt*, которые написал “отец бога” Анхшешонк, сын Тиайнуфи, мать которого Сат... для своего сына на принесенных ему черепках кувшинов, которые содержали смешанное вино, когда он был водворен в дом заключения (называвшийся) Наампнекс, говоря...» (4, 10—17). Далее следует призыв Анхшешонка к читателям этих черепков, т. е. остраконов, узнать из них о гневе Рэ против него. Ниже в этом же папирусе написано: «Следуют слова, которые Анхшешонк, сын Тиайнуфи, написал на принесенных ему черепках кувшинов, которые содержали смешанное вино, чтобы отдать их как поучение *sb3t* сыну своему, и их (содержание) докладывали фараону и его вельможам ежедневно. Анхшешонк понимал, что он обречен пребывать в тюрьме, потому что они не выпустили его, и он (поэтому) написал на черепках кувшинов то, в чем он хотел наставить сына своего. Написано...» (5, 14—5, 19). Далее следует текст самого поучения.

Все это весьма любопытное введение вряд ли отражает историческую действительность: имя фараона нигде не упомянуто, о положении Анхшешонка нам известно только, что он «отец бога», но ничего более о нем мы не знаем. Далее идут слова о том, что фараон и его придворные ежедневно читали то, что писал Анхшешонк в тюрьме. Все это весьма серьезные основания для того, чтобы рассматривать это сведение как литературную рамку, и, конечно, Анхшешонк всего лишь вымышленный герой произведения, а не реальная личность. Но в самых фактах, изложенных там, нет ничего фантастического, поучение отражает нравы и жизнь времени, а также сообщает о том, как Анхшешонк написал свое поучение.

Таким образом, мы видим, что автором поучения мог стать всякий достаточно грамотный человек и что составление поучений в поздние периоды египетской истории было довольно распространенным явлением в образованной среде. Подтверждением этого является одно место в знаменитом демотическом папирусе Райланд IX, хотя и не относящемся к поучениям, но показывающем, как возникали некоторые тексты, повествующие о местных событиях. Некий Ахмосе, прибыв в город Теуджой, заинтересовавшись причиной его упадка и разрушения, спросил об этом жреца местного храма Петеисе. Последний потребовал себе лист папируса и записал на нем все события, предшествовавшие разрушению города. Так возник рассказ о бедствиях города Теуджой¹. Эти два примера наглядно показывают нам, как люди становились авторами.

Очень интересный и важный для науки текст, ономастикон Аменопе, дошедший до нас в восьми версиях, написан писцом «дома жизни». Это единственный достоверно известный нам автор из писцов «дома жизни». Начинается сочинение следующим образом:

«Начало поучения для прояснения мысли, для наставления незнающего, для познания всего, что существует: того, что создал Пта, что записал Тот, неба со всеми его вещами, земли и того, что в ней, того, что изрыгают горы, того, что наводняется разливом, всех вещей, освещаемых Рэ, всего, что растет на земле, придуманное писцом Книги бога в доме жизни Аменопе, сыном Аменопе»².

Итак, писец «дома жизни» Аменопе «придумал», т. е. сочинил это произведение. Глагол, стоящий в тексте, *tȝwt* (с опущенным конечным *t*) имеет именно такое значе-

---

¹ Griffith. Catalogue. Vol. III. P. 66—67.

² Onomastica. Vol. I. P. 2.

ние¹. Эти слова вполне соответствуют всему, что мы знаем вообще о «доме жизни». К сожалению, мы не располагаем больше никакими сведениями о личности автора.

Следует сказать, что о подлинности авторства Аменопе было высказано сомнение Б. де Валле. Он указал, что в лондонской версии ономастикона Аменопе (это очень плохой экземпляр) разрушено то место, где должно было стоять имя автора. Имя же отца автора сохранилось — Преннофер. Следовательно, сын Преннофера, имя которого неизвестно, не тождествен Аменопе, сыну Аменопе. Итак, в двух разных вариантах одного и того же текста авторами названы два разных лица. Отсюда Б. де Валле делает вывод, что разные варианты могли быть переписаны разными лицами, которые приводят свои имена как имена авторов и добавляют имена своих отцов². С. Глэнвиль, впервые издавший лондонский вариант, пишет: «Нет оснований полагать, что сын Преннофера был автором текста, с другой стороны, весьма вероятно, что эта версия текста переписана им и что, как полагал Г. Масперо относительно папируса Худ, фактический переписчик вставил свое имя вместо имени автора»³. Б. де Валле, конечно, высказал это сомнение под влиянием приведенных строк С. Глэнвилля, который, в свою очередь, опирался на Г. Масперо. Теперь, после издания всех вариантов ономастикона Аменопе А. Гардинером, ясна несостоятельность этого скептицизма.

В самом деле, всех вариантов восемь. Из них только в пяти сохранилось начало с именем автора. В четырех ва-

---

¹ Wb. Bd I. S. 34(17).

² *Walle B. van de. La transmission des textes littéraires égyptiens avec une annexe de Posener G. Bruxelles, 1958. P. 36.*

³ *Glanville S. R. K. A new duplicate of the Hood papyrus // JEA. Vol. 12. 1926. P. 173.*

риантах из пяти Аменопе назван автором (в числе этих четырех голенищевский вариант и папирус Худ). Все они написаны разными лицами, что видно по почерку¹. Таким образом, разные переписчики текста единодушно называют автором Аменопе, а себя даже не упоминают. В отношении же имени Преннофера следует согласиться с С. Глэнвилем, что сын Преннофера, имя которого разрушено, переписал текст и вставил свое имя на место имени автора, и затем добавил имя своего отца. Такие явления, несомненно, имели место в египетской литературе. Очень ярким примером служит поучение Схотепибрэ, вельможи времен XII династии, начертанное в качестве составной части его автобиографической заупокойной надписи в гробнице в Абидосе. Это весьма утилитарного содержания поучение обращено к его детям. То же поучение, но в более пространном изложении содержится в папирусе времени Нового Царства из Рифэ². Исследовавший оба текста Ш. Куэнц пришел к следующему выводу: «В итоге весьма вероятно, что оба текста восходят к третьему общему для них обоих источнику и что Схотепибрэ сократил и использовал его в своих целях, тогда как в папирусе Рифэ, хотя и более позднем, текст воспроизведен более точно. К сожалению, в этой версии нет начала с упоминанием высокопоставленного лица, несомненно везиря, авторству которого приписано было поучение. Можно предположить, что поучения были чем-то традиционным, и во времена XII династии их переписывали полностью или частями на заупокойные стелы, как позже, например, во времена XVIII династии, “инструкции везирю”»³.

---

¹ *Onomastica*. Vol. I. P. 30.

² *Kuentz Ch. Deux versions d'un panégyrique royal // Griffith studies*. P. 97—110.

³ *Ibid.* P. 109.

Если с выводом Ш. Куэнца о надписи Схотепибрэ и папируса Рифэ можно безоговорочно согласиться, то в заключительную часть его вывода следует внести корректив и дополнение: как показывает данный пример, переписывание происходило не механически, создавалось что-то новое, но вместе с тем очень близкое на первых порах к старому. Конечно, такую деятельность лишь очень условно можно назвать авторством, но уже в ней заключается зародыш самостоятельного творчества. Таким образом, в египетской дидактической литературе в ряде случаев можно с уверенностью установить имя автора.

Совершенно иначе обстоит дело с художественной литературой, где авторы произведений никогда не упоминаются.

Редким исключением является литературный папирус Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина 127, содержащий рассказ о злоключениях его автора по имени Урмай во времена ливийского нашествия на Египет. Рассказ изложен в эпистолярной форме. Автор Урмай в тексте назван жрецом илиопольского храма, носившим титул «отец бога». Из рассказа видно, что он был владельцем колесницы и лошадей. Больше мы о нем ничего не знаем¹.

Как правило, большинство произведений художественной литературы хранит полное молчание о своих авторах. Обычно они кончаются колофонами, в которых упоминается или не упоминается писец, составивший данную рукопись. Так, папирус Берлинского музея 3042, содержащий известную «Беседу разочарованного», оканчивается таким колофоном: «Окончено от начала до конца, как было найде-

---

¹ Коростовцев М. Иератический папирус 127 из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина. М., 1961.

но в писании»¹. Здесь даже не приведено имя переписчика. Так же не упомянут переписчик в колофоне повести о тяжбе Хора и Сета: «Доведено хорошо (до конца) в Фивах (в) месте (истины)»².

Прежде, чем остановиться на колофонах, содержащих имя переписчика, необходимо рассмотреть заключенную в них формулу *in k3 n...* А. Эрман перевел ее словами *seitens des*, видя в частице *in* указателя действующего лица, имя которого следует за ней непосредственно. Сам А. Эрман подчеркнул, однако, что такое понимание в ряде случаев вызывает серьезные трудности в толковании смысла колофонов³.

В действительности *in* является формой предлога *n*, выражающего с последующим суффиксом или именем существительным дательный падеж⁴, т. е. формула *in k3 n* значит: «для “ка” такого-то», т. е. «для души такого-то». Здесь слово «ка» не значит, конечно, буквально «душа», оно имеет приблизительно такое же значение, как и наше русское «душа» в словосочетании «это для души», т. е. это ради приятности, для удовольствия и т. п. При таком понимании формулы все трудности, отмеченные А. Эрманом, отпадают, и смысл колофонов становится ясным в каждом отдельном случае*.

---

¹ Faulkner R. O. The man who was tired of life // JEA. Vol. 42. 1956. P. 26.

² LES. P. 60.

³ Erman A. Die ägyptischen Schülerhandschriften // APAW. Phil.-Hist. Kl. 1925. № 2. S. 10—11.

⁴ Caminos // LEM. P. 31.

* Если учесть, что «ка» означает «двойник», и если уж перевести образно, то лучше так: «на память тому-то», «в память такого-то», но вовсе не так, как советует автор. Но если отвлечься от «литературизмы», на самом деле это означает нечто гораздо более глубокое и связано с ролью «двойника», и вообще «мира двойника», в жизни древних египтян. — A. Ч.

После этого необходимого замечания мы разберем несколько колофонов с упоминанием переписчиков. Конечно, в некоторых случаях конец колофона поврежден и имя переписчика исчезло. Так было, например, в известной сказке о взятии Яффы. Этот колофон гласит: «Доведено хорошо до конца для души писца, искусного перстами писца войска....». Не сохранилось ни имя «писца войска», для которого его ученик составил рукопись, ни имя последнего. Естественно, что «писец войска» интересовался подобными сюжетами.

Текст так называемой сказки о «Правде и Кривде» также кончается очень поврежденным колофоном, в котором слово «писец» сохранилось, но начертание его имени разрушено¹.

Зато отлично сохранился колофон знаменитой сказки о двух братьях в папирусе Орбиней.

«Доведено прекрасно в мире для души писца сокровищницы Кагаба из сокровищницы фараона, да будет он жив, невредим, здрав, (для) писца Хори, (для) писца Меримпе. Сделал писец Иннана, владелец этой книги. Что же касается того, кто будет оспаривать эту книгу, будет Тот для него врагом»². В самом конце текста уже после колофона дважды повторяются следующие слова: «Носитель царского опахала справа от наследника царя, писца войска старшего сына царя, Сетимеренпта». Может быть, рукопись после Иннана принадлежала Сетимеренпту. Остановимся под-

---

¹ LES. P. 36.

² LES. P. 29 (P. Orbiney, 19, 10). — Следует отметить, что стоящее в тексте *ir. n. f* следует читать фактически *iw n. f*, ибо *ir* является здесь особым написанием вспомогательного глагола *iw*, а не глагола *irj* «делать» (Gardiner A. The origin of certain coptic grammatical elements // JEA. Vol. 16. 1930. P. 224). [Это супплетивное спряжение вспомогательного глагола, но форма *ir* восходит, конечно, к *irj*. — A. Ч.]

робнее на приведенном колофоне. Из него ясно, что изгото-
вителем рукописи был Иннана, и некоторое время он же
был ее владельцем. В колофоне не сказано, что текст был
переписан с какой-то другой рукописи, о чем, наверное, было
бы сказано: ведь египтяне очень ценили и уважали уже су-
ществующие «писания». С другой стороны, как очевидно из
содержания сказки, она могла появиться лишь в эпоху Но-
вого Царства, точнее — тогда, когда в результате длитель-
ных многолетних походов за пределы Египта войска фара-
онов приносили на родину сведения о чужеземных странах,
сведения, которые широко распространялись в народе, об-
лекшись в сказочный облик¹. Это могло быть лишь сравни-
тельно незадолго до того времени, как жил Иннана, и мы
вряд ли ошибемся, если скажем, что он один из первых обратил
внимание на прекрасную сказку. Иннана добросовест-
но и честно переписал ее. Несколько мест текста говорит о
том, что Иннана или переписал сказку с другой рукописи,
или записывал ее на слух. Первое предположение более
вероятно², и он как бы призвал бога Тота в свидетели этого,
угрожая скептикам и недоброжелательным критикам сво-
его труда гневом Тота. Любопытно, что почти тождествен-
ная фраза встречается в колофоне папируса Салье IV:
«сделал писец Аменхау». На это обстоятельство обратил
мое внимание Е. Н. Максимов. «Что же касается того, кто
будет оспаривать эту книгу, будет Тот для него (*n* = для)
врагом смертельный»³. Слово «смертельный» — это намек
на то, что бог Тот в загробном мире при взвешивании серд-

---

¹ Сказка эта, как и сказка об обреченному царевиче и сказки папируса Весткар, несомненно, относятся к фольклору (*Peet E. A comparative study of the literatures of Egypt, Palestine and Mesopotamia. London, 1931. P. 47.*)

² P. Orbiney. 10, 2; 14, 7; 16, 1; 17, 6 и т. д.

³ Caminos // LEM. P. 97.

ца умершего не отнесется к покойнику благосклонно¹ и, следовательно, умершему будет грозить вторичная и окончательная смерть. Любопытно отметить, что почти тождественный колофон мы находим в одном коптском (ахмимском) папирусе, содержащем угрозу божьим гневом по адресу того, «кто уничтожит эту рукопись»². Необходимо отметить еще один важный момент (в колофоне папируса Орбиней сказано: «Сделал писец Иннана, владелец этой книги».

В колофоне папируса Анастаси VII (прилож. 1): «Сделал (это) писец Иннана, владелец поучения...». В колофоне папируса Салье IV: «Сделал писец Аменхау для “ка” владельца этого поучения»³.

Из сравнения приведенных мест можно было бы сделать вывод, что в первых двух случаях перед словом *nb* «владелец» пропущен предлог *n* дательного падежа со смыслом «для». Однако при таком допущении колофон папируса Анастаси VI стал бы непонятным (ведь раньше стоят там слова: «для души писца Кагаба» и т. п. Потому это *n* в колофоне папируса Салье IV должно рассматриваться как графический заполнитель и не более, и потому колофон его следует переводить: «Сделал писец Аменхау, владелец этого поучения», а не «для владельца этого поучения».

Факт, что сказка была записана для писцов Кагаба, Хори и Мериемпе, говорит об интересе к литературе, иначе непонятно, для чего было бы изготавлять для них рукопись такого содержания. Это уже было отмечено выше (гл. 11). Сам факт существования литературы является несомнен-

---

¹ Ibid. P. 366.

² Тураев Б. Коптские заметки // Записки восточного отделения Русского археологического общества. 1907. Т. XVIII. С. 4—6.

³ Caminos // LEM. P. 366.

ным доказательством наличия интереса к ней какой-то части египетского общества. Само собой разумеется, что такой интерес должен был в первую очередь возникнуть и культивироваться в грамотных и образованных кругах писцов. Поэтому, когда мы читаем в колофонах имена писцов, для которых *in k3 n sš...* была изготовлена та или иная рукопись, вряд ли можно сомневаться в интересе этих лиц к литературе.

Имена писцов, упомянутых в колофоне папируса Орбиней, Кагаба, Хори и Меримпе, встречаются также и в колофонах других литературных произведений того времени. Гимн Нилу в папирусе Салье II заканчивается колофоном: «Доведено прекрасно в мире для души писца сокровищницы Кагаба»¹.

Так называемое поучение Аменемхата I, также содержащееся в папирусе Салье II и написанное Ахтоем, как это мы видели выше, кончается более развернутым колофоном: «Доведено прекрасно в мире для души хвалимого и искусного, прекрасного умением писца сокровищницы Кагаба, (для) писца сокровищницы Хори (сделал) писец Иннана в год 1-й, месяц 2-й зимы, день 20-й»². Кагаба упомянут и в колофоне «Поучения Ахтоя», которое также является частью содержания того же папируса:

«...Для “ка” хвалимого и отличного, прекрасного умением (своим) писца сокровищницы Кагаба из сокровищницы дворца» (прилож. 1)³. Другая версия этого поучения в папирусе Анастаси VII кончается следующим колофоном:

*****

¹ Maspero G. L'hymne au Nil. Le Caire, 1912. P. VII. P. 18.

² Maspero G. Les enseignements d'Amenemhait I à son fils Sanoisrit 1-er. Le Caire, 1914. P. 11.

³ Brunner H. Die Lehre des Cheti, Sohnes des Duauf. Glückstadt, 1944. S. 14—15.

«...Для “ка” писца (сокровищницы) Кааба, писца Тахерипедет, писца Иути, писца Мерирэ. Сделал (это) писец Иннана, владелец поучения, в 6-й год, месяц 2-й лета, день 15-й, когда они (фараоны) были в Рамессеуме» (прилож. 1).

Наконец, тот же неутомимый Иннана в папирусе Анастаси IV приводит имена девяти писцов сокровищницы, в том числе и свое собственное. Среди них мы находим того же прославленного Каабу, имена двух Хори, Мерипе, Бакенпта, Аменмеса, Сунера, Урпта (прилож. 13). Конечно, это список лиц, подчиненных Кааба по сокровищнице¹. Однако это, вместе с тем, любители литературы, составляющие на протяжении лет нечто вроде литературного кружка. Самым активным среди них был, видимо, Иннана, который своей рукой написал папирус Орбиней, папирус Анастаси VII, папирус Анастаси IV A, папирус Салье II, папирус Анастаси VI, т. е. всего пять папирусов². Как явствует из совокупности данных этих пяти папирусов, Иннана и его коллеги жили при последних двух фараонах XIX династии Мернепта-Сапта и Сети II, времена правления которых относятся к самому концу XIII в. до н. э.³ Приводим данные для датировки папирусов.

1. Папирус Орбиней — отсутствует год; после колофона упомянут наследный принц, будущий фараон Сети II. Следовательно, папирус Орбиней написан при предшественнике фараона Сети II — фараоне Мернепта-Сапта.

2. Папирус Анастаси VII — колофон датирован годом 6-м царствования неизвестного фараона (прилож. 1). Так

---

¹ Erman A. Die ägyptischen Schülerhandschriften // APAW. Phil.-Hist. Kl. 1925. № 2. S. 11.

² Möller G. Hieratische Paläographie. Leipzig, 1910. Bd II. S. 10.

³ Бэрстед Дж. Г. История Египта. М., 1916. Т. II. С. 284; Струве В. Подлинный манефоновский список царя Египта и хронология Нового Царства // ВДИ. 1946. № 4. С. 9—25.

как Сети II царствовал менее шести лет, эта дата должна относиться к правлению его предшественника, т. е. фараона Мернепта-Сапта.

3. Папирус Анастаси IV A является частью папируса Анастаси IV. Последний датирован 1-м годом правления неизвестного фараона¹.

4. Папирус Салье II (3, 8) — колофон поучений Аменемхата I также написан в 1-й год царствования фараона, имя которого не упомянуто. Ясно, что папирус Анастаси IV и папирус Салье II написаны в один и тот же год. Вероятнее всего, в 1-й год правления фараона Сети II.

5. Папирус Анастаси VI (7, 51 и 62) — начало трех деловых писем, написанных Иннана своему начальнику Каагаба. В одном из писем приводится дата — 8-й год правления неназванного фараона². А. Эрман считает, что это 8-й год правления Мернепта-Сапта³. Мнение А. Эрмана разделяет Г. Мёллер⁴. Каминос допускает, однако, что речь может идти о 8-м году царствования Сети II⁵.

Следы деятельности писца Иннана можно проследить на протяжении нескольких лет. О его административно-хозяйственных обязанностях мы узнаем из переписки между Иннаной и его начальником Каагаба, которая содержится в папирусе Анастаси IV (7, 9 (8, 7) и в папирусе Анастаси VI, где приведены три письма Иннаны на имя Каагаба. Первое из этих трех писем (7—50) представляет собой жалобу на беззаконные действия ряда административных лиц;

---

¹ Caminos // LEM. P. 34.

² Ibid. P. 76.

³ Erman A. Die ägyptischen Schülerhandschriften // APAW. Phil.-Hist. Kl. 1925. № 2. S. 20. Anm. 2.

⁴ Möller G. Hieratische Paläographie. Leipzig, 1910. Bd II. S. 11.

⁵ Caminos // LEM. P. 275.

второе (51—61) является докладом Иннана о кочевом племени; третье (62—88) — о разных хозяйственных вопросах. Из этих же писем мы узнаем, что Иннана жил в Нижнем Египте; в его письмах упоминаются населенные пункты Нижнего Египта (Чеку, Чен, Тиебент, Пи-Рамсес-Миамун). Но бывал он также и в Верхнем Египте — в Фивах, Элефантине и т. д.¹

Несмотря на разностороннюю административно-хозяйственную деятельность, Иннана, как это видно из составленных им рукописей, на протяжении многих лет интересовался литературой. Он переписывал литературные тексты: папирус Анастаси VII («Поучение Ахтоя, сына Дуауф»), папирус Салье II («Поучение Аменемхата», «Гимн Нилю»), и сам скопировал фольклорную сказку о двух братьях. Вспомним, наконец, что он был собственником папируса Орбиней² и папируса Анастаси VII. Таким образом, писец сокровищницы Иннана, занимавший скромный административно-хозяйственный пост, был заметной личностью в истории египетской литературы, не являясь автором в буквальном смысле слова. Личность Иннана нам известна благодаря тому, что, к счастью, сохранилось несколько изготовленных им рукописей. Несомненно, Иннана не был исключением, были и другие лица, подобные ему, до и после него, от деятельности которых, однако, ничего не осталось. Конечно, если бы все дошедшие до нас рукописи сохранились в неповрежденном виде и целиком, мы наверняка узнали бы еще много интересного о литературных вкусах египетских писцов.

Близко примыкают к художественной литературе автобиографические надписи вельмож, а также ряд царских

---

¹ Ibid. P. 280—300.

² Piehl K. Qui est l'ancien possesseur du Papyrus d'Orbiney // Sphinx. Vol. 1. 1897. P. 258.

надписей разных эпох. Как правильно отметил академик Б. Тураев, «тексты гробниц египетских вельмож ко времени V династии далеко ушли в литературном отношении. Разнообразие форм в них идет рука об руку с внешним изяществом и внутренней содержательностью»¹. Текст надписей составлен самими вельможами, повествующими о себе. Вряд ли в этом можно сомневаться. На стены гробниц они нанесены, конечно, не ими, но каждый раз имя автора известно.

Знаменитая повесть Синухе и отчет Ун-Амуна как литературные произведения восходят к таким надписям. Если в отношении повести Синухе мы не можем быть уверенными в авторстве Синухе, то вряд ли имеются основания сомневаться в авторстве Ун-Амуна.

Иначе обстоит дело с царскими надписями вроде надписи о победах Мернепта над ливийцами на стеле Израиля или надписи Пианхи о завоевании им Египта. Эти надписи также являются по сути дела литературными произведениями, которые составлены, конечно, не царями, а царскими писцами, имена которых нам неизвестны². Повествовательная часть знаменитых анналов Тутмоса III также обладает большими литературными достоинствами, и вместе с тем это очень важный исторический источник. Текст анналов, как известно, начертан в Карнакском храме.

Там сказано: «Повелел его величество, чтобы зафиксированы были (победы, которые даровал ему отец Амун), в повествовании в храме», а в другом месте почти те же слова: «Повелел его величество, чтобы зафиксированы были побе-

*****

¹ Тураев Б. А. Египетская литература. С. 50.

² В частности, следует указать, что фараон Пианхи был напатским фараоном и, конечно, не мог знать мертвого в его время среднеегипетского языка, на котором составлена его надпись. Ее мог составить только образованный египетский писец.

ды, которые даровал ему отец Амун, на стене каменной в храме» (Urk. IV, 9, 647, 648). Таким образом, здесь прямо сказано, что текст был начертан по приказу самого царя. К счастью, мы знаем несомненного автора этого текста.

В гробнице некоего Ченена в Шейх-эль-Гурне имеются ценные тексты, сообщающие интересные сведения об авторе анналов. Погребенный в этой гробнице Ченен рассказывает о себе:

«Следовал я за богом благим, владыкой истины, царем Верхнего и Нижнего Египта, Менхеперрэ... каждый год.

Видел я победы, одержанные им над всеми странами, (когда) приводил он правителей (страны) Джакхи в качестве пленных в Египет, (когда) он овладевал всеми их городами и срубал их деревья. Ни одна страна не устояла перед лицом его. Это я зафиксировал в письменном виде победы, которые он одержал над всеми странами, соответственно содеянному (им). Я следовал за богом благим, царем Верхнего и Нижнего Египта и был любимцем его величества Аахепурэ; я был любимцем его величества, (осыпаемым) милостью его (ежедневно)» (Urk. IV, 1104).

Таким образом, Ченен был придворным летописцем и не только Тутмоса III, но и его преемника Аменхотепа II.

Из многих титулов и перечня должностей мы узнаем положение Ченена. Он был «писец войска в присутствии его величества, записывающий новобранцев, дающий знать всякому человеку во всем войске его обязанности, истый писец царя, любимый им, писец войска Ченен покойный». Приведем еще несколько званий Ченена: «писец войска, любимый владыкой своим, Ченен», «истый писец царя, любимый им, начальник войска, писец новобранцев, Ченен» (Urk. IV, 1006, 1007), «старший начальник писцов войска, царя, Ченен покойный»; кроме того, он назван в надписи «очами царя Верхнего Египта и ушами царя Нижнего

Египта». Женой Ченена была «певчая (бога) Тота, владыки Шмуна» (Urk. IV, 1008, 1010, 1011, 1015, 1016).

Таким образом, администратор и писец Ченен был также писателем и поэтом, автором знаменитых анналов Тутмоса III. Необходимо сказать, что Г. Грапов категорически отрицает авторство Ченена, которое признал еще сам Г. Бругш (Theasarus 1152). Г. Грапов видит в Ченене только переписчика, однако ничем не аргументирует свой тезис¹.

Несомненно, авторами множества царских надписей были аналогичные лица. Мы не можем здесь обойти молчанием знаменитую «поэму» о кадешской битве между Рамсесом II и хеттским царем, в которой воспевается личная воинская доблесть этого фараона и содержится множество интересных для истории фактов. Это произведение дошло до нас в виде надписей и изображений на стенах нескольких храмов и в папирусе Салье III. Колофон последнего гласит: «Написано это в 9-й год, месяц 2-й лета царя Верхнего и Нижнего Египта Усер-маат-Рэ Сетепен-Рэ, да будет он жив, невредим, здрав, сына Рэ, Рамсеса Мериамуна, да будет он жив, невредим, здрав... одаренного жизнью навеки веков, подобно своему отцу Рэ. Доведено прекрасно в мире для души начальника хранителей писаний Аменемина из сокровищницы фараона, да будет он жив, невредим, здрав, (для) писца... сокровищницы фараона (да будет он жив, невредим, здрав). Сделал писец Пентаур»². После слова *štw* «лето» и перед *n* пропущены слова *hr hm* «при величестве». Принимая колофон на веру, можно

---

¹ Grapow H. Studien zu den Annalen Thutmosis des dritten und zu ihnen verwandten historischen Berichten des Neuen Reiches. Berlin, 1949. Anm. 1. § 23.

² Kuentz Ch. La bataille de Kadesh, fasc. 3. Le Caire, 1934. P. 208, 7—8.

подумать, что Пентаур был современником Рамсеса II и что именно он изготовил папирус Салье III. При ближайшем же рассмотрении оказывается, что дело обстоит иначе: известный папирус Салье I, содержащий наставления учителя-писца, который занимал пост «начальника хранителей писаний», по имени Аменеминт, составлен учеником последнего Пентауrom. В этом же папирусе содержится и известная сказка об Апопи и Секененрэ. Из содержания папируса очевидно, что оба писца, учитель и ученик, жили во времена фараона Мернепта, сына и наследника Рамсеса II. Папирус Салье I датирован 10-м годом правления фараона, который мог быть только Мернепта. Так как Рамсес II сидел на троне шестьдесят семь лет, то между 9-м годом правления Рамсеса II и 10-м годом правления Мернепта прошло шестьдесят восемь лет. Между тем, оба папируса написаны одной и той же рукой, рукой писца Пентаура, имя которого, как имя и должности его учителя Аменеминта, упоминается в обоих текстах. Совершенно невозможно допустить, чтобы они на протяжении более шестидесяти восьми лет занимали одно и то же положение и служили писцами. Поэтому в одном из папирусов, вероятно, содержится ошибка. Так как папирус Салье I не вызывает никаких сомнений, то ошибку надо искать в папирусе Салье III. И, действительно, она оказалась именно там. Первые слова колофона говорят о том, что текст был составлен в 9-й год правления Рамсеса II. Совершенно ясно, что в силу изложенного выше Пентаур никак не мог сопровождать Рамсеса II в его походе, а также записать в 9-й год царствования победы фараона. Это мог сделать лишь человек какого-то старшего, чем Пентаур, поколения, человек, имя которого Пентаур опустил и вписал свое.

Таким образом, колофон папируса Салье III состоит из двух совершенно разнородных частей, соединенных чисто механически:

1) из правильной даты (год 9-й), когда неизвестным нам писцом, современником Рамсеса II, было составлено подробное описание побед фараона, тот подлинник, с которого затем был скопирован папирус Салье III;

2) из имени писца Пентаура, современника фараона Мернепта, много лет спустя сделавшего копию с не дошедшего до нас оригинала в виде папируса Салье III, указавшего в ней, что эту копию сделал он, Пентаур.

Таким образом, автором повествования о кадешской битве был какой-то придворный летописец Рамсеса II, а Пентаур — переписчиком. Не дошедший до нас подлинник и тексты в храмах относятся приблизительно друг к другу так же, как и летопись о походах Тутмоса III, написанная Чененом, и выдержки из нее на стенах Карнака. Положение неизвестного автора поэмы о кадешской битве при Рамсесе II было приблизительно то же, что и Ченена при Тутмосе III. Можно быть уверенным, что и многие другие цари имели при себе подобных летописцев. Эти летописцы были, конечно, индивидуальными авторами своих произведений. Однако они находились под несомненным влиянием своих повелителей. Выше мы уже отмечали, что фараоны XII династии инспирировали некоторые литературные произведения того времени. Нет оснований полагать, что такое же влияние не имело места в эпоху Нового Царства. В интересах укрепления египетской военной машины воспевались подвиги царей-завоевателей и воспитывалось благоговейное отношение к ним широких слоев населения. Поэтому именно Тутмос III, Рамсес II и другие фараоны имели своих летописцев, деятельность которых они контролировали и направляли. Надписи о кадешской битве в разных храмах и сопровождающие их изображения были составлены высококвалифицированными писцами и художниками, и сам Рамсес II влиял на содержание и направление их рабо-

ты¹. В основе их деятельности лежала, конечно, рукопись, в которой были детально изложены неизвестным автором героические деяния фараона против хеттского войска.

Необходимо еще раз вернуться к уже неоднократно упоминавшемуся демотическому папирусу Райланд IX. Этот папирус содержит историю трех одноименных жрецов, носивших имя Петеисе, — деда, сына и внука. Эта семейная хроника трех поколений была записана внуком, который известен как Петеисе III, во времена Дария I. Он сам говорит об этом так: «Я сказал ему: “пусть дадут мне лист папируса, чтобы я мог описать все, что произошло (здесь)”. И Ахмосе дал мне лист папируса; я описал все, что было сделано, чтобы разрушить Теуджой. Ахмосе прочел папирус, громко вскрикнул и сказал мне: “Клянусь Рэ, я понял, что ты был прав”. Сказал я ему: “Я поведал тебе события, прошедшие со мной, и (боюсь, что) жрецы убьют меня (за это)”. Он запечатал папирус, дал мне запечатать его вместе с ним; он отдал его человеку и приказал доставить в местопребывание правителя»². Последние слова означают, что документ был сдан в архив. Содержание этого текста представляет исключительный интерес не только с научной, но и с общечеловеческой точки зрения. Капар, взяв за основу сюжет этого папируса, написал роман из жизни Древнего Египта³.

Перейдем к вопросу об авторстве в научной литературе. Египетская медицина известна нам из текстов, дошедших до

---

¹ Gardiner A. The Kadesh inscriptions of Ramesses II. Oxford, 1960. P. 46—47.

² Griffith. Catalogue. Vol. III. P. 66—67.

³ «Un roman vécu il y a vingt-cinq siècles. Histoire d'une famille sacerdotale égyptienne aux VII et VI siècle avant J.-C. par Peteisis, fils d'Essemteu» // Adaptation Capart J. 2-me ed., augmentee. Bruxelles, 1941.

нас от разных времен. В значительной степени она переплетается с магией. Сами египтяне смотрели на медицину как на откровения богов, о чем свидетельствуют указания на божественное и таинственное происхождение медицинских произведений в самих текстах. Так, в Берлинском папирусе 3038 (рукопись относится ко времени XIX династии) сказано, что папирус «был найден среди древних писаний в сундуке с текстами под ногами (бога) Анубиса в Сехеме (Летополис), во времена его величества царя Верхнего и Нижнего Египта Усекая покойного, после того как он заболел. Он был доставлен его величеству царю Верхнего и Нижнего Египта Сенду покойному из-за своего совершенства». Это был «(*sš mdt ntr*) “писец слов бога”, искусный главный врач, успокаивающий бога»¹, который использовал эту книгу для лечения. Далее говорится о значении и пользе этой книги.

В свое время В. Брежинский предполагал, что в папирусе за словами «искусный главный врач» стоит имя этого врача, которое он читал Неферхотеп². Однако А. Гардинер показал, что в действительности в тексте стоят слова *ntr-htp* «успокаивающий бога»³. Затем эту правильную интерпретацию А. Гардинера принял и Г. Грапов⁴.

О происхождении медицинского папируса Британского музея 10059 (время XVIII династии) мы узнаем из него самого (8, 8—13) следующее: «Это заклинание, упавшее во двор храма в (Коптосе) как тайное знание богини, было найдено невредимым ночью руками жреца-чтеца этого хра-

---

¹ Gropow H. Medizin. Bd V. S. 12.

² Wreszinski W. Der grosse Medizinische Papyrus des Berliner Museums. Leipzig, 1909. S. 90.

³ Gardiner A. Hieratic papyri... P. 56—57.

⁴ Gropow H. Medizin. Bd III. S. 87, Anm. C.

ма. Вся страна была погружена во мрак, но луна освещала заклинание со всех сторон. Оно было доставлено его величеству царю Хуфу как чудо»¹.

В папирусе Эберс есть два места, которым приписываются чудесное происхождение. Первое — рецепт снаряжения, «успокаивающего зуд», найдено в храме Осириса. Второе, содержащее описание двадцати двух сосудов в человеческом теле, также обнаружено среди писаний под ногами (бога) Анубиса в Сехеме. Оно было доставлено царю Верхнего и Нижнего Египта Уссефая покойному². Таким образом, сами египтяне возводили происхождение своей медицины к глубокой древности и мистическим обстоятельствам. На древность медицинских текстов есть указание в одной автобиографической надписи Древнего Царства. Мы имеем в виду надпись главного строителя царя V династии Нефериркарэ, по имени Уашапта. Надпись очень плохо сохранилась, но все же ее общее содержание понять можно. Царь со свитой осматривал строительные работы, которыми руководил Уашапта. Вдруг Уашапта упал в обморок. Были вызваны врачи со своими папирусами. Но помочь оказалась запоздалой: верный царский слуга почил вечным сном (Urk. I, 41—42). Таким образом, уже в то время существовала какая-то медицинская литература, возникшая, конечно, значительно ранее. Следовательно, начало египетской медицинской литературы восходит к глубокой древности. Несомненно, что первоначально подавляющая часть текстов представляла собой запись достижений народной медицины, следовательно, являясь медицинским фольклором, она авторов не имеет. Но те, кто вел эти записи, были, конечно, врачами, и медицинская литература в то время уже

---

¹ Grapow H. Medizin. Bd V. S. 274.

² Ibid. S. 11, 408.

играла большую роль. Об этом прямо говорится в папирусе Эберс (1,8—1,9): «Это (бог) Тот — руководитель его (врача), который заставляет говорить написанное, который создал сводные записи, который предоставляет пользу мудрости врачу, служащему ему»¹. Такую *dm̄t* «сводную запись»² и представляет собой, в частности, папирус Эберс. Естественно, что при составлении таких сводов авторы пополняли их новыми фактами и наблюдениями. Так в результате коллективного анонимного труда расширялась и обогащалась медицинская литература.

Нам известны имена некоторых врачей, их должности и титулы, но мы не знаем ни одного имени врача, которого можно было бы рассматривать как автора того или иного произведения. Вся египетская медицинская литература безымянна³. И тем не менее, трудно допустить, чтобы среди египетских врачей отсутствовали индивидуальные авторы. По крайней мере, в поздние периоды египетской истории медицина Египта пользовалась известностью и за пределами Египта (вспомним сказанное о египетских врачах при Камбизе и Дарии), и по несомненно верному свидетельству Геродота (11, 84) достигла высокой специализации: греческий историк называет глазных и зубных врачей, «врачей, лечащих голову, живот и незримые болезни».

Данные Геродота подтверждаются и египетскими текстами. В основе развития египетской медицины лежало отличное знание человеческого тела — результат обычая мумификации, совершенно чуждого другим странам древности. Естественно, что все вновь накоплявшиеся знания, а их объем должен был расти с развитием специализации в

---

¹ Grapow H. Medizin. Bd III. S. 92—93; Bd V. S. 532.

² Wb. Bd V. S. 462, 9.

³ Grapow H. Medizin. Bd III. S. 99.

медицине, записывались и обрабатывались врачами. Из египетских текстов мы узнаем, например, про одного врача, что он ежедневно читал медицинскую книгу¹.

Знаменитый папирус Эдвина Смита, древнейший в мире трактат о хирургии, свидетельствует как о высоком уровне египетской медицины, так и о выдающихся способностях неизвестного нам составителя трактата.

Согласно сообщению Диодора (1, 82), в Египте существовал сводный труд по медицине, содержавший множество всяких предписаний, составленных знаменитыми врачами древности. Слова Диодора вполне соответствуют всему тому, что мы знаем о египетской медицине, и свидетельствуют об авторской работе врачей, имена которых нигде не упоминаются. Уже в III в. н. э. Климент Александрийский в своих «Стромата» (VI, 37) утверждает, что среди сорока двух египетских «гермесовых книг», возводимых к Гермесу (= египетскому Тоту), шесть посвящены медицинской тематике. Климент говорит, что каждая книга имела свое содержание: об устройстве тела, о болезнях, о медицинском оборудовании, о лекарствах, о глазных болезнях. Очевидно, Климент имел далеко не полную информацию, так как это все, что он сообщает. Воспоминания и предания о великой медицинской литературе древних египтян еще долго продолжали жить, и в последний раз мы их находим в известной «иероглифике» Гораполлона (1, 38), относящейся к V в. н. э., где говорится, что египетские врачи располагали священной книгой под названием «Амбрас», из которой они узнавали, каков будет исход болезни у пациента.

Не лучше обстоит дело с математическими текстами, которых сохранилось очень немного, тем не менее по ним можно судить об уровне этой области знаний в Древнем Египте.

---

¹ Ibid. Bd II. S. 101.

Самые большие и содержательные папирусы — это математический папирус Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, образцово изданный и исследованный акад. В. В. Струве, и математический папирус Ринд, издававшийся неоднократно. Первый из них переписан каким-то не очень квалифицированным учеником во времена XIII династии с рукописи XII династии¹. Никаких указаний ни на автора, ни на переписчика в нем не содержится. Второй из них — папирус Ринд Британского музея был составлен во времена господства гиксосов, следовательно, до XVIII династии. В математической литературе египтян папирус Ринд занимает приблизительно такое же место, как папирус Эберс в медицинской. Это сводная работа, нечто вроде справочника «по теоретической и прикладной математике для сельских хозяев, землемеров и архитекторов, учебник и, наконец, сочинение, назначенное для самого автора как ученого, трудящегося над разработкой вопросов, не успевших получить еще в науке верное решение»². Из первых строк текста мы узнаем кое-что о его истории: «Записана эта книга в 33-й год правления, месяц 4-й разлива царя Нижнего Египта Аа-Усер-Рэ, одаренного жизнью, в соответствии с записанным в древней рукописи, сделанной во время царя Верхнего Египта Ни-Маат-Рэ. Это писец Ахмосе записал эту копию»³. Таким образом, копия эта (папирус Ринд) сделана с другого текста времен XII династии. Очевидно, что Ахмосе был сам не чужд математике, раз он разыскал и скопировал древний подлинник.

---

¹ Struve W. Mathematischer Papyrus des Staatlichen Museums der schönen Künste in Moskau. Berlin, 1930. S. 39.

² Бобынин В. В. Древнеегипетская математика в эпоху владычества гиксосов // ЖМНП. 1909. № 10—11.

³ Chace A. B. The Rhind mathematical payrus. Vol. II. Ohio, 1929. Pl. 1.

Необходимо отметить, что на фрагментах водяных часов времен XVIII династии имеется текст, в котором назван изобретатель этого инструмента — некто Аменемхат, гордящийся тем, что фараон Аменхотеп I высоко оценил его изобретение¹. Таким образом в разных областях духовной жизни египетские писцы проявили себя как авторы индивидуальных творений.

---

¹ Erman A., Ranke H. Ägypten und ägyptischen Leben in Altertum. Tübingen, 1923. S. 400. T. 27; Borchardt L. Die altägyptische Zeitmessung. Leipzig, 1920. S. 60 ff.

ГЛАВА V

ЕГИПЕТСКАЯ КУЛЬТУРА И ОКРУЖАЮЩИЙ МИР

В предшествующих главах была сделана попытка показать на фактическом материале роль писцов в создании и развитии египетской культуры. Эта культура временами оказывала определенное влияние на духовную жизнь других народов, с которыми египтяне вступали в те или иные отношения. Общение было бы немыслимо без взаимного понимания, в основе которого лежит языковое общение. Известно, что именно язык является орудием культурного воздействия. Поэтому, рассматривая культурное влияние Египта, мы прежде всего должны стремиться к выяснению того, насколько египтяне знали чужеземные языки и насколько был распространен египетский язык среди других племен и народов за пределами собственно Египта. Это два аспекта одной и той же проблемы, поэтому мы можем рассматривать их вместе.

Несмотря на сравнительную изолированность Египта в ранние периоды его истории, египтяне постоянно вступали в мирные или военные отношения со своими соседями, и среди египтян были люди, понимавшие иностранные языки. Указание на это мы находим уже в Текстах Древнего Царства и Среднего Царства, где встречается слово '«пе-

рөвөдчік»¹. Это слово употреблено в сочетаниях *imj-r* «начальник переводчиков»² и *ḥgr (?)* «руководитель переводчиков». В новоегипетских Текстах вместо *mr* находим слово *ȝr* с тем же значением, а также глагол *ȝr* «говорить на иностранном языке»³. Причастие от этого глагола выступает в роли существительного со значением «чужеземец», «иностранец»⁴. Свой язык египтяне называли *rȝ n Kmt* (*mdt n Kmt*) «речь Египта» или *mdt rmȝ n Kmt* «речь людей Египта»*.

О деятельности переводчиков мы ничего не знаем. Тем не менее самый факт их существования уже весьма значителен. Можно даже предположить, что начиная со времени Нового Царства, когда Египет окончательно и навсегда вышел из своей сравнительной изоляции **, в каких-то школах происходило обучение иностранным языкам. Основанием для такого предположения является лишь косвенное указание, на котором мы сейчас остановимся.

Из автобиографии Аххурмеса, верховного жреца в Тинисе и современника Мернепта (гл. 1 настоящей работы), мы узнаем, что он был бедняком, поступившим в школу, и что

---

¹ Gardiner A. The Egyptian word for «dragoman» // PSBA. Vol. 37. 1915. P. 117—125; Goedicke H. The title *mr* in the Old Kingdom // JEA. Vol. 46. 1960. P. 60—65.

² Wb. Bd I. S. 159.

³ Ibid. S. 3.

⁴ Это значение в словаре не указано (Peet E. The supposed revolution of the high-priest Amenhotpe under Ramesses IX // JEA. Vol. 12. 1926. P. 255; Peet E. Chronological problems of the twentieth dynasty // JEA. Vol. 14. 1928. P. 68; Gardiner A. Ramesside texts relating to taxation and transport of corn // JEA. Vol. 27. 1941. P. 25. N 4).

* Копты называли свой язык **МНТРМНКНМЕ**, что восходит как раз к этому выражению. — А. Ч.

** Даже об «относительной» изоляции Египта говорить трудно. Изоляция Египта — это очередной научный миф. — А. Ч.

затем он высоко продвинулся по лестнице египетской бюрократии, заняв руководящие посты, среди которых упоминается и должность переводчика: «(стал я) переводчиком (ȝ‘) в любой стране для владыки моего, писцом сильным в должности своей»¹. Таким образом, Анхурмес был полиглотом, что и в наше время в восточных странах нередкое явление. Так как в его надписи говорится о том, что он учился в школе, а затем перечисляются занимаемые им должности, то приходится допустить, что иностранным языкам он обучался в школе.

С другой стороны, в «Поучении Ани» говорится об обучении иностранцев египетскому языку: «обучают негра (*nhsj*) речи людей Египта, сирийца, а также любых иностранцев» (10, 6)². Как и где проходило это обучение, мы не знаем, но, несомненно, оно имело место, так как результаты его во многих случаях совершенно очевидны.

Далеко к югу, за пределами собственно Египта, в области четвертого нильского порога, в VIII в. до н. э. возникло независимое государство Напата. С начала своего существования оно в течение длительного времени было страной египетской культуры — египетского языка и письма, религии, и даже в какой-то степени государственный строй Напаты был весьма схож с египетским. Несомненно, что египетское господство над этими территориями в течение столетий способствовало египтизации страны, и в этом процессе большую роль сыграли сами египтяне³. Но несомнен-

---

¹ Kees H. Die Laufbahn des Höhenpriesters Onhurmes von Thinis // ZÄS. Bd 73. 1937. S. 81.

² Volten A. Studien zum Weisheitsbuch des Anii // København. 1937. S. 149.

³ Уже во времена Среднего Царства египетские писцы-администраторы составили ряд наскальных надписей в районе II порога (*Säve-Söderbergh T. Ägypten und Nubien. Uppsala*, 1941. S. 101).

но также и то, что надписи и памятники, сооруженные напатскими фараонами, не могли быть результатом работы только египтян. Безусловно, большое участие в их сооружении сыграли местные напатские элементы, полностью овладевшие египетской культурой, которую они в течение долгих лет считали своей. Так, во времена напатского царя Аспелота в надписи на египетском языке в храме Амуна Напатского упоминается «начальник писцов (страны) Куш Мербиу-Амун», «царский писец и начальник житницы Хонсу-Ирдис» и др. (Urk. III, 104, 7—8).

Очень сильно было влияние Египта в странах, расположенных по восточному побережью Средиземного моря, поэтому не удивительно, что египетский язык был довольно широко распространен среди местного населения.

В повести Синухе властелин страны Ретену Верхняя, расположенной на юге Палестины, приглашая Синухе остановиться у него на службе, обращается к нему со следующими словами: «Тебе будет хорошо со мной, услышишь ты речь египетскую» (Sinuhe, 13, 31). Из дальнейшего текста мы узнаем, что когда Синухе прочно обосновался в Ретену, он неизменно приглашал посланцев фараона Сенусерта I, направлявшихся на север за пределы Египта и возвращавшихся с чужбины на родину, останавливаться у него (94—95).

Таким образом, уже в начале XII династии авторитетные по своему социальному положению жители, говорящие на египетском языке, систематически бывали в соседних с Египтом странах. Несомненно, что в этих странах в какой-то степени было распространено знание египетского языка, на что и указывают слова властителя Ретену.

Совокупность данных, которыми располагает наука, свидетельствует о том, что уже во время Среднего Царства между Египтом и его северо-восточными соседями суще-

ствовали весьма развитые отношения разнообразного характера, и что египтяне постоянно посещали эти страны, а жители этих стран — Египет¹. Несомненно, что это должно было повлечь за собой распространение египетского языка за пределами Египта и привести к ознакомлению египтян с языками своих соседей.

Об этом же мы находим интересные данные также в знаменитом отчете Ун-Амуна, совершившего путешествие из Египта в Библ в XI в. до н. э.² Ун-Амун рассказывает, что по пути в Библ он остановился в Доре, городе народа чекер, и здесь один из членов команды судна, на котором Ун-Амун отправился в Библ, обокрал его и сбежал с судна. Ун-Амун отправился к правителью Дора, к Бедеру, и объяснялся с ним без помощи переводчика. Следовательно, Бедер говорил по-египетски (1,8—1,23). Он был филистимлянин³, племени чекер*, маленьского народа, не игравшего заметной роли в политической и культурной жизни Древнего Востока. Поэтому невероятно, чтобы Ун-Амун знал язык филистимлян. В Библе Ун-Амун совершенно свободно изъяснялся с «начальником гавани» и самим правителем Библа Чекер-Баалом без помощи переводчиков, что уже было ранее отмечено П. Монте⁴.

На службе у Чекер-Баала находился некий Пен-Амун, судя по имени, египтянин. Этот Пен-Амун в разговоре с

*****
¹ Posener G. Princes et pays d'Asie et de Nubie. Bruxelles, 1940. P. 45; Sethe K. Die Achtung feindlicher Fürsten, Völker und Dinge auf altaegyptischen Tongefässscherben des Mittleren Reiches // APAW. 1926.

² «Путешествие Ун-Амуна в Библ» / Издание текста и исследование М. Коростовцева. М., 1960.

³ Burchardt M. Die altkanaanäische Fremdworte und Eigennamen im Aegyptischen. Bd II. Leipzig, 1910. S. 22.

⁴ * От того же корня образовано и наше имя «Захар». — А. Ч.

⁴ Montet P. Byblos et l'Egypte. Paris, 1928. P. 283.

Ун-Амуном посмеялся над последним (естественно, что оба египтянина говорили на родном языке), а Чекер-Баал, вступившись за Ун-Амуна, оборвал внезапно своего подчиненного и приказал ему замолчать, что также свидетельствует о понимании Чекер-Баалом египетского языка¹. Действительно, правитель Библа был приобщен к египетской культуре, которую он высоко ценил. Это совершенно очевидно из его слов, обращенных к Ун-Амуну: «Ведь Амун создал страны все, он создал их, после того как он создал страну Египет, откуда ты пришел, раньше всего. Ведь искусство вышло из нее, чтобы достигнуть моего местопребывания; ведь наука вышла из нее, чтобы достигнуть моего местопребывания» (2,19—2,22).

Таким образом, правитель Библа отлично понимал и оценивал культурное влияние Египта на его родину, влияние, доказанное современной наукой. В то же время и сам Ун-Амун видел в Чекер-Баале человека, причастного к египетской культуре. Это ясно из диалога, а в особенности из следующих слов Ун-Амуна, обращенных к правителью Библа: «Почему же ты не радуешься и (не) прикажешь, чтобы (сде)лали тебе стелу, и не скажешь на ней: “Послал мне Амон-Рэ, царь богов, Амуна Дорожного, своего посланца, да будет он (жив), невредим и здрав, вместе с Ун-Амуном, его посланцем — человеком, за строительным лесом для великой священной ладьи Амона-Рэ, царя богов. Срубил я его, погрузил я его, снабдил я его своими судами и командами, сделал я, чтобы достиг он Египта, чтобы вымолил мне 50 лет жизни у Амуна вдобавок к моей судьбе”. И когда наступит после (этого) другой день и прибудет посланец из страны Египта, который знает письмо, и он огласит имя твое на стеле, (то) воспримешь ты воду Запада, как и боги, которые там» (2,54—2,60). С такими словами Ун-Амун мог

---

¹ *Macalister. Philistines.* P. 36.

обратиться только к человеку, который мог их понять, т. е. который хорошо знал обычаи египтян. Что же касается стелы, то безусловно, что Ун-Амун подразумевал стелу с египетским текстом, следовательно, понимал реальную возможность сооружения такой стелы по приказу Чекер-Баала. Иначе говоря, Ун-Амун знал, что в Библе владеют египетским языком и письмом.

Наконец, очень интересны строки 2,77—2,78 отчета Ун-Амуна. Очутившись на Кипре среди чужеземцев, египтянин обратился к людям, окружавшим правительницу: «“Разве нет одного среди вас, который понимает речь Египта?” Один из них сказал: “Я понимаю”». В самой постановке вопроса Ун-Амуном звучит уверенность в том, что на далеком Кипре должны быть люди, понимающие «речь Египта». И это предположение оправдалось. Действительно, среди окружавших правительницу лиц оказался человек, говорящий по-египетски, и Ун-Амун использовал его как переводчика в беседе с ней.

Таким образом, по свидетельству отчета Ун-Амуна, египетский язык знали в тех местах, где побывал посланец Фив Ун-Амун. Наличие же культурного влияния в Финикии, в частности в Библе, доказано неопровергимо.

В эпоху Нового Царства египтяне постоянно общались с семитскими народами и племенами не только за пределами Египта. В самом Египте многие лица семитского происхождения занимали разные государственные посты, иногда весьма ответственные¹, а египетская лексика обогатилась многими семитскими словами².

Рассмотрим египетско-еврейские отношения в интересующей нас плоскости. Палестина вошла в орбиту политиче-

---

¹ Janssen J. Fonctionnaires sémites au service de l'Egypte // CdE. Vol. 26. 1951. P. 60—62.

² Burchardt M. Die altkanaanäische Fremdworte... S. 22.

ского и культурного влияния Египта еще до того, как евреи обосновались там. С начала XV в. до н. э. она стала данницей Египта во времена победоносных походов фараонов XVIII династий, т. е. еще до периода Тельль-эль-Амарны. На территории Палестины были найдены египетские иероглифические надписи Тутмоса III, Сети I, Рамсеса II¹. Когда евреи появились в Палестине, они, конечно, должны были частично подвергнуться этому влиянию. Здесь нас интересует египетское воздействие на духовную жизнь древних евреев, которое в основном должно было сказаться в произведениях еврейской литературы, т. е. в Библии. Вопрос о Египте и Библии представляет собой большую и очень сложную проблему, которая породила целую литературу. Здесь нас интересует только один аспект этой проблемы — языковое общение между египтянами и евреями, являющееся главным каналом культурного обмена. Изучение библейской литературы уже давно совершенно бесспорно выявило, что ее авторы хорошо знали Египет, что вполне естественно и закономерно. Мы не можем здесь останавливаться на этом вопросе, ибо это отвлекло бы нас в сторону от нашей цели. Подчеркнем, что исследование языка и лексики Библии выявило наличие египетских заимствований в древнееврейском языке². Возникает вопрос: располагаем ли мы хотя бы одним текстом, являющимся еврейским переводом или переложением с египетского или, наоборот, еврейского на египетский? Следует дать положительный ответ. Мы имеем в виду уже неоднократно упоминавшееся выше «Поучение Аменемопе», которое относится

---

¹ Albright W., Rowe A. A royal stele of the New Empire from Gallilea // JEA. Vol. 14. 1928. P. 286. — Здесь приведен их список.

² См. раздел «Лексика» в библиографии к кн.: Коростовцев М. Введение в египетскую филологию. М., 1963.

ко времени между XXII и XXVI египетскими династиями. Содержание этого поучения во многих случаях совпадает с содержанием библейской книги, известной под заглавием «Притчи Соломоновы». Начнем с того, что это библейское произведение в целом вообще очень напоминает по своей структуре и стилю египетские поучения, исходящие от отца к сыну. «Притчи Соломоновы», автором которых выступает царь Соломон, слывший воплощением мудрости, обращены к его сыну: «Слушай, сын мой, наставление отца твоего...».

Содержание «Притч Соломоновых» и «Поучения Аменемопе» настолько близко, что можно не сомневаться в том, что оба текста теснейшим образом связаны между собой. Приведем пример:

«Поучение Аменемопе»: «Дай уши твои, внимай (словам), сказанным мной, обрати сердце *ḥ3tj* свое к пониманию их»;

«Притчи Соломоновы»: «Приклони ухо свое (и внимай словам моим) и обрати сердце свое к пониманию (их)¹».

Этот пример, как и другие, неопровергимо свидетельствует об общности содержания «Поучения Аменемопе» и «Притчей Соломоновых», однако не ясно, какой текст — египетский или древнееврейский — является оригиналом, а какой переводом и переложением. Большинство исследователей считает египетский текст оригиналом (Эрман, Гумберт, Эстерлей, Гардинер и др.). Другие же в «Поучении Аменемопе» видят результат влияния древнееврейской литературы на египетскую².

---

¹ Simpson D. C. The Hebrew book of proverbs and the teaching of Amenophis // JEA. Vol. 12. 1926. P. 236. — Отметим, что с текстом Аменемопе сопоставлена не та версия еврейского текста притч, которая легла в основу официальных библейских переводов, а другая, отличная от нее (Gardiner A. Writing and literature. Цит. по: Glanville. P. 68. N 1).

² История вопроса изложена в статье Е. Дриотона. Там же приведена литература (Drioton E. Sur la sagesse d'Aménémopé //

В частности, Дриотон полагает, что автор «Причей Соломоновых» мог быть членом еврейской общины в Египте; такие общины были, например, на острове Элефантине и в Леонтиполисе¹.

Как бы то ни было, сопоставление «Причей Соломоновых» с «Поучением Аменемопе» доказывает наличие развитого египетско-еврейского двуязычия, которым и объясняется множество общих черт и точек соприкосновения между библейской литературой и египетскими текстами.

Для примера назовем близость библейского псалма 104 к некоторым египетским текстам², то же самое можно сказать относительно псалма 110³ и некоторых других псалмов⁴, молитвы Соломона⁵, главы 38 «Книги Иова»⁶, главы 1 «Книги Бытия»⁷, а также наличия в библейских текстах

Mélanges bibliques rédigés en l'honneur d'André Robert. Paris, 1957. P. 254—260; Morenz S. Eine weitere Spur der Weisheit des Amenopé in der Bibel // ZÄS. Bd 84. 1959. S. 79—80).

¹ Drioton E. Sur la sagesse d'Aménémopé // Mélanges bibliques rédigés en l'honneur d'André Robert. Paris, 1957. P. 279.

² Nagel G. A propos des rapports du psaume 104 avec les textes égyptiens // Festschrift Alfred Bertholet zum 80 Geburtstag. Tübingen, 1950. S. 395—403.

³ Savignac J. Essai d'interprétation du psaume CX à l'aide de la littérature égyptienne // Oudtestamentische Studien uitgegeven door P. A. II. Boer. Leiden, 1951. Vol. 9. S. 107—135.

⁴ Michel D. Studien zu den sogennanten Thronbesteigungspsalmen // Vetus Testamentum. 1956. Bd 6. S. 40—68.

⁵ Brunner H. Das hörende Herz // Theologische Literaturzeitung. 1954. № 11. S. 697—700.

⁶ Rad G. von. Hiob XXXVIII und die altägyptische Weisheit // Wisdom in Israel and in the Ancient Near East, presented to prof. Harold Rowley. Leiden, 1955. P. 293—301.

⁷ Sayce A. The Egyptian background of the Genesis I // Griffith studies. P. 419—423.

египетских титулов¹, упоминания наказания горящими углами на голове².

Исследование ряда библейских сюжетов, имеющих отношение к Египту, например «Пребывание Иосифа в Египте» («Книга Бытия»), показало, что они навеяны египетским бытом и литературой³. Даже если допустить, что содержание «Поучения Аменемопе» заимствовано из еврейской литературы, в общем и целом все же несомненно влияние египетской литературы на библейскую⁴.

Наконец, египтяне владели также аккадским языком и его клинописью, неопровергнутым доказательством чему служит клинописный архив из Тель-эль-Амарны и Богаз-кёя. Как известно, документы этих архивов составлены на аккадском языке, являвшемся в те времена международным языком, и на нем вели свою дипломатическую переписку не только народы Двуречья, но также хетты, хурриты и др., а также египтяне. Интересные подробности о том, как доставлялась такая корреспонденция, мы находим в папирусе Анастаси III (verso, 6, 1), содержащем дневник пограничника, в котором отмечены даты и лица, переехавшие северо-восточную границу в обоих направлениях с разными прави-

---

¹ Morenz S. Ägyptische und davidische Königstitulatur // ZÄS. Bd 79. 1954. S. 73—74; Ward W. Egyptian titles in Genesis 39—50 // A theological quarterly. Vol. 114. Dallas 4. Texas, 1957. № 457. P. 40—59.

² Morenz S. Feurige Kohlen auf den Haupt // Theologische Literaturzeitung. Bd 78. 1953. S. 187—192.

³ Vergote J. Joseph en Egypte. Louvain, 1959; Janssen J. Egyptological remarks on the story of Joseph in Genesis // Jaarbericht № 14 van het Voorasiatisch Egyptisch Genootschap, Ex Oriente Lux. Leiden, 1956. S. 63—72.

⁴ Weill R. Les transmissions littéraires d'Egypte à Israël. Le Caire, 1950; Humbert P., Recherches sur les sources égyptiennes de la littérature sapientiale d'Israël. Neuchatel, 1929.

тельственными поручениями¹. Язык этих документов изобилует варваризмами, изобличающими их авторов: всякие «измы» — хеттизмы, хурризмы и египтизмы, совершенно не свойственные аккадскому языку, определенно указывают на происхождение составителей документов².

В амарнском архиве были обнаружены тексты, служившие пособиями египтянам для обучения аккадскому языку и клинописи³, и среди них фрагменты вавилонского мифологического эпоса — «Адапа и южный ветер», «Эрешкигал и Нергал» и т. д. На них обнаружены явные следы египетских писцов, изучавших эти тексты: пунктуация красными чернилами, совершенно чуждая клинописным текстам, и т. п.⁴

Тщательный анализ клинописи и языка десяти писем из амарнского архива, посланных ко двору Эхнатона от имени правителя Тира, Абимильки, позволил В. Олбрайту установить, что эти письма были написаны, несомненно, одним и тем же писцом приблизительно между 1365—1358 гг. до н. э.

Этот писец, имя которого не сохранилось, бесспорно, египтянин. Его лексика, обороты речи и кальки с египетского, ошибки в аккадском — все это свидетельствует о том, что родным языком составителя этих десяти писем был сын египетского народа на службе у тирского правителя⁵. Вероятнее всего, это был египетский писец, прикрепленный к

---

¹ Gardiner. LEM. P. 31.

² Albright W. The Egyptian correspondence of Abimilki, prince of Tyre // JEA. Vol. 23. 1937. P. 191.

³ Knudtzon J. A. Die Ell-Amarna Tafeln. Bd II. Leipzig, 1915. S. 1357, № 345—358.

⁴ Ibid. Bd I. S. 25.

⁵ Albright W. The Egyptian correspondence of Abimilki... P. 196—203.

Абимильки по распоряжению фараона. Изучение документов архива хеттских царей, обнаруженного в Богазкёе, полностью подтверждает выводы из данных архива Тель-эль-Амарны.

Как известно, многолетняя война Рамсеса II с хеттами закончилась подписанием знаменитого мирного договора, по которому обе стороны, т. е. фараон Рамсес II и хеттский царь Хаттушил, брали на себя торжественное обязательство, гарантами которого были боги обеих стран, жить навеки в дружбе и мире. Договор этот был заключен в конце XIII в. до н. э. (приблизительно в 1280 г.). Его иероглифический текст начертан в храмах Карнака и Рамессеума и давно был известен египтологам. В 1906 г. раскопки Г. Винклера в Малой Азии обнаружили древнюю столицу хеттских царей близ Богазкёя и их клинописный архив. В этом архиве сам Г. Винклер обнаружил клинописную версию этого договора на аккадском языке, которая была опубликована лишь десять лет спустя¹. В последующие годы обе версии неоднократно публиковались и изучались. В 1920 г. египтолог А. Гардинер и ассириолог С. Лангдон опубликовали перевод и комментарий обеих версий — египетской иероглифической и клинописной аккадской. Сравнительное исследование обоих текстов подтвердило выводы прежних исследователей о том, что египетская иероглифическая версия является переводом с клинописной аккадского оригинала: на это указывают неегипетская фразеология египетской версии и другие соображения². Кто именно был переводчиком — египетские или хеттские писцы — установить

---

¹ *Figulla H. H., Weidner E. F. Keilschrifttexte aus Boghazköi. Leipzig, 1916.*

² *Langdon S., Gardiner A. The treaty of alliance between Hattusili, king of the Hittites, and pharaoh Ramses II of Egypt // JEA. Vol. 6. 1920. P. 180, 200.*

трудно. Во всяком случае налицо перевод, который свидетельствует о том, что в данном случае у одной из сторон были писцы, знавшие и египетский, и аккадский языки. Из одного клинописного документа богазкёйского архива мы узнаем очень интересные сведения: египетский «писец и врач», имя которого в клинописной транскрипции передано как *Pa-ri-a-ma-ḥi-i*, был послан из Египта ко двору царя Курунта, правившего небольшой страной в Малой Азии. Он был послан туда «варить травы». Два других египетских врача, бывших там до него, были отзваны в Египет¹. Таким образом, египетские врачи-писцы практиковали в стране хеттов. Несомненно, что их рассматривали там как ценных специалистов и перенимали у них опыт и знания.

Но вернемся к Тель-эль-Амарне. Во время раскопок Пита в Тель-эль-Амарне была найдена фрагментированная табличка, написанная ассирийской клинописью с двух сторон двумя вертикальными столбцами на каждой стороне. Так как она была найдена в руинах одного частного дома в столице Эхнатона, а столица была построена только при этом фараоне, то естественно датировать ее временем этого фараона. Чтение текста весьма затруднительно из-за повреждений. Во всяком случае в левом столбце совершенно определенно читаются написанные клинописью названия египетских количественных числительных от двух до десяти включительно. В правом столбце клинописью написаны их цифровые эквиваленты без названий. Перед нами несомненное пособие для изучения либо египетского языка для иностранца, либо клинописи для египтянина. Первое предположение подтверждается тем, что египетские писцы, знавшие клинопись, пользовались знаками вавилон-

---

¹ Edel E. Neue keilschriftliche Umrreibungen ägyptischer Namen aus den Bogazköttexten // JNES. Vol. 7. 1948. S. 15.

ского, а не ассирийского типа. Здесь знаки явно ассирийские, что говорит об ассирийском происхождении составителя таблички¹. Это пока единственный документ, в котором египетские слова написаны клинописью. Следует еще упомянуть, что на одном ушебти XIX династии слово «вода» изображено не иероглифами, а клинописью².

Как мы видели выше, три египетских писца (*hrj-hb(t)* *hrj-tp*), названные по-ассирийски *harṣibi*, упоминаются в списке ассирийских врачей, магов и жрецов из библиотеки Ассирабанипала³. Это, конечно, свидетельствует об интересе ассирийских ученых к египетским писцам. Почему эти египтяне перечислены вместе с ассирийцами, неизвестно. Может быть, они находились на ассирийской службе. Такое предположение не лишено вероятности.

С другой стороны, в египетском магическом папирусе Лейден I, относящемся ко времени XX династии, упоминается богиня *NKR*⁴, т. е. в египетской транскрипции шумерийская богиня Нингал, супруга бога луны Нанна, который в Двуречье считался покровителем писцов (343, recto, 5,5—5,6). Упоминание этой богини в египетском тексте не является случайностью: это — свидетельство интереса египет-

---

¹ Smith S., Gadd C. J. A cuneiform vocabulary of Egyptian words // JEA. Vol. 11. 1925. P. 230—239; Albright W. The new cuneiform vocabulary of Egyptian words // JEA. Vol. 12. 1926. P. 86—190.

² Legrain G. Sur un signe cunéiforme tracé sur une statuette funéraire égyptienne // ASAЕ. Vol. 9. 1908. P. 284.

³ Ranke H. Keilschriftliches Material zur altägyptischen Vokalisation. Berlin, 1910. S. 37. — Им также посвятил заметку известный ассириолог Б. Мейснер (*Meissner Br. Drei ägyptische Schreibernamen in assyrischen Transcription* // ZÄS. Bd 40. 1902—1903. S. 145—146).

⁴ Gardiner A. The godess Ningal in an Egyptian Texte // ZÄS. Bd 43. 1906. S. 97.

ских писцов к иностранным божествам, которые в их глазах были близки египетским божествам Тоту и Сешат. Вместе с тем это говорит о знакомстве египетских писцов с религиозной литературой Двуречья. Как мы видели выше, оно имело место уже во времена периода Тельль-эль-Амарны. О взаимных египетско-ассирийских интересах в области культуры свидетельствуют находки египетских и египтизированных предметов искусства в Ассирии¹.

Приведенные выше данные об изучении египтянами иностранных языков и о распространении египетского языка за пределами Египта, несмотря на немногочисленность и отрывочность, все же являются безусловно доказательными. Они говорят о культурном обмене между египтянами и другими народами, обмене, основным каналом которого были языки. Из-за ограниченности данных, которыми мы располагаем, нам иногда трудно судить о степени воздействия египетской культуры на жизнь других древних народов, так же как и о влиянии этих последних на египетское общество. Но если суммировать все, что нам известно, то преимущество будет все же на стороне Египта: египетская культура больше воздействовала на окружающие народы, чем последние на египтян. Основанием для такого мнения служит прежде всего древность египетской культуры и ее более высокий уровень, признанный, например, Чекер-Баалом в беседе с Ун-Амуном.

Установление факта языкового общения египтян с другими народами чрезвычайно важно для исследования истории древневосточных культур: если мы обнаруживаем в литературе какого-то народа явления и черты ему не свойственные, но типичные для Египта, можно с уверенностью

---

¹ King L. W. Some new examples of egyptian influence at Nineveh // JEA. Vol. 1. 1914. P. 107, 237.

рассматривать их как египетские заимствования, если даже нет возможности проследить шаг за шагом путь этого заимствования или влияния.

И, как это можно проследить на конкретных фактах, именно египетские писцы играли весьма существенную роль в распространении достижений египетской культуры за пределами Египта. Гораздо большую роль они сыграли в эпоху эллинизма, эпоху синкретизма египетской и греческой культур, чьему посвящена следующая, заключительная глава настоящего исследования.

ГЛАВА VI

ЕГИПЕТ И ГРЕКИ

В этой главе автор стремится выразить объем языкового общения между египтянами и греками, а не систематический обзор вклада египетской литературы в эллинистическую.

Необходимо установить, насколько хорошо египтяне знали греческий язык и в какой степени греки владели египетским, так как именно благодаря языковому обмену египетские культурные ценности проникли в греческую и вообще античную цивилизацию.

Характерной чертой эллинизма, сыгравшего огромную роль в истории человечества, является синкетицизм греческой культуры народов Древнего Востока.

Египетско-греческий синкетицизм начинается в саисский период истории Египта, следовательно, задолго до завоевания страны Александром Македонским в 332 г. до н. э. Поэтому целесообразно начать именно с этого периода, хотя связи Египта с эгейским миром можно проследить по археологическим данным вплоть до Древнего Царства включительно¹. Следует отметить, что египетское иероглифиче-

---

¹ *Vercoutter J. Essai sur les relations entre l'Egypte et préhellènes.*
Paris, 1954.

ское письмо оказало свое влияние на формировалось иероглифическое письмо Крита¹. О ранних связях между египтянами и греками свидетельствует также наличие египетских слов в греческом языке — факт, уже давно отмеченный египтологами.

П. Ернштедт в своем труде разделил эти слова на две группы: на ранние заимствования времени Одиссеи и Илиады и поздние заимствования.

Не входя в существо предложенных П. Ернштедтом этимологий, филологически обоснованных, отметим, что самый факт констатации двадцати семи заимствований в гомеровские времена отлично согласуется с неоднократным упоминанием Египта в Одиссее и Илиаде. Автор совершенно правильно отмечает: «Самый факт появления в данном языке слов другого языка является историческим свидетельством того, что судьбы данного народа более или менее тесно соприкасаются с судьбами другого народа. Ценность этого свидетельства тем большая, чем беднее в каком-либо данном случае прочие свидетельства по истории этого народа. Таково состояние и наших знаний о сношениях греков с египтянами в те эпохи, к которым относятся разбираемые ниже языковые заимствования»².

Однако только со времени XXVI саисской династии взаимоотношения между Египтом и греками становятся вполне доступными для исторического исследования.

При первом фараоне XXVI саисской династии Псамтике I (663—609) греки впервые в большом количестве были приняты наемниками в египетскую армию и флот. Возникли военные поселения, в частности Дафнаи (устье

---

¹ Коростовцев М. Введение в египетскую филологию. М., 1963.

² Ернштедт П. В. Египетские заимствования в греческом языке. М.; Л., 1953. С. 6.

Пелусийского рукава Нила). Вслед за военными появляются греческие купцы. Численность и влияние греков в Египте неуклонно возрастают. При фараоне Амасисе (569—525) на территории Египта первым был основан греческий город Навкратис на месте уже существовавшего небольшого поселения в западной части Дельты (устье Канопского рукава Нила). Навкратис быстро превратился в центр греческой торговли и культуры в Египте и сыграл роль посредника между Египтом, Грецией и европейскими странами. С основанием Навкратиса Египет как бы приблизился к Греции, а таким образом и к Европе¹. Вместе с тем все больше и больше переплетались политические интересы обеих стран², что также способствовало их культурному сближению.

Остановимся на некоторых фактах взаимоотношений между Афинами и Египтом до Александра Македонского³.

По-видимому, из Навкратиса была вывезена в Афины статуя писца, две мраморные копии которой были обнаружены в Акрополе (вторая половина VI в. до н. э.). Скульптуры исполнены в полуегипетском, полугреческом стиле. Они изображают сидящего писца с доской на коленях, т. е.

---

¹ Bissing Fr. Rapporti commerciali della colonia greca in Egitto, Naucratis // Atti del I congresso internazionale di preistoria et protoistoria mediterranea. Firenze, 1952; Коростовцев М. А. Древнеегипетские находки в СССР // Вестник истории мировой культуры. 1957. № 2. С. 72—85.

² Kienitz Fr. Die politische Geschichte Ägyptens von 7. bis 4. Jahrhundert vor der Zeitwende. Berlin, 1953.

³ Zuker Fr. Athen und Ägypten bis auf den Anfang der hellenistischen Zeit // Aus Antike und Orient. S. 146—164. — См. также несколько устаревшие, но очень полные для своего времени монографии (Mallet D. Les premiers établissements des grecs en Egypte. Le Caire, 1893; Mallet D. Les rapports des grecs avec l'Egypte. Le Caire, 1922).

в профессиональной позе египетских писцов в Новом Царстве. Позже найдена также и третья статуя писца, выполненная из мрамора. Это единственные скульптуры из Акрополя с явным отпечатком египетского влияния. Найдки свидетельствуют об интересе греков к египетским писцам.

Египет и египтяне становятся все более известными в Афинах и проникают в греческую литературу. В произведениях знаменитого трагика Эсхила чувствуется осведомленность об Египте. Так, он знает, что истоки Нила расположены в гористой стране, причину разливов великой реки он объясняет таянием снегов в горах¹. Греческому трагику известно существование в Египте культа Нила; египтян он называет «ходящими по болоту» (έλειοβάτοι), имея в виду, вероятно, обитателей заболоченной Дельты. Эсхил знает растение папирус; пиво как любимый напиток египтян; употребляет слово египетского происхождения βάρις (египетское *br*) для египетских судов, упоминает Мемфис и Ка-ноп, а также собственное имя Псаммис; царей Дария и Ксеркса он называет богами², говорит об огромных масштабах сооружений в Египте и т. д. С последними годами его жизни совпадает присутствие в Египте афинского флота, прибывшего туда, чтобы поддержать восстание египтянина Инара против персидского ига, о котором рассказывает Фукидид (1, 110, 1). Вернувшись на родину, участники этой военной экспедиции принесли своим соотечественникам много новых сведений о Египте. Упоминания о египтянах встречаются и в произведениях Еврипида, Аристофана и др.

---

¹ Объяснение неверное, но все-таки приближающееся к действительности.

² Однако это могло быть обусловлено не только египетским влиянием, но и возвретиями греков на царскую власть у персов.

В «Носильщиках» Гермиппа (426 или 425 г. до н. э.) в качестве товара, импортируемого из Египта в Афины, названы папирусные свитки (*βιβλοι*), задолго до того уже известные афинянам.

Во второй половине V в. египетские купцы, пользуясь поддержкой влиятельного афинянина Ликурга Бутадеса, построили в Афинах храм Исиды¹.

Весьма показательно, что в греческом литературном языке появляется новый глагол *αἰγυπτιάζειν*, имеющий два значения: «разглагольствовать о Египте», «говорить по-египетски»². В греческий язык проникают египетские слова³ и т. д. Словом, между Египтом и греками устанавливаются прочные отношения. В Греции растет интерес к Древнему Египту. Греческая литература утверждает, что страну пирамид посетили выдающиеся греки — Солон, Фалес, Пифагор, Гекатей Милетский, Геланик, Платон, Евдоксий Книдский, Демокрит Абдерский, Аристагор Милетский и др.

Вряд ли есть основание сомневаться в правдивости этих сообщений⁴. Например, пребывание в Египте Платона⁵, Евдоксия Книдского⁶ и других несомненно.

---

¹ О культе египетских божеств в разных странах Средиземного моря существует обширная литература.

² Дворецкий И. Х. Древнегреческо-русский словарь. М., 1958. Т. 1. С. 47.

³ Ернштедт П. В. Египетские заимствования в греческом языке. С. 91—132.

⁴ Mallet D. Les premiers établissements... Р. 365; Mallet D. Les rapports... Р. 25—26, 125—144.

⁵ Svoboda K. Platon et l'Egypte // Ar. Or. 1952. Vol. 20. Р. 28—38; Von der Steinen. Plato in Egypt // Bulletin of the faculty of arts Fouad I University. Cairo. Vol. 13. 1951. Pt. I. Р. 102—107; Bruins E. M. Platon et la table égyptienne 2/n // Janus. Leiden. Vol. 46. 1957. Р. 252—263.

⁶ Bissing Fr. Eudoxos von Knidos' Aufenthalt in Ägypten und seine Übertragung ägyptischer Tiersfabeln // FuF. Bd 25. 1949. S. 225—230.

Литературная традиция наделила описание их путешествий разными вымыслами. Так, если путешествие Солона в Навкратис не вызывает сомнений, то рассказ Платона о его беседах с египетскими жрецами в Саисе, поведавшими ему предание об Атлантиде, вряд ли достоверен, как это отметил Т. Хёффнер¹.

Знакомство с Египтом, как видно из произведений авторов, побывавших в этой стране, произвело на них сильное впечатление.

С 332 гг. до н. э., когда Александр Македонский превратил Египет в часть своей империи, на территории самого Египта очень усилилось греко-египетское общение и еще более возрос интерес к стране за ее пределами, особенно в Греции и Риме.

Доказательством является поток греческих, а потом и римских путешественников, посетивших страну и оставивших свои имена на разных памятниках точно так же, как поступают современные туристы. Их маршрут был приблизительно таким, как и в наше время — начиная от Александрии вверх по Нилу до Фив².

То, что античные авторы написали о Египте, представляет для науки большую ценность, и пренебрегать этим при изучении поздних периодов истории Египта нельзя. Иногда авторы были хорошо осведомлены о разных сторонах египетской жизни. Все написанное ими о египетском письме (по крайней мере дошедшие до нас источники) бесспорно свидетельствуют, что античные авторы имели об этом весьма смутные и неопределенные представления. В этом легко убедиться, просмотрев все написанное о письме древних

---

¹ Zucker Fr. Athen und Ägypten... S. 148; Höpfner Th. Plutarch über Isis und Osiris. 1941. Bd III. S. 85 ff. [Во всяком случае, «нет дыма без огня»; см.: Резанов И. А. Великие катастрофы в истории Земли. М.: Наука, 1980. С. 133—145. — А. Ч.]

² Milne J. Greek and Roman tourists in Egypt // JEA. Vol. 3. 1916. P. 76—80.

египтян нижеперечисленными авторами: Геродот, Платон¹, Цицерон, Диодор, Гигин, Страбон, Апулей, Дион Христосом, Иосиф Флавий, Лукан, Филон, Плиний Старший, Плутарх, Помпоний Мела, Тацит, Дион Кассий, Лукиан, Теон из Смирны, Диоген Лаэрций, Плотин, Порфирий, Аммиан Марцеллин, Гелиодор, Ямблик, Требеллий Поллио, Сервий, Макробий, Марциан Капелла, Викторин, Аудакс, Гелий². Для всех них египетское письмо было книгой за семью печатями.

О египетском языке вообще ничего не написано. Несколько правильных толкований египетских слов мы находим у Плутарха³, но это ни в каком отношении не может рассматриваться как знакомство с египетским языком. Несколько лучше был информирован известный церковный деятель и писатель Климент Александрийский⁴. Однако и его сведения не могут быть оценены как результат серьезного знакомства с египетской письменностью.

Лучше всего осведомлен был Херемон, автор написанного на греческом языке произведения, озаглавленного «Иероглифика» и дошедшего до нас во фрагментированном виде⁵. Об авторе нам ничего неизвестно, но можно

---

¹ Eisler R. Platon und das ägyptische Alphabet // Archiv für Philosophie. Stuttgart. Bd 27. 1922. Hft 1—2. S. 1—13.

² Соответствующие выдержки из произведений этих писателей с переводами см.: Marestaing P. Les écritures égyptiennes et l'antiquité classique. Paris, 1913.

³ Sauneron S. Plutarque: Isis et Osiris // BIFAO. Vol. 51. 1952. P. 49—51.

⁴ Marestaing P. Le passage de Clément d'Alexandrie relatifs aux écritures égyptiennes // RT. Vol. 33. 1911. P. 8—17; Vergote J. Clément d'Alexandrie et l'écriture égyptienne, essai d'interprétation de Stromates V (4, 20—21) // CdE. Vol. 16. 1941. P. 21—39; Drioton E. ΤΑ ΠΡΩΤΑ ΣΤΟΧΕΙΑ // ASAE. Vol. 42. 1943. P. 169—176.

⁵ Sotthas H., Drioton E. Introduction à l'étude des hiéroglyphes. Paris, 1922. P. 75.

допустить, что это один из тех нескольких египетских жрецов, которые носили имя Херемон и жили в I в. до н. э. Из перечня иероглифических знаков и приводимых им значений их видно, что они правильны.

Таким образом, из этих перечисленных авторов один лишь Херемон знал что-то определенное. Его осведомленность объясняется греческим положением *.

Из изложенных выше фактов можно сделать определенный вывод: египетское письмо и язык были совершенно чужды неегипетским грекам. Однако те из античных авторов, которые побывали в Египте, общались с местным населением и, конечно, только на греческом языке. Следовательно, греко-египетское двуязычие сложилось и развились только на территории самого Египта. На истоки этого двуязычия указывает Геродот II (154): он сообщает, что Псамтик I одарил земельными угодьями ионийцев и карийцев, которые служили ему, и что фараон выполнил все, что им обещал, и даже доверил им воспитание и обучение египетских детей греческому языку. Эти дети, овладевшие языком эллинов, стали первыми переводчиками греческого языка в Египте, и от них и произошли те переводчики, которые были уже современниками Геродота. Это сообщение Геродота вполне заслуживает доверия.

---

* Если при исследовании царских списков Манефона возникает сильное подозрение, что он темнит, умышленно путая систему их передачи, то о Херемоне можно сказать лишь, что они были в той или иной степени откровенны с неегиптянами по происхождению и вере. А поэтому и не считали необходимым делиться с ними всерьез, пичкая иноземцев и их потомков разными байками то по египетской истории, то еще по чему-нибудь, а что касается письма, то предпочитали вообще не распространяться на эту тему с чужеземцами, дабы те не получили ключ к египетским святыням. По мере того как процесс конвергенции набирал силу (то, что именуется как «синкремизм» и «эллинизация»), египетское жречество определенно пошло навстречу иноземцам, правда, став ниже «по качеству». — А. Ч.

Некоторые факты дают повод полагать, что египетское влияние на духовную жизнь греков сказывалось задолго до времени Александра. Только так можно объяснить изображение на греческом скарабее VI в. до н. э., которое говорит о знакомстве греков с содержанием известной сказки о потерпевшем кораблекрушение¹.

Об этом же свидетельствует и сопоставление египетских текстов, в которых действующими лицами являются животные, в частности египетские басни о льве и мыши², с греческой батромиомахией, авторство которой греки приписывали Гомеру. Здесь весьма возможно египетское влияние, хотя возникновение батромиомахии относится к VI в. до н. э., когда отношения греков и египтян только налаживались³.

В более позднее время египетскими баснями интересовался Евдоксий Книдский, который около 360 г. до н. э. посетил Египет и якобы изучил египетский язык у мемфисского жреца Хонуфиса, а затем перевел на греческий язык не дошедшие до нас «Речи собак»⁴.

После того как Египет вошел в империю Александра Македонского, да еще после прихода к власти династии Птолемеев неизбежно должно было усиливаться египетско-

---

¹ Максимова М. Сказки о потерпевшем кораблекрушение и греческий скарабей VI века // Сборник статей в честь С. А. Жебелева. Л., 1926. С. 98—107.

² Spiegelberg W. Der ägyptische Papyrus vom Sonnenauge (Der Papyrus der Tierfabeln «Kufi» nach dem leidener demotischen Papyrus, I, 384). Strassburg, 1917.

³ Morenz S. Ägyptische Tierkriege und die Batramyomachie // Festschrift zu dem 60 Geburtstag von Bernhard Schweitzer. Stuttgart, 1954. S. 87—94; Brunner-Traut E. Der Katzenmäusekrieg im Alten und Neuen Orient // ZDMG. Bd 104. NF 29. 1954. S. 347—351.

⁴ Bissing Fr. Eudoxos von Knidos' Aufenthalt in Ägypten... // FuF. Bd 25. 1949. S. 225—230.

греческое двуязычие в стране. «Как и все государи Востока на протяжении всех веков, Лагиды также имели своих драгоманов, способных переводить на греческий язык речи египтян...»¹. Переводчики ἑρμενεῖς состояли также и при судах, так как основная масса египетского населения не знала греческого языка.

До нас дошло несколько греческих переводов египетских (демотических) деловых документов. Два из них имеют стереотипное, почти тождественное начало: 'Αντίγραφ[ον συ]νγραφῆς Αἰγυπτίας μεθορμηνευμένης κατὰ δύναμιν] «копия записи египетской, переведенной по возможности» (P. London, III); [Αντίγραφον συνγραφῆς με]θηρμηνευμένης ἐλλινιστὶ κατὰ τὸ δύνατόν «Копия записи, переведен(ной) на греческий) по возможности» (папирус Лейден)².

Так же начинается, как увидим ниже, и одна из версий художественного произведения, известного в науке под названием «Пророчество горшечника». Самый факт существования формулы, которой начинались многие греческие переводы египетских текстов, очень показателен: она могла стать стандартной (как и египетские колофоны) только в результате массовых переводов с египетского на греческий.

Как увидим ниже, носителями греко-египетского двуязычия были и египтяне, и греки, жившие в Египте.

В греческом папирусе Лондон I (II в. до н. э.), содержащем письмо матери-гречанки к своему сыну, мать поощряет его изучать демотическое письмо (Αἰγυπτία γράμματα), с тем чтобы он стал учителем, в семье врача-египтянина, где,

---

¹ Cumont Fr. L'Egypte des astrologues. Bruxelles, 1937. P. 46. N. 3; Preisigke Fr. Wörterbuch der griechischen Papyrusurkunden. Bd I—II. 1925, 1927. S. 599.

² Mitteis L., Wilcken U. Grundzüge und Chrestomatie der Papyruskunde. Bd II. 2-te Hälfte. Leipzig, 1912. S. 144. Sp. 1, 1—2.

очевидно, ему предстояло обучать детей не египетскому, а греческому языку¹.

Из папируса Тебтюнис II, 291 (II в. н. э.) мы узнаем, что некто *Μαρσιοῦχος*, кандидат в жрецы, должен был пройти испытание, показав перед специальной комиссией свое знание «священного и египетского письма» (т. е. письма иерогlyphического и демотического), для чего его заставляли читать священную книгу². Это говорит о необходимости знания жрецами египетского языка и письма и в свою очередь свидетельствует о том, что храмы были оплотами египетской культуры в стране, где неуклонно возрастало греческое влияние.

В греческом папирусе Лувр № 2364 содержится жалоба Аполлония (II в. н. э.) на сыновей некоего Теебесия, с которыми у него был конфликт из-за имущества. Плохой греческий язык этого документа указывает на то, что это не был родной язык Аполлония. Несколько исследователей, изучавших этот документ, — У. Вилькен, Э. Ревилью, Х. Вейль, Н. Рейх, — все признают, что Аполлоний знал египетский и говорил на нем. Но У. Вилькен считает, что Аполлоний демотического письма не знал и что в мемфисском Сарапеуме, с которым был связан Аполлоний, интересовались не только греческой, но и египетской литературой³. Остальные ученые придерживаются другого мнения⁴.

К III в. до н. э. относится очень интересное письмо, написанное неким Птолемеем какому-то Ахиллу. Если судить

---

¹ *Mitteis L., Wilcken U.* Grundzüge und Chrestomatie der Papyruskunde. Bd I. 2-te Hälfte. Berlin, 1912. S. 162.

² *Ibid.*

³ *Wilcken U.* Urkunden der Ptolemäerzeit. Leipzig, 1927. Bd I. S. 116.

⁴ *Reich N.* The τεεβήσιοξίοι and their quarrel with Apollonius. Mizraim, 1933. Vol. I. P. 147—177.

по именам, то Птолемей мог быть и греком, и египтянином. что касается Ахилла, то он вероятнее всего был греком. Птолемей сообщает Ахиллу, что хочет рассказать ему о своем сновидении. Начало письма написано по-гречески, продолжение — на демотическом языке. Совершенно очевидно, что оба лица владели и этим языком¹.

Особенно наглядным выражением греко-египетского двуязычия служат трилингвы птолемеевского времени, декреты, написанные по-среднеегипетски иероглифическим письмом, демотическим письмом и по-гречески. Эти тексты были составлены египетскими жрецами².

Свидетельством того, что одно лицо за пределами Египта знало египетский язык, является пример с Гермапионом, который жил во времена Октавиана Августа. О нем рассказывает Аммиан Марцеллин XVII (4, 18—23) следующее: Гермапион написал не дошедшую до нас работу об иероглифических надписях на одном из обелисков, вывезенных из Египта в Рим. Аммиан Марцеллин приводит образцы его переводов трех строк на южной стороне, трех на западной и одной на восточной. Из приведенных примеров видно, что это была титулатура Сети I и Рамсеса II и что это не буквальные переводы, а скорее их пересказ. Имя Гермапион, однако, не египетское: оно ни разу не встречается в греческих текстах, найденных в Египте, и его этимология указывает на Малую Азию³. О личности этого Герма-

---

¹ Mitteis L., Wilcken U. Grundzüge und Chrestomatie der Papyruskunde. Bd I. 2-te Hälfte. Berlin, 1912. S. 73—75.

² Spiegelberg W. Das Verhältniss der griechischen und ägyptischen Texte in den zweisprachigen Dekreten von Rosette und Kanopus. Berlin, 1922.

³ Erman A. Die Obeliskenübersetzung des Hermapion // SPAW. 1914. S. 245—273; Plaumann, «Hermapion, — Pauly — Wissowa, Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft». Supplementband III. Stuttgart, 1918. S. 1124; Müller W. M. Zu Obeliskenübersetzung des Hermapion // OLZ. 1914. S. 353.

пиона мы ровно ничего не знаем, но вряд ли можно сомневаться в том, что он долго прожил в Египте.

Далее мы остановимся только на той литературе на греческом языке, которая появилась в Египте в эпоху эллинизма и которая частично состоит из пересказов и обработок египетских литературных текстов для греков, частично из греческих переводов египетских оригиналов.

Вероятно, эта литература была очень обширна, но до нас дошли только ее остатки. Перечислим здесь наиболее известные.

1. «Пророчество горшечника». Это произведение дошло до нас в трех фрагментированных версиях на греческом языке¹.

Папирус венской коллекции Райнера (конец III в. н. э.) прямо говорит, что текст является греческим переводом: 'Απολογία κεραμέως μεθηρμηνευμένη πρός] Ἀμενῶπιν βασιλέα κατὰ τὸ [δύνατὸν περὶ τῶν τῇ Αἴγυπτῳ μελλόντων «Апология горшечника перед царем Аменофисом о будущем Египта, переведенная по мере возможности». Впервые подлинное значение текста определил У. Вилькен, который отметил, что содержание его чисто египетское². Горшечник предсказывает своей родине всякие беды в стиле Ипусера и Нефертти, беды в жизни природы и общества.

Из бедственного положения страну спасет благотельный царь, «город у моря» (Александрия) будет покинут, возродится слава древнего Мемфиса и т. д.

---

¹ Первые две версии — из коллекции Райнера и из коллекции Графа — были опубликованы в кн.: *Manteuffel G. De opusculis graecis Aegypte. Warszawa, 1930.*

² *Wilcken U. Zur ägyptisch-hellenistischen Literatur // Aegyptica. Festschrift für Georg Ebers. Leipzig, 1897. S. 147; Reitzenstein R. Ein Stück hellenistischen Kleinliteratur // Nachrichten der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen. 1904. S. 309—332; Тураев Б. Египетская литература. М., 1920. С. 273—274; Struve W. Zur Töpferorakel // Aegyptus. Bd 3. 1925. Р. 273—281.*

Сделав столь роковое предсказание, горшечник внезапно умирает. Он с почетом погребен царем, слушавшим его пророчество.

Несколько лет назад был опубликован папирус 2332 из Оксинириха, явившийся третьей версией и датируемый 284 г. н. э.¹ Эта версия отличается от предшествующих, свидетельствуя о том, что это не точные переводы, а переложение или пересказ. Однако своим содержанием и антигреческой направленностью этот папирус подтверждает вывод У. Вилькена и других ученых, что оригиналом этого греческого произведения был чисто египетский текст. Кто был переводчиком — египтянин или грек, неизвестно.

2. «Греческая легенда о египетской богине Тефнунт» содержится в папирусе Британского музея 274 и относится, вероятно, к концу времени Птолемеев.

Впервые она издана с переводом и комментарием Р. Рейтценштейном, который неоднократно подчеркивает, что переводчиком был грек, ибо перевод адаптирован для греческого читателя². Содержанием текста является египетский миф, ставший сюжетом развлекательного произведения, повествующего о богине Тефнунт. Оригиналом, по-видимому, был демотический текст³.

3. Оксиринхский папирус 1380⁴ содержит молитвы к богине Исиде. Текст написан на стороне recto. По палеографическим данным, он относится ко времени императоров

---

¹ *Lobel E., Roberts C. H. The Oxyrhynchus papyri*, pt XXII. London, 1954. P. 89 ff.

² *Reitzenstein R. Die griechische Tefnutlegende* // *Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften. Phil.-Hist. Kl.* 1923. № 2. S. 25—28.

³ *Spiegelberg W. Der ägyptische Mythus vom Sonnenauge nach dem leidener demotischen Papyrus I* 384. Strassburg, 1917.

⁴ *Grenfell B., Hunt A. The Oxyrhynchus papyri*, pt XI. London, 1915. P. 190—191.

Траяна или Адриана, следовательно, к концу I в. или началу II в. н. э. Эти молитвы, по сути дела, являются гимном чисто египетского стиля, в котором перечисляются эпитеты богини, места ее культа и приводятся сопоставления ее с разными богинями греческого пантеона.

Автором был, по-видимому, жрец Исиды из храма этой богини в Оксиринхе или Мемфисе¹. Судя по стилю текста и по преобладанию греческих моментов, вероятнее всего, что он был грек, «усвоивший себе приемы египетской богослужебной поэзии и этим открывший им распространение в эллинистических гностических и христианских сферах»².

4. *Оксиринхский папирус 1381*³. По принятой нумерации так обозначается текст, написанный на стороне *verso* предшествующего папируса и палеографически датируемый временем Антонина (II в. н. э.). Начало текста отсутствует, но дошедшее до нас изложение последовательно и понятно. Оно ведется от лица составителя, имя которого осталось неизвестным. Содержание этого текста чрезвычайно интересно.

Фараон Нектанеб огорчен упадком культа Имхотепа. Из храма этого бога фараону доставляют свиток папируса с текстом, составленным самим богом врачевания. Автор папируса 1381 решил перевести это божественное писание на

---

¹ Ibid. P. 195.

² Тураев Б. Египетская литература. М., 1920. С. 276. — Полный перевод текста на русский язык дан А. Захаровым (Ученые записки Института истории РАНИОН. М., 1929. Т. 3. С. 102—106); см также: Захаров А. Эллинистические молитвы к Исиде // Сборник египтологического кружка при Ленинградском государственном университете. 1930. № 4. С. 7—14.

³ Grenfell B., Hunt A. The Oxyrhynchus papyri, pt XI. P. 221 ff; Barns J. W. B. Egypt and the Greek Romance // Akten des VIII Internationalen Kongresses für Papyrologie. Wien, 1956. S. 29—36.

греческий язык, но почувствовал себя совершенно неподготовленным к выполнению столь ответственного начинания, «ибо только боги, но не смертные, в состоянии описать чудеса богов». Поэтому автор не сделал этот перевод и тем самым нарушил обет, данный им ранее Имхотепу. Тремя годами позже автор заболел, и однажды ночью к нему и его матери явился бог, после чего он выздоровел. Вскоре после этого он узнал от одного жреца, что Имхотеп недоволен тем, что данный ему обет еще не выполнен. Наш неизвестный автор понял, что бог говорил жрецу про него, и в конце концов завершил перевод египетского текста на греческий язык.

Таким образом, папирус 1381 является как бы предисловием к переводу египетского текста. К сожалению, та часть папируса, которая содержала этот перевод, утеряна. Что именно представлял собой этот текст, мы не знаем, но, вероятно, он был медицинского содержания. Очень интересно заявление автора, что им написана еще одна правдивая книга о мироздании. По-видимому, это была какая-то египетская космогония. Вместе с тем он говорит, что перевод не являлся дословным: он пополнял пропущенное, сокращал лишнее, а высокопарные места излагал простым языком. «Поэтому, господь, я заявляю: книга закончена по милости твоей, а не по моим замыслам, ибо твоей божественности соответствует такое писание. Как к нашедшему это (письмене), величайший из богов, Асклепий, учитель, к тебе будет изъявление всеобщей благодарности. Но всякие посвящения и жертвенные дары процветают только в настоящее время и исчезают в будущем. Написанное же есть неувядаемая благодарность, которая останется навсегда новой в памяти. Весь мир греческого языка будет рассказывать твою историю, и каждый грек будет славословить Имутеса, сына Пта». Эти слова свидетельствуют о том, что автор

принадлежал к обеим культурам — египетской и греческой. Они также проливают свет на отношение двух греческих текстов к своим оригиналам, которые не столько буквальные переводы, сколько пересказы, приспособленные для греческого читателя.

Бросается в глаза пропагандистская направленность перевода: совершенно ясно, что он сделан для прославления силы и величия египетского бога Имхотепа, сына Пта, среди греков.

Наконец, слова о бренности всяких посвящений и жертвенных даров и о вечности «написанного» невольно напоминают идеи, задолго до того высказанные в папирусе Честер-Битти IV. Создается даже впечатление, что автор греческого папируса 1381 мог знать их.

Судя по несовершенному греческому языку документа, составитель его не мог быть греком, следовательно, он был египтянином¹.

5. *Папирус Лейден U* относится ко II в. до н. э. Содержит начало пересказа египетской сказки о фараоне Нектанебе². На 16-м году своего царствования этому царю захотелось увидеть вещий сон, и он помолился об этом богам Мемфиса. Боги снизошли к молитве царя и послали ему сновидение, в котором он увидел себя на борту судна, где находилась сама богиня Исида в окружении других богов. Нектанеб увидел, что бог Онурий, греческий Арей, жаловался великой богине на то, что храм в Севенните не достроен по чьей-то вине. Проснувшись, царь понял, что бог чем-то недоволен, а затем узнал, что хотя храм и построен, но там нет иероглифических текстов. Царь вызвал к себе луч-

---

¹ Leipoldt J. Von Übersetzungen und Übersetzern // Aus Antike und Orient. S. 63.

² Maspero G. Contes populaires de l'Egypte ancienne. 4-е ed. P. 254—258; Тураев Б. Египетская литература. С. 273.

ших писцов-резчиков и спросил, как скоро может кто-либо из них сделать требуемое богом. Один из них, по имени Петеисэ из Афродитополя, берется все сделать в течение ста дней и отправляется вместе с царем в Севеннит, к месту работы. Гуляя близ храма, Петеисэ встречает незнакомую красавицу. На этом текст обрывается. Египетские слова в тексте и другие моменты определенно указывают на египетский оригинал.

Эти, хотя и немногочисленные, данные безусловно доказательны: египетские литературные тексты непосредственно переводились (адаптированные переводы) на греческий язык или же пересказывались по-гречески. Таким образом, мы видим непосредственное воздействие египетской литературы на греческую¹. Несомненно также, что немало из египетской литературы проникло в греческую и разными другими путями. «Из различных родов словесности особенно много говорили о роли египетских сказок в мировой литературе. Факт из наибольшей древности бесспорен, и распространение путем устной передачи не вызывает сомнений»². Именно поэтому многие произведения античной литературы, преимущественно эллинистической эпохи, содержат явные и неявные элементы египетского происхождения, которые проникли даже в литературу христианской церкви, в частности в апокрифические послания апостолов Петра, Андрея и Фомы³.

---

¹ К этого рода текстам в какой-то степени примыкает и греческий остракон III в. до н. э., найденный в Фивах и опубликованный У. Вилькеном (Wilcken U. Zur ägyptisch-hellenistischen Literatur. S. 147). Он содержит «Поучения Аменота» (т. е. Аменхотепа). Однако это чисто греческий по содержанию текст — частично «изречения семи мудрецов», вложенные в уста египтянина, который, судя по его имени, Аменхотеп сын Хану, времен XVIII династии.

² Тураев Б. Египетская литература. С. 273.

³ Reitzenstein R. Die hellenistische Wundererzählungen. Leipzig, 1906. S. 14—18, 104—117, 130—145.

Изучение произведений античных авторов все больше убеждает в том, что многие античные авторы, совершенно не знавшие египетского языка, находились, тем не менее, под влиянием египетской литературы. Например, сочинение Плутарха об Исиде и Осирисе, несомненно, написано по египетским материалам (философская интерпретация мифа принадлежит самому Плутарху). Отголоски этого мифа мы находим также, например, у Сенеки¹. У того же Сенеки, в его произведении «Вопросы природы» (*Naturales Quæstiones*, III, 12, 2), содержится намек на египетскую ермопольскую огдоаду богов². Встречающееся у древних авторов представление об «островах блаженных» *νήσοι μακάρων* восходит к египетским представлениям о загробном мире, «к полям Иалу»³ и т. д.

Очень любопытно, что в восхвалении римского полководца Стилихона, написанном латинским поэтом Клавдианом, жившим во второй половине IV в. н. э. (*Eloge de Stilichon*, 11, 424—436), содержатся совершенно явные египетские религиозные и мифологические представления, что уже неоднократно отмечалось учеными⁴.

Наконец, надо указать и на отмеченную исследователями связь между египетской и античной любовной лирикой. Конечно, следует иметь в виду, что подобные общечеловеческие мотивы закономерно возникают и развиваются вполне самостоятельно в литературе каждого народа. Но в данном случае на наличие египетского влияния указывают фак-

---

¹ *Levy I. La légende d'Osiris et Isis chez Sénèque // Latomus. Bruxelles, 1951. Vol. 10. P. 147—162.*

² *Donadoni S. A propositio di un passo di Seneca // Rivista di storia della philosophia. Milano, 1949. Vol. 4. P. 47—49.*

³ *Griffiths G. In search of the isles of the blest // Greece and Rome. Oxford, 1947. Vol. 16. P. 122—126.*

⁴ *Derchain Ph. A propos de Claudien, Eloge de Stilichon II, 424—436 // ZÄS. Bd 81. 1956. S. 4—6.*

ты, которые нельзя воспринять иначе как заимствование или результат прямого или косвенного влияния. Так называемый параклауситирон, т. е. любовная песня у закрытых дверей любимой, считался исключительно творчеством античной литературы, причем нередко дверь трактуется как самостоятельное живое существо (Плавт, Катулл, Проперций). Однако задолго до этого мы находим и параклауситирон, и трактовку двери как живого существа в египетской лирике — в папирусе Честер-Битти I (recto, 17, 7—13). Следует также напомнить, что в египетской заупокойной литературе двери и ворота выступают как одушевленные существа. На египетское происхождение этого мотива указывает наличие в арабском фольклоре в Верхнем Египте любовной песни такого же типа, песни, которая могла быть заимствована через коптов из египетской древности, но никак не из римской литературы¹. В своей совокупности все это говорит о совершенно несомненном воздействии — прямом и косвенном — египетской литературы и представлений египтян на античную литературу.

В связи с этим возникает вопрос: не было ли влияния античной литературы на египетскую? Начиная с В. Шпигельберга, который опубликовал критическое издание текста, все ученые, занимавшиеся исследованием цикла демотических сказаний о фараоне Петубасте, допускали наличие греческого влияния, в частности Илиады².

В своем издании египетских литературных произведений Г. Рёдер подчеркивает, что между Илиадой и египетскими преданиями о Петубасте много общего, к тому же египетской литературе несвойственного. Взаимоотношения

---

¹ Hermann A. Beiträge zur Erklärung der ägyptischen Liebesdichtung // Ägyptologische Studien. S. 134—139.

² Spiegelberg W. Der Sagenkreis des Königs Petubastis. Leipzig, 1910.

богов и героев очень напоминают те, которые описаны в Илиаде¹. Наличие списка разных судов напоминает их «каталог» у Гомера и т. д.²

Такой серьезный исследователь, как А. Вольтен, также считает, что в этом сказании много неегипетских элементов, и вместе с тем он подчеркивает, что эпический характер этого произведения не должен рассматриваться как проявление иноземного влияния, ибо эпос существовал у египтян много раньше. В конечном итоге он допускает, что египтянам было знакомо содержание Илиады еще в VII в. до н. э.³ С большим скептицизмом к греческому влиянию на цикл Петубаста отнесся акад. В. В. Струве⁴.

Если, как полагают А. Вольтен и другие исследователи, египтяне в VII в. до н. э., когда складывался цикл сказаний о Петубасте, действительно знали содержание Илиады и использовали его для своих целей, то это лишнее свидетельство серьезного знания египтянами греческого языка в те времена.

В демотической сказке о Сатни-Хаэмусе (I в. н. э.) описание загробных мучений очень похоже на греческие представления о муках Тантала в преисподней: по-видимому, она появилась под влиянием греческой литературы⁵.

---

¹ Roeder G. Altägyptische Erzählungen und Märchen. Jena, 1927. S. 337.

² Schwartz J. Le cycle de Petoubastis et les commentaires égyptiens de l'exode // BIFAO. Vol. 49. 1949. P. 69.

³ Volten A. Der demotische Petubastisroman und seine Beziehung zur griechischen Literatur // Akten des VIII Internationalen Kongress für Papyrologie. Wien, 1956. S. 149—151; Струве В. Эпос Гомера и круг сказаний о царе Петубастисе // Язык и литература. Л., 1929. Т. IV. С. 111—122.

⁴ Струве В. Эпос Гомера и круг сказаний о царе Петубастисе // Язык и литература. Л., 1929. Т. IV. С. 112.

⁵ Morenz S. Die ägyptische Literatur und die Umwelt // Ägyptologie. S. 203.

В целом именно египетская литература была влияющей стороной, а греческая — воспринимающей. И это обстоятельство имело последствия. Еврейская и греческая литературы не смогли бы стать тем, чем они были, без воздействия на них египетской литературы¹.

Через греческую литературу и Библию египетские сюжеты проникли даже в литературу средневековой Европы: египетские мотивы известной песни арфиста обнаружены в средневековой поэзии так называемых гoliardистов² — иначе вагантов (бродячих клириков), нередко воспевавших эпикурейский образ жизни. Конечно, в данном случае посредником была именно Библия.

В заключение отметим, что египетские мотивы проникли через античную литературу в фольклор и литературу европейских народов и до сих пор бытуют в них³.

Остановимся теперь на нескольких фактах, свидетельствующих о влиянии египетской религиозной литературы (включая сюда и литературу заупокойную) на религиозные воззрения античного мира.

---

¹ Peet E. A comparative study of the literatures of Egypt, Palestine and Mesopotamia. London, 1931. P. 185—186.

² Stracmans M. Un thème égyptien dans un poème goliardique du Moyen Age chrétien // BSAC. 1956. № 21. P. 43—47.

³ Lefevre G. Bata et Ivan // CdE. Vol. 25. 1950. P. 17—26; Cramer M. Trauergewandung und Totenklagen in Nordwesteuropa und ihre Parallelen in Orient // Rheinisch-westfälische Zeitschrift für Volkskunde. Bonn, 1956. Bd 3. S. 1—20; Komorzynski E. Emanuel Schikander, Ein Beitrag zur Geschichte des deutschen Theaters. Wien, 1951; Morenz S. Die Zauberflöte im Lichte des Altertumswissenschaft // FuF. Bd 21/33. 1947. S. 232—234; Morenz S. Die Zauberflöte. Eine Studie zur Lebenszusammenhang Ägyptens // Antike-Abendland. Münster-Köln, 1952; Griffiths G. Shelly's «Ozymandias» and Diodorus Siculus // The modern language review. Cambridge, 1948. Vol. 43. P. 80—84.

Как известно, куль^т египетских божеств, в частности Иси^{ды}, в эпоху эллинизма широко распространился в некоторых средиземноморских странах, в частности, в материко-вой Греции и в греческом архипелаге. На острове Делосе была найдена надпись, относящаяся ко II в. до н. э., в которой повествуется о «чуде», якобы там произошедшем. Египетский жрец Аполлоний, внук другого Аполлония, прибывшего из Египта на Делос за много лет до этого, видел во сне откровение бога Сараписа, объявившего о своем желании иметь храм в определенном месте. Аполлоний построил небольшой храм в честь бога в указанном месте, из-за чего вступил в конфликт с владельцами этого участка. И вот, когда противники Аполлония собирались обвинить его, сам Сарапис лишил их речи¹. Значение этой надписи заключается в том, что она представляет собой пропаганду египетской религии среди греков. Вспомним упомянутый выше оксириинхский папирус 1381, в котором говорится о величии Асклепия-Имхотепа.

Заупокойная литература египтян, и в первую очередь «Книга мертвых», была знакома грекам в эллинистическое время и даже до него; изображение одной из фресок «Книги мертвых» обнаружено в росписях на греческих вазах из Кирены. Апулей в «Метаморфозах» (XI, 22) говорит о священных книгах, употреблявшихся в связи с культом Иси^{ды} в Коринфе в эллинистические времена: письмо, которым они написаны, состоит из знаков, изображающих разных животных, и т. п. Ясно, что Апулей говорит о египетских иероглифических текстах. Известно, что, хотя «Книга мертвых» и была переведена на демотический язык, в очень

---

¹ Picard J. Le miracle de Serapis-Isis à Délos // Revue Archéologique. 6-me série. Paris, 1953. Vol. 41. P. 93—95.

поздние времена существовали и иероглифические ее варианты¹.

Египетские религиозные представления были широко распространены в древности в некоторых европейских странах, подвергшихся влиянию античной культуры, и в конце концов проникли и в христианство. Можно отметить три канала этого проникновения: так называемый библейский Ветхий Завет; кульп Исиды и других египетских божеств в эллинистических обществах; заимствования христианами-коптами из древних египетских представлений². Египетских элементов в христианстве очень много, и невозможно их все здесь рассматривать. Назовем, например, образ архангела Михаила, в котором мы находим явные черты египетского бога Тота³.

Весьма интересно проникновение в христианство египетских представлений о могуществе слова божества, особенно отчетливо выраженное в тексте, известном науке под названием «Памятника мемфисской теологии»⁴. Этот текст дошел до нас в копии времен XXV династии, которая была сделана с древней рукописи, разъеденной червями, по приказу фараона Шабаки. Этот текст замечателен тем, что слово божества является в нем творческой силой, создавшей мир. Не говоря уже о том, что мы находим полную аналогию этому в главе I библейской «Книги Бытия», в которой описывается, как бог создавал землю посредством своих

---

¹ Morenz S. Ägypten und die altorphische Kosmogonie // Aus Antike und Orient. S. 69—70.

² Lanczkowsky G. Beeinflussung des Christentums durch ägyptische Vorstellungen // Zeitschrift für Religions und Geistgeschichte. Bd 8. Köln, 1956. S. 14—32.

³ Lanczkowsky G. Thot und Michael // MDAIK. Bd 14. 1956. S. 117—127.

⁴ Junker H. Die Götterlehre von Memphis. Berlin, 1939.

изречений, учение о Логосе (*λόγος* «слово», «речь») как органе творения и откровения, мы находим у философа Фи-лона Александрийского (I в. н. э.)¹. Мы не собираемся утверждать, что все мировоззрение этого философа заим-ствовано из египетских представлений. Этот еврейский мыс-литер пытался объединить философские воззрения греков и откровения библейского Ветхого Завета, широко используя и то и другое. Однако представление о Логосе как о творческой силе в мироздании настолько близко к египет-скому, что трудно представить, чтобы Филен ничего не знал о последнем. Учение о Логосе проникло и в христианскую литературу (мы находим его в «Евангелии Иоанна»: «Вна-чале было слово, и слово было у бога, и слово было бог. Оно было вначале у бога. Все через него начало быть, что нача-ло быть» (1,1—1,3).

Трудно не заметить ближайшего сходства, если не тож-дества, этого представления с египетским. Именно потому еще в начале этого века американский египтолог Дж. Брэ-стед правильно отметил: изучение «памятника мемфисской теологии приводит к выводу, что египтяне уже в глубокой древности умели размышлять об отвлеченных темах и что понятия, обозначаемые словом *νοῦς* и *λόγος*, в отношении ко-торых всегда предполагалось, что они занесены в Египет в поздние времена, в действительности возникли и развились в Египте, а затем уже попали за его пределы»².

В «Евангелии Луки» рассказывается, как Иисус в воз-расте двенадцати лет пришел с родителями в Иерусалим на праздник пасхи и потерялся в городе: «Через три дня его нашли в храме сидящим среди учителей, слушающим их и

---

¹ Трубецкой С. Н. Учение о Логосе в его истории. М., 1900. С. 137.

² Breasted J. The philosophy of a memphite priest // ZÄS. Bd 39. 1901. P. 54.

спрашивающим их; все слушавшие его дивились разуму и ответам его» (2,40—2,47). В апокрифическом Евангелии Фомы этот сюжет разработан гораздо подробнее. Образ малолетнего мудреца Иисуса имеет очень близкую параллель в египетской демотической литературе: в сказке о Сатни-Хаэмуасе (I в. н. э.) именно таким выступает перед нами малолетний его сын Са-Осирис. В сказке говорится: «Когда Са-Осирис подрос и окреп, его отдали в школу. Но прошло немного времени, и он стал знать больше, чем тот писец, который его учил. Маленький Са-Осирис начал тогда читать заклинания вместе с писцами дома жизни при храме Пта, и все, кто слышал его, бывали поражены»¹.

То же самое можно сказать об эпизоде пребывания Сатни-Хаэмуаса со своим сыном Са-Осирисом в преисподней и о евангельском предании о бедном Лазаре². Последнее содержится в «Евангелии Луки» (16,19—16,26). В египетской сказке эпизод изложен в более развернутом виде, чем в Евангелии, где он дан весьма лаконично, но содержание и идея совершенно одинаковые: бедняк, несправедливо страдавший на земле, в потустороннем мире пользуется всеми его благами; богач же, живший в изобилии и роскоши, подвергается после смерти жестоким наказаниям и унижениям из-за своих злодеяний. В египетской сказке прямо говорится, что это результат беспристрастного суда богов, которые взвесили добрые и злые дела, совершенные на земле. Таким образом, эпизод из сказки о Сатни-Хаэмуасе прямо восходит к представлениям о загробном суде, который описывается в гл. 125 «Книги мертвых». Евангельская притча о бедном Лазаре в конечном итоге

---

¹ Цит. по русскому переводу (*Кацнельсон И. С. Хуфу и чародеи*. М., 1958. С. 149).

² Gressman H., Möller G. Vom reichen Mann und armen Lazarus // APAW. Phil.-hist. Kl. 1918. № 7.

находит свое объяснение в представлениях египтян о загробном мире.

Эта притча широко распространилась по всему миру и проникла, в частности, в старинную русскую драматическую литературу. Сюжет притчи лег в основу пьесы «Ужасная измена сластолюбивого жития с прискорбным и нищетным», которая в 1701 г. была поставлена в Москве на сцене славяно-латинской академии.

Интересно отметить, что известное изречение Иисуса («Евангелие Матвея», гл. 26, 52): «Взявшие меч от меча погибнут» является перифразой слов Петубаста: «Кто точит меч, в шею того он и вонзится»¹.

Многие египетские религиозные представления мы находим в христианстве лишь в слегка видоизмененном виде. Таковы представления о вечной жизни после смерти, о загробном суде, о мучениях и пытках².

Египетская богиня Исида в древности была покровительницей Лютеции, современного Парижа. Развалины ее храма, находившегося на территории, где теперь разбит сад музея Клюни в Париже, сохранились до сих пор. Когда Франция стала христианской страной, новая религия долго хранила образ египетской богини: ее статуя как святой стояла на южной стене аббатства Сэн-Жермен-де-Прэ вплоть до 1514 г.³

Таким образом, в сердце Франции память о египетской богине Исиде продержалась на целое тысячелетие больше, чем в самом Египте, где культ богини окончательно угас в V в. н. э. на острове Филэ⁴. Несмотря на агрессивность

---

¹ Spiegelberg W. Der Sagenkreis des Königs Petubastis. S. 26.

² Zandee J. Death as enemy. Leiden, 1960. P. 7, 15, 24, 31, 142.

³ Grimod J. Les trois protecteurs de notre cité // CdE. Vol. 12. 1937. P. 239—240.

⁴ Munier H. Le christianisme à Pilae // BSAC. Vol. 4. 1939. P. 39.

христианства по отношению к древней религии, на разрушение египетских храмов¹, пережитки ее прочно укоренились в коптском Египте: «Египетскую струю мы можем наблюдать во всем, начиная от отдельных мотивов христианской символики и кончая часто догматическими построениями»².

Поэтому следует согласиться с утверждением крупного египтолога, пражского академика Ф. Лекса: нельзя сомневаться, что центром развития догматики и морали христианства был Египет³. Однако эта весьма интересная и очень трудная тема не нашла еще своего исследователя.

Особенно ярким фактом является хранящаяся в Коптском музее в Каире икона с изображением двух святых, у которых вместо человеческих голов головы животных (собак), так что внешне они очень похожи на древнеегипетского Анубиса⁴. Из Египта эти пережитки проникли в Византию⁵.

Магическая литература Древнего Египта оказала не меньше влияния на греческий мир, чем художественная и религиозная: сохранилось множество греческих текстов, содержание которых явно выделяет свое бесспорное египетское происхождение и весьма близко к аналогичным демотическим текстам⁶. Интересно сообщение Диона Кассия в

---

¹ *De Leary o Lacy. The destructions of temples in Egypt //* BSAC. Vol. 4. 1939. P. 51—57.

² Стрелков. Фаюмский портрет. М., 1936. С. 67.

³ *Lexa Fr. Le papyrus Insinger. Paris, 1926. Vol. II. P. 110.*

⁴ *Piankoff A. Deux saints à tête de chien // BSAC. 1946—1947. Vol. 12. P. 57—61.*

⁵ В афинском музее хранится византийская икона святого Кристофа, изображенная кинокефалом (*Saint Yves P. Saint Christophe successeur d'Anniers, d'Hermes et d'Heracles. Paris, 1936*).

⁶ См. работу Моренца (*Morenz S. Die ägyptische Literatur und die Umwelt // Ägyptologie. S. 306*) со ссылками на кн.: *Preisendanz K. Papyri graciae magicae. Leipzig, 1928, 1931; Griffith Fr., Thompson H. The demotical magical papyrus of London and Leiden. London, 1904, 1909. Vol. I—II.*

его истории Рима (гл. 72) о том, что в свите императора Марка Аврелия во время его походов в Паннонию находился египетский маг Харнуфис. Когда в 174 г. н. э. римские войска были окружены превосходящими силами племен квадиев и им грозила неминуемая гибель, разразился сильнейший ливень, спасший римлян. Распространились слухи, что этот ливень был результатом магических действий египтянина Харнуфиса¹. Однако Дион Кассий опровергает эти слухи, утверждая, что Марк Аврелий не сближался с волхвами и магами и что дождь был ниспослан самим богом по молитве воинов-христиан. Таким образом, в сообщении Диона Кассия мы улавливаем эхо полемики христиан и язычников по вопросу о причине спасительного ливня, полемики, свидетельствующей об авторитетности египетской магии в древнем мире.

Очень близка к магии псевдонаука толкования снов, весьма популярная в древнем мире, и в Египте в частности. До нас дошли египетские сонники. Их сравнительное изучение с аналогичными произведениями греков, в частности с сочинениями на эту тему знаменитого Артемидора из Эфеса (II в. н. э.), показало, что греческие, арабские и другие толкования снов основаны на египетских текстах².

За неимением места мы вынуждены лишь мимоходом остановиться на герметической литературе на греческом языке, распространенной в древнем мире в первые века христианства. Это книги религиозно-философского содержания с разнообразными возврениями. Их автором считался Трисмегист, т. е. египетский бог Тот, «трижды величайший».

---

¹ Guey J. Encore la pluie miraculeuse // Revue de philologie, de littérature et d'histoire ancienne. 3-me série. Paris, 1948. Vol. 22. P. 16—62.

² Volten A. Demotische Traumdeutung. Kopenhagen, 1942. S. 66—78.

Наличие в этой литературе многочисленных египетских представлений несомненно. Некоторые произведения этой литературы приписываются египетскому фараону по имени Нехепсо и его везирю Петосирису¹. Их произведения были переведены на греческий язык вскоре после того, как их написали². Совершенно определенное мнение о происхождении этой литературы высказал голландский египтолог Б. Стрикер: «Герметическая литература — автохтонного египетского происхождения. Герметические трактаты составляют часть обширной богословской литературы. Корпус герметической литературы был составлен египетским жречеством по распоряжению Птолемея I Сотера», и в его составлении приняли участие специально приглашенные греки. Литературные методы, терминология и т. д. — греческие, но содержание в основном египетское. Этот корпус был создан для ознакомления греков с египетским мышлением и мировоззрением³.

Как раз в это же время была написана первая история Египта на греческом языке египетским жрецом Манефоном. Эта история и другие его труды дошли до нас только во фрагментах, цитированных другими писателями, и в частности иудейским историком Иосифом Флавием, который пишет о Манефоне следующее:

«...Манефон, как известно, был родом египтянин, усвоивший греческое образование, он составил на греческом языке

---

¹ Reitzenstein R. Poimandres. Leipzig, 1904. S. 1—68, 117—160.

² Volten A. Der demotische Petubastisroman und seine Beziehung zur griechischen Literatur // Mitteilungen aus der Papyrussammlung der Österreichischen Nationalbibliothek Papyrus Erzherzog Rainer. Neue Serie. V Folge. Wien, 1956. S. 152.

³ Stricker B. The Corpus Hermeticum // Mnemosyne. Series IV. Vol. 2. 1949. P. 79—80. — О египетских элементах в герметической литературе см. также: Féstugière O. F. La révélation d'Hermes Trismégiste. Paris, 1944. Vol. I. P. 102, 115—118, 121, 128.

историю своего отечества, которую, как сам утверждает, переложил из священных книг...»¹. О личности Манефона нам, к сожалению, известно очень мало.

Специальное исследование акад. В. В. Струве о египетском летописце пролило новый свет на жизнь и деятельность Манефона. Собрав, сопоставив и проанализировав решительно все имеющиеся о Манефоне сведения, крупнейший советский ориенталист пришел к следующим выводам.

Манефон жил во времена Александра Македонского и Птолемея I Сотера. Он происходил из Севенитского нома в Дельте, родившись, вероятно, в семье иерограммата, хорошо владел греческим языком. Вместе с греческим жрецом Тимофеем он был советником царя Птолемея I Сотера по организации в государственном масштабе культа нового бога Сараписа, который воплощал в себе греко-египетский религиозный синкретизм. В свое время Манефон был весьма известной личностью и его бюст стоял в Серапеуме Карфагена². Перу Манефона принадлежат труды на греческом языке. Подлинные труды Манефона или, вернее, те, относительно которых мы не имеем пока данных сомневаться в их подлинности, могут быть нами разделены на три группы: 1) исторические; 2) богословские; 3) естественно-научные труды. От всех этих произведений до нас дошли самые жалкие фрагменты. В лучшем виде сохранился наиболее важный для нас труд Манефона, труд, посвященный египетской истории³.

---

¹ Флавий Иосиф. О древности иудейского народа. Против Апиона. СПб., 1895. С. 14.

² Струве В. В. Манефон и его время // ЗКВ. Т. III. 1928. С. 139.

³ Там же. С. 153—155, 156.

Как доказано В. В. Струве, Манефон действительно хорошо знал прошлое своей страны, и в тех нелепостях, которые встречаются в дошедших до нас фрагментах его труда, египетский иерограммат не повинен: они внесены в текст впоследствии лицами, не имевшими к Манефону никакого отношения. Очень интересно, что Манефон в своем труде подверг суповой критике вторую книгу Геродота, уличая его в искажениях и неточностях. Имя египетского летописца — Манефон — восходит не к его собственному имени, а к его египетскому эпитету — *mr n dhwty* «любимый Тотом». Этот эпитет характерен для писца¹. Подведем итоги. В лице Манефона мы имеем египетского жреца и писца египетского происхождения, высокообразованного по своему времени, свободно владевшего греческим языком. Как человек двух культур, Манефон принимал деятельное участие в организации культа Сараписа, явившегося одним из важнейших воплощений греко-египетского религиозного синкретизма. Пользуясь знанием греческого языка, он с помощью своих трудов распространял среди греков научные достижения египтян и знакомил их с историческим прошлым своей страны и сущностью религиозных воззрений египтян.

Если такое явление, как Манефон, возможно в самом начале эпохи эллинизма, то мы априори должны допустить существование на протяжении последующих столетий и других подобных лиц.

В свете всего вышеизложенного бесспорно, что в результате сложившегося на почве Египта греко-египетского двуязычия египетская литература, религия и вообще взгляды египтян оказали вполне ощутимое влияние на греков. В связи с этим закономерно возникает вопрос: интересовались

---

¹ Там же. С. 184, 135—136.

ли греки достижениями египтян в области естественных наук, и если да, то использовали ли они их?

Ответ большей частью заключается в ссылке на греческую традицию, утверждавшую в самой общей форме, что греки многое заимствовали у египтян, без каких-либо указаний на то, что именно, когда и как они заимствовали. А без этой конкретизации общий и расплывчатый ответ совершенно неудовлетворителен и нередко подвергается сомнению.

Поэтому мы здесь приведем несколько вполне конкретных фактов, свидетельствующих о влиянии египетской науки на эллинистическую.

Оксиринхский греческий папирус 470 (III в. н. э.), который его издатели называли математическим¹, по существу является переводом египетского астрономического трактата². Поскольку он фрагментирован, установить его содержание невозможно, и неизвестно, кто и с какой целью его переводил. Но самый факт перевода свидетельствует ознакомстве греков с подобными египетскими текстами и об интересе к ним.

Акад. В. В. Струве принадлежит честь защиты египетской математики и ее влияния на греческую от незаслуженной недооценки ее многими крупными египтологами. Как известно, еще Геродот II (109) заявлял, что геометрия как искусство измерения площадей родилась в Египте и оттуда была заимствована греками. Отметим, что эти слова Геродота относятся к V в. до н. э., следовательно, ко времени, когда Египет был вполне самостоятельным по отношению к грекам. В. В. Струве совершенно правильно отмечает, что

*****

¹ *Grenfell B., Hunt A. Oxyrhynchus papyri, pt III. London, 1903.*
Р. 141.

² *Pieper M. Ein Text über das ägyptische Brettspiel // ZÄS.*
Bd 66. 1930. S. 31.

было бы правильно установить конкретные пути проникновения египетских знаний в греческую науку¹. Впоследствии он опубликовал исследование, отчасти осветившее этот вопрос.

В произведении «Вопросы и решения», написанном армянским математиком VII в. из Ширака и посвященном вопросам арифметики, содержится целая серия задач. Задача № 22 следующего содержания: «Фараон, царь египтян, праздновал свой день рождения, и обычай был у него раздавать в этот день вельможам, по достоинству каждого из десяти, сто карасов сдобренного ладоном вина. Итак, раздели это сообразно достоинству всех десяти».

По существу, это задача на решение арифметической прогрессии. В ней даны: 1) сумма членов прогрессии 100; 2) число ее членов 10. Однако для решения этого недостаточно. Предполагается, что первый член прогрессии равен ее разности. При наличии всех этих данных решение понятно.

По своим условиям задача Анания очень близка к двум задачам на арифметическую прогрессию из известного математического папируса Ринда — к задачам № 40 и 64.

В задаче № 40 даются сумма членов прогрессии, число ее членов и отношение суммы первых членов к сумме последних. В задаче № 64 даны сумма членов прогрессии, число членов и разность. В задаче № 40 говорится о хлебе и зерне, в задаче Анания — о вине.

При этих данных египетская обстановка задачи Анания достаточно показательна в смысле своего происхождения².

---

¹ Struve W. W. Mathematischer Papyrus des Staatlichen Museums der schönen Künste in Moskau. Berlin, 1930. S. 184. Апп. 1.

² Струве В. В. Египетская задача в сочинении армянского математика VII века // Язык и литература. Л., 1930. Т. V. С. 23—24.

Нельзя забывать, что в раннее средневековье Армения находилась под сильным культурным влиянием Византийской империи. В византийской литературе отголоски египетской литературы сохранились до позднего средневековья. Так, фрагменты трактата Херемона «Иероглифика» о египетском письме были обнаружены английским египтологом Самюэлем Бирчем в сочинении византийского монаха Цепеса (XII в.) об Илиаде Гомера¹.

Таким образом, задача египетского папируса Ринд в несколько видоизмененном виде проникла в начале средних веков через Византию в Армению. Это очень показательный факт. Несомненно, более глубокие изыскания в этом направлении в эллинистической и средневековой литературе дали бы новые доказательства проникновения туда египетских математических знаний.

Гораздо лучше обстоит дело с медициной.

Изучение содержания египетских медицинских папирусов и сопоставление их с греческой медицинской литературой не оставляют никаких сомнений в том, что перед нами именно заимствования, а не совпадения. Так, в папирусе Эберса содержится описание прибора для ингаляции (54,10—55,1). Совершенно аналогичный прибор описан в сочинении Гиппократа «О болезнях» Περὶ Νούσων (11,26—27)².

Сравнительное изучение некоторых мест из хирургического папируса Эдвина Смита с соответствующими местами трудов греческих врачей также очень интересно. Уже первый издаатель этого папируса Дж. Брэстед отметил поразительное сходство приемов врача при исследовании

---

¹ Transactions of the royal society of literature. London, 1850. Vol. 3.

² Lieblein J. La mention du même appareil d'inhalation au papyrus Ebers et dans Hippocrate // Sphinx. Uppsala, 1900. Vol. 3. P. 61.

страдающего смещением челюсти, описанных в этом папирусе, с описанием таких же приемов в греческой медицинской рукописи, написанной Аполлонием в I в. до н. э. и являющейся комментарием к труду Гиппократа «О частях тела» Περὶ ἄρθρων¹. Еще более существенно «полное единство взглядов египетской и гиппократовской медицины на ранения головы и на природу этих ран. И в той и в другой возможные случаи разделяются на три основных вида. Несмотря на различие в формулировках, единство взглядов сказывается в теории и практике описания и определения каждого из этих трех основных типов»².

Единственным серьезным новшеством греков в лечении головы является трепанация черепа, по-видимому, неизвестная египетским врачам.

В этиологических воззрениях египтян и кнайдской школы греческой медицины также обнаружено большое сходство взглядов: и те и другие считают, что в ряде случаев причиной начала болезней являются вредные физиологические выделения организма, которые по-египетски называются *w̄dw*, а по-гречески περίττωμα³. Нельзя не упомянуть о египетских заимствованиях в греческой фармакопее.

В египетских источниках слово *mr̄ht* «масло для умашения» встречается уже в текстах Древнего Царства и употребляется во все времена до греко-римского времени

---

¹ Breasted H. The Edwin Smith surgical papyrus, vol. I. Chicago, 1930. P. 16—17.

² Iversen E. Wounds in the head in Egyptian and Hippocratic medicine // Studia orientalia Ioanni Pederseni. Hauniae, 1958. P. 170.

³ Steuer R., Saunders J. B. Ancient Egyptian and Cnidian medicine. The relationship of their aetiological concepts of disease. Los Angeles, 1959. — Рецензент этой работы Е. Винтер пишет: «Еще раз показано, как одна культура может “учиться” у другой, как основные понятия могут быть заимствованы и по-своему переработаны» (WZKM. Bd 56. 1960. S. 306).

включительно¹. Оно встречается также в сочетании *mr:ht-hdt* «масло белое»². Греческим эквивалентом этого термина является ἔλαιον αἴγυπτιον λευκόν в произведениях Гиппократа, где египетское слово *hdt* «белый», «светлый»³ переведено греческим λευκός «белый», «светлый». Упоминается этот термин и в произведении греческого врача I в. н. э. Диоскорида «Фармакологическое сочинение о травах» (De materia medica 1, 32), где перечисляются еще и другие лекарства, названия которых свидетельствуют об их египетском происхождении. Рецепты, схожие с египетскими, встречаются и в трудах греческого врача Александра Тральского (VI в. н. э.), оказавшего серьезное влияние на византийскую и арабскую медицину.

Одним из основных каналов, по которым египетская медицина проникала в греческую, были храмы греко-римского времени. Египетская медицина тесно переплеталась с религией, и жрецы-врачи практиковали, в частности, при храмах, располагавших особыми лечебными учреждениями, связанными также и с «домами жизни». Такая лечебница была, например, при храме в Дендре с самого начала птолемеевского времени⁴. В Дер-эль-Бахри во времена Птолемеев существовал также «санаторий»⁵.

Таким образом, в этих, а также других случаях, им аналогичных, легко осуществляется контакт египетских жрецов-врачей с их пациентами, среди которых было много греков,

---

¹ Wb. Bd II. S. 111; Chassinat E. Le mot *mrht* dans les textes médicaux // Rec. Champollion. P. 447—467.

² P. Ebers. 82,22—83,8; Grapow H, Medizin. Bd V. S. 52—53.

³ Wb. Bd III. S. 206.

⁴ Daumas Fr. Le sanatorium de Denderah // BIFAO. Vol. 56. 1957. P. 40.

⁵ Milne J. The sanatorium of Der-el-Bahri // JEA. Vol. 1. 1914. P. 96—98.

и с греческими врачами. Несомненно, что греческие врачи в Египте не могли не интересоваться египетской медициной и деятельностью египетских врачей, которые лечили не только при помощи молитв и магии, но и применяли к своим пациентам те приемы и рецепты своей отечественной медицины, которые были записаны в папирусах и являлись накоплением многовекового опыта египетской медицины.

В заключение следует подчеркнуть, что египетская рецептура проникла даже в европейскую народную медицину. Так, в изданном в 1697 г. неким Паулини медицинском руководстве П. Бойеру приписывается средство, с помощью которого можно узнать, кого родит беременная женщина — мальчика или девочку¹. Это средство рекомендуется и египетским медицинским папирусом Берлин 3038 (verso, II, 2—5)².

С другой стороны, этот же рецепт мы встречаем в арабской книге XVI в. н. э., написанной неким Ибн-Камальпашой (настоящее имя которого Ахмед-ибн-Сулейман) по приказу турецкого султана Селима I, покорившего Египет. Эта книга называется «Возвращение старца к молодости»³. В ней же описан способ определения беременности женщины. Этот рецепт также восходит к Древнему Египту: мы находим его в магическом демотическом папирусе III в. н. э.⁴

Таким образом, именно через арабов, усвоивших в какой-то степени медицинское наследство Древнего Египта, еги-

---

¹ Erman A. Ägyptische Chrestomatie. Berlin, 1904. S. 48—49.

² Grapow H. Medizin. Vol. V. P. 474; Sauvaget S. A propos d'un pronostic de naissance (P. Berlin 3038, V, II, 2—5) // BIFAO. Vol. 60. 1960. P. 29—30.

³ Bayoumi A. Survivances égyptiennes // REA. Vol. 13. 1930. P. 110—112.

⁴ Griffith Fr., Thompson H. The demotical magical papyrus of London and Leiden. Vol. I. 1904. P. 117.

петская рецептура проникла в европейскую народную медицину, и даже в салернскую школу, самую знаменитую медицинскую школу европейского средневековья¹.

В заключение следует высказать несколько соображений о египетских влияниях на организацию знаменитой Александрийской библиотеки, сыгравшей большую роль в истории античной и мировой культуры.

Персидский царь Дарий I, в державу которого входил Египет, по достоинству оценил древнюю культуру этой страны, и в частности медицину. Он распорядился восстановить в древнем городе Саисе пришедший в упадок «дом жизни». Это хорошо известно из иероглифической надписи главного врача Уджа-Хорресента на его статуе в Ватиканском музее. Таким образом, персидская власть поддержала древние культурные традиции Египта.

Двумя веками позже Египет стал частью всемирной империи Александра Македонского, а затем мощной и богатой эллинистической державой под властью династии Лагидов, при которых в стране процветали «дома жизни», центры египетской культуры.

Завладев Египтом и обосновавшись в нем, греки нашли во всей стране, в частности в Дельте, очень древние и большие города, которые были больше, чем их собственные, и где находились «дома жизни» и библиотеки. Здесь же они столкнулись с многочисленными авторитетными знатоками египетской культуры — писцами, жрецами, врачами.

Первые Птолемеи создали в греческом городе Александрии (не «египетская Александрия», а «Александрия при Египте») музей и библиотеку — самое богатое и крупное книгохранилище древности. В них разрабатывались все

---

¹ Ebers G. Wie das Altägyptische in die europäische Volksmedizin gelangte // ZÄS. Bd 33. 1895. S. 1—18.

отрасли знания, включая и медицину. Поэтому греческие ученые, работавшие в музее, неизбежно заинтересовывались египетской медициной и деятельностью египетских ученых в «домах жизни».

Музей и библиотека были организованы первыми двумя царями династии Лагидов — Птолемеем I Сотером и Птолемеем II Филадельфом. Первому из них активно помогал бежавший из Афин философ Деметрий Фалерский. Он в высокой мере содействовал тому слиянию греческой образованности с образованностью египетской, вавилонской и иудейской, которому вся западноевропейская культура обязана своим происхождением¹. Такая деятельность Птолемея I Сотера понятна, если мы вспомним, что именно при нем был организован синкретический греко-египетский культ бога Сараписа. Поэтому естественно, что среди собранных Деметрием Фалерским книг для будущей библиотеки были не только сочинения греков, но и произведения египтян и других восточных авторов, переведенные на греческий язык или написанные прямо по-гречески, в том числе и труды знаменитого Манефона. Поскольку во времена Птолемеев «дома жизни» проявляли еще большую активность, в Александрийскую библиотеку должны были поступать новые труды египетских писцов, которые в течение многих веков «своими пальцами искусствами» создавали и развивали египетскую литературу. Затем, уже на закате египетской культуры, овладев греческим языком и распространяя среди греков свои знания и взгляды, они стремились приобрести в их среде прозелитов своего мировоззрения. К сожалению, сокровища Александрийской библиотеки безвозвратно погибли, а именно эта библиотека

---

¹ Schwartz J. Die Demokratie. Leipzig, 1884. Bd 1. S. 556. Цит. по: Деревицкий А. Н. О начале историко-литературных занятий в древней Греции. Харьков, 1891. С. 54.

была главной передаточной инстанцией духовных ценностей египетского происхождения в эллинистический мир.

Как известно, ряд учреждений прекрасно разработанного государственного механизма Египта был унаследован птолемеевским Египтом¹. То же самое можно сказать обalexандрийском музее и библиотеке. Конечно, нельзя отрицать, что их организаторы использовали опыт музея Теофраста² и академии Платона. Но, с другой стороны, музей и библиотека организационно напоминают египетские учреждения, на что указал русский ученый прошлого века А. Н. Деревицкий³. Руководителем библиотеки царь по жизненно назначал кого-либо из членов музея. Нам известны имена некоторых лиц, управлявших библиотекой, — это все крупные деятели эллинистической культуры — Эратосфен, Каллимах, Аполлоний Родосский и др. Библиотека находилась при музее, во главе которого стоял назначаемый также царем жрец высокого ранга. Например, в правление императора Адриана (II в. н. э.) музей возглавлял жрец в сане ἀρχιερεύς Ἀλεξανδρείας καὶ Ἀιγύπτου πάστης «архиерей Александрии и всего Египта», «главной функцией которого в доримский период было отправление культа Александра и Птолемеев»⁴, обожествленных по образцу египетских фараонов. Вместе с тем он был эпистолографом царя. Таким образом, музей и библиотека находились под непосредственным контролем царя, а управление

---

¹ Струве В. Манефон и его время // ЭКВ. 1928. Вып. III. С. 168.

² Есть основания полагать, что знаменитый греческий ботаник бывал и работал в Египте (*Capelle W. Theophrast in Ägypten // Festschrift für Albin Lesky. Wien, 1956. S. 173—186*).

³ Деревицкий А. Н. О начале историко-литературных занятий в древней Греции. С. 43.

⁴ Там же. С. 43, прим. 2.

ими находилось в руках духовного лица, которое обычно не вмешивалось в научную жизнь этих учреждений. До нас не дошли имена этих жрецов, но «нет ничего невероятного в том, что обязанности президента в последнем (в музее) мог исполнять не непременно грек, а эллинистически образованный египтянин, и это тем скорее, что в Египте наука культивировалась преимущественно кастой жрецов, искони призванных служить хранителями всех сокровищ знания»¹.

Таким образом, А. Н. Деревицкий правильно отметил наличие египетских черт в организации библиотеки и музея, черт, совершенно чуждых музею Теофраста и академии Платона.

Бельгийский египтолог Ж. Капар совершенно независимо от А. Н. Деревицкого пошел в этом направлении дальше: он указал на большое сходство между музеем и библиотекой и египетскими «домами жизни». Александрийский музей и библиотека, основанные Птолемеем I Сотером, были своеобразным и расширенным воспроизведением египетских «домов жизни» в интересах новой чужеземной династии Лагидов².

В греко-египетском культурном синкретизме Египет был преимущественно стороной дающей, а не воспринимающей. Это несомненный и неопровергимый факт. Однако отсюда не следует вывод, что египетская культура превосходила эллинистическую. Египетская культура хронологически и стадиально предшествовала последней. Когда Египет навсегда потерял независимость, когда там прочно обосновалась власть греков и государственным языком стал греческий язык, исчезли всякие перспективы дальнейшего

---

¹ Там же. С. 74.

² Capart J., Volten A. Demotische Traumdeutung (P. Carlsberg XIII and XIV verso) // CdE. Vol. 18. 1942 (1943). P. 262.

развития и процветания древней нильской культуры: восстания против господства греков окончились неудачно¹. Более того, она тем самым была обречена на медленное, но неизбежное угасание. И именно поэтому египтяне старались пропагандировать свои взгляды и мысли среди греков на греческом языке. Но по существу это было проявлением синкретизма, т. е. слияния обеих культур — египетской и греческой — в новую, эллинистическую, а не возрождение древней культуры Египта. Египет по существу ничего уже не мог заимствовать у греков, а наоборот, отдавал им все, что последние готовы были взять. Греки усвоили и использовали опыт, накопленный в течение тысячелетий древней цивилизацией Египта, и обогатили им эллинистическую и тем самым западную культуру.

Таким образом, трудолюбивые и любознательные писцы Древнего Египта, являвшиеся одним из древнейших отрядов мыслящего человечества, сыграли в свое время серьезную роль в его культурном развитии.

---

¹ Preaux C. Les révoltes égyptiennes sous les Lagides // CdE. Vol. II. 1936. P. 522—532.

ПРИЛОЖЕНИЕ

I

«ПОУЧЕНИЕ АХТОЯ, СЫНА ДУАУФ»¹

Brunner H. Die Lehre des Cheti, Sohnes des Duauf //
Aegyptologische Forschungen. Hft 13. Glückstadt, 1944

- 3,9 Начало поучения, которое сделал человек из Чарет по имени Ахтой, сын Дуауф, для сына своего по имени Пепи.
- 4,1 Направился он (Ахтой) на юг в резиденцию (фараона), чтобы поместить его (сына Пепи) в школу писцов среди детей вельмож, возглавляющих резиденцию. И сказал он ему:
- 4,2 видел я битых. Обращаю я сердце твое к свиткам (папируса), ибо видел я избавленных от (физических) работ (из-за них). Вот, нет ничего больше, чем свитки (эти)...
- 4,3 Прочти в конце книги *Kmtj*, найдешь ты эти слова там, гласящие: «если писец на каком-либо месте своем в резиденции (фараона), не будет нуждаться он

---

¹ Оригинал, восходящий к Среднему Царству, неизвестен. Попучение дошло от времен Нового Царства в нескольких версиях, из которых главные — папирусы Анастаси VII и Салье II. Текст настолько искажен и полон ошибок, что местами совершенно непонятен. Нумерация страниц и строк дана по папирусу Салье II.

- 4.4 там. Он никогда не выходит из милости (начальства), сам он удовлетворяет желание другого». Я видел должность, подобную той, о которой гласят эти слова.
- 4.5 Заставлю я тебя любить свитки больше, чем мать свою. Представлю я тебе красоты (их).
Это больше, чем любая должность, и нет (ничего) равного им в стране этой¹.
- 9.2 Вот, нет должности без подчинения, исключая писца: он (сам) руководит другими. Если ты умеешь писать, (это) будет для тебя благом...
- 9.4 Полезнее для тебя день в школе, чем вечность на работе.
- 11.2 Вот, направляю я тебя по дороге бога. (Богиня) Раненет (каждого) писца (сидит) на плече его (уже) в день его рождения. Достигает он врат совета, после того как становится мужчиной. Вот,
- 11.3 нет писца без продовольствия и вещей (из царского дворца). (Богиня) Месхенит руководит писцом, она ставит его во главе совета.
- 11.4 Воздай хвалу богу, отцу своему и матери своей, направившим тебя по пути живущих. Вот, это (поучение) перед тобой и детьми детей твоих.
- 11.5 Пришло это (поучение к концу) хорошо и мирно.

КОЛОФОН ПАПИРУСА САЛЬЕ II

Для «ка» хвалимого и отличного, прекрасного уменьем (своим) писца сокровищницы Кагаба из сокровищницы дворца.

---

¹ Далее следует колоритное описание невзгод, связанных с другими профессиями. В конце текста снова подчеркиваются преимущества профессии писца.

КОЛОФОН ПАПИРУСА АНАСТАСИ VII

Для «ка» писца (сокровищницы) Кааба, писца Тахерипедет, писца Иути, писца Мериэрэ. Сделал (это) писец Иннана, владелец поучения, в 6-й год, месяц 2-й лета, день 15-й, когда они (фараоны) были в Рамессеуме.

2

НАСТАВЛЕНИЕ НЕРАДИВОМУ УЧЕНИКУ¹

P. Bologna 1094, 3,5—3,10. — *Gardiner A. Late Egyptian Miscellanies. Bruxelles, 1937*

- .....
- ,5 Писец Мехи из оружейной палаты фараона, да будет он жив, невредим, здрав,
- ,6 говорит писцу Паухем: «доставлено тебе письмо это, гласящее: не будь глупцом,
- ,7 который не имеет образования. Проводят ночь, наставляя тебя, проводят день,
- ,8 обучая тебя, а ты не внимашь никаким наставлениям и поступаешь по-своему.
- ,9 Обезьяна (и та) понимает слова, будучи доставлена из (страны) Куш. Обучают (даже)
- ,10 львов и обезжают лошадей, но не тебя. Но вот ты — неизвестен подобный тебе среди людей. Заметь себе это».

.....
¹ Все последующие приложения до 32-го включительно относятся ко времени XIX—XX династий и переведены по этому изданию с учетом переводов, сделанных Р. Каминосом (Caminos. LEM).

3

ПРИЗВАНИЕ ПИСЦА ВЫШЕ ВСЕХ ДРУГИХ

Ρ. Anastasi II, 6,7—8,5; Ρ. Sallier I, 6, 10; Ρ. Chester-Beatty IV,
verso, 3, 1; Ρ. Chester-Beatty V, recto, 7, 9

- 6,7 Будь писцом. Освобожден он от всяких
7,1 (физических) повинностей; он защищен от работы всякой.
Избавлен он от мотыги и кирки. Ты не будешь таскать
корзин.
- 7,2 Отдалит это тебя от гребли веслом и избавит тебя от (се-
чения) прутьями, не будешь ты находиться под (началом)
многих господ
- 7,3 под (властью) многочисленных начальников. Выходит чело-
век из утробы матери своей, и (тотчас) коленопреклонен он
(уже) перед начальником своим. Ребенок (уже) прислуж-
ник у
- 7,4 воина, юноша (служит) стрельцом, стариk отдан в земле-
дельцы, мужчина же (предназначен) в воины. Хромой отдан
7,5 в привратники, [сле]пой — в кормящего скот. Птицелов от-
правляется на ток,
- 7,6 рыболов погружается (в воду). Жрец *hm-(ntr)* стал земле-
дельцем, жрец *w'b* справляет службы, он проводит время,
трижды
- 7,7 погружаясь в реку и не отличая зимы от лета и (не взирая)
на ветреное и дождливое небо.
- 8,1 Начальник загона стал рабом, его упряжка (лошадей) по-
кинута в поле, и выдают зерно жене его,
- 8,2 а дочь его на плотине (на работе?), его слуга —
- 8,3 в Троe. Пекарь стоит и печет, помещая хлебы на огонь, при-
чем голова его внутри (печи),
и держит сына его за ноги его (чтобы он не упал в печь).
- 8,4 Однажды выскользывает он из рук сына своего и падает на
дно печи, (но всё это)

- 8,5 исключая писца: это он руководит работой всякой в стране этой.

4

ЭПИТЕТЫ И ТИТУЛЫ УЧИТЕЛЯ ПИСЦА

P. Anastasi III, 1,1—1,11

- 1,1 ...рядом с его величеством, да будет он жив, невредим, здрав. Нет второго подобного ему. Они у ног владыки обеих земель и внимают словам его (поэтому) перед людьми. Он...
- 1,2 ...для пользы свободно идущего в месте тайн, высокого голосом в месте молчания, «великого ногой». Когда царь
- 1,3 ...шагает под окном (своим), все слова приятны сердцу владыки его. Поступают согласно всему тому, что сказал он (писец),
- 1,4 ...желают все то, что сделал он. (Писец) — язык его величества, выполняющий предназначения его (его величества) в обеих землях. Он (тот), сердце которого удовлетворяется справедливостью,
- 1,5 ...во всех странах. (Он) — стрелка весов обоих берегов наследника, старшего царского сына, управляющий людьми, сделавший
- 1,6 ...(внимавшему?) ему; (он) говорящий: сделаю я (это) для удрученных... любящий истину,
- 1,7 ...утром в праздник Хойак (не принимающий?) вознаграждения
- 1,8 (от виновного?)... доставляющий реку... (и поощряющий?) доложившего ему об угнетенных.
- 1,9 Носитель опахала справа от царя, первый колесничий (его величества), командующий возничими, царский посланец
- 1,10 (к правителям) стран Хару, начиная от Чел и до Иупа... (вплоть до) правителей Азии,
- 1,11 [Аменемопе].

5

СОВЕТЫ НАЧИНАЮЩЕМУ ПИСЦУ

Р. Anastasi III, 3,9—4,4; Р. Anastasi V, 8,1—9,1

- 3,9 Писец Аменемопе говорит писцу Пайбесу: доставлено тебе
это письмо,
- 3,10 гласящее: «о писец, не будь ленив, (иначе) согнут тебя креп-
ко. Не отдавай сердце свое развлечениям, иначе ты падешь.
Пиши рукой своей, читай
- 3,11 устами своими, советуйся со знающими больше, чем ты.
Упражняйся в этом деле, и найдешь ты его (полезным)
после (наступления) старости. Счастлив писец
- 3,12 искусный в деле своем, владыка (обучения?). Будь настой-
чив в работе ежедневно, и ты овладеешь им (своим делом).
Не проводи ни одного
- 3,13 дня в безделье, иначе буду бить тебя. Уши юноши на спи-
не его, и он внемлет, когда бьют его.
- 4,1 Пусть внемлет сердце твое тому, что сказал я, — будет это
полезно тебе. Обучают обезьян танцам,
- 4,2 обезжают лошадей, помещают коршуна в гнездо и за кры-
лья ловят сокола.
- 4,3 Будь настойчив в получении советов! Не ленись! Пиши! Не
поддавайся пресыщению (письмом)*, отдавай ты сердце и
внимай словам! Найдешь ты их
- 4,4 полезными».

---

* ? — А. Ч.

ПОЖЕЛАНИЯ, АДРЕСОВАННЫЕ УЧИТЕЛЮ
ПИСЬМА, АМЕНЕМОПЕ

Р. Anastasi III, 4,4—4,11

- 4,4 Любезный, да будешь ты долговечен, и да будет у тебя пища ежедневно! Да будешь ты радостным и цветущим каждый день! Да будешь ты в милости миллионы раз!
- 4,5 Пусть охватывает тебя радость и ликование! Да воспрянут члены тела твоего в здравии! И пусть молодеешь ты каждый день!
- 4,6 И пусть не приблизится к тебе плохое! Наступит год, когда вспомнят твои добродетели, и не найдут второго (подобного) тебе! Да будет глаз твой ясен каждый день и слух твой постоянен.
- 4,7 Да будут (у тебя) много счастливых лет и месяцы твои процветающими, дни твои (пусть протекают) в жизни и счастье, а часы твои — во здравии! Твои
- 4,8 боги (пусть будут) довольны тобой и удовлетворены твоими речами, и (пусть будет) предназначен для тебя счастливый Запад. Не стар ты еще, и не болен ты. Да проведешь ты 110 лет на земле
- 4,9 с крепким телом, как это бывает с отмеченным, подобным тебе, после того как пожаловал его бог его. Пусть рекомендует тебя владыка богов
- 4,10 богам Западной горы. И пусть поступают для тебя жертвы растениями в Джеду и возлияния в некрополь.
- Пусть выходит душа твоя и гуляет, где ей нравится.
- 4,11 Для пользы отличного и справедливого правдой, очень восхваленного своим богом Тотом писца Аменемопе правогласного!

7
ГИМН ТОТУ

Р. Anastasi III 4,12—5,4

- 4,12 Хвала тебе, владыка дома, павиан с сияющей гривой, сладостный видом (своим), приятный благорасположением (своим), любимый
- 5,1 всеми. Он из (камня) *shirt*, он — (бог) Тот. Освещает он землю красотой своей. То, что на голове его, — из красной яшмы, а фалл его —
- 5,2 из сердолика. Любовь его истекает из бровей его, и открывает он уста, чтобы оживлять. Счастье у моих ворот, с тех пор как
- 5,3 собака (бог Тот) вступила в них. Существуют они и снабжены (всем), с тех пор как переступил их владыка мой. Так будьте же счастливы и вы, (которые) на моей улице. Радуйтесь,
- 5,4 все соседи мои. Вот владыка мой, это он сотворил меня; желает его сердце мое. Тот, будь для меня защитником, и не (будет) страха у меня перед глазом (дурным).

8
НЕВЗГОДЫ В ЖИЗНИ ВОИНА

Р. Anastasi III, 5,5—5,6; Р. Anastasi IV, 9,4; Р. Chester-Beatty IV, verso, 5,6; Р. Chester-Beatty V, 7,4

- 5,5 Писец Аменемопе говорит писцу Пайбесу: доставлено тебе это письмо, гласящее: обратись к деятельности писца. Сладостно найти (должность?) писца. Подойди, я поведаю тебе об участи воина...¹

---

¹ Далее следует колоритное описание невзгод жизни воина.

9

СТРАДАНИЯ ВОЙСКОВОГО КОМАНДИРА

Р. Anastasi III, 6,2—6,4

6,2 Писец Аменемопе говорит писцу Пайбесу: доставлено тебе
6,3 это письмо, гласящее: обратись к деятельности писца, и ты
будешь руководить всеми. Подойди, я тебе поведаю
6,4 о злосчастной должности командира колесничих...¹

10

ЛЕНИВЫЙ ПИСЕЦ

Р. Anastasi IV, 2,4—2,8; Р. Koller 2,2—3,3; Р. Anastasi V, 5,1

14 Сказано мне, что ты забросил писание, что ты уходишь и
бежишь. Бросил ты
15 писание и побежал быстро, как упряжка (коней)... Серд-
це твое смущено, ты как птица *‘hj*, и уши твои глухи.
16 Ты подобен ослу, которого бьют, ты подобен бегущему гор-
ному козлу. Ты — охотник пустыни, (ты) — маджай
17 Запада. (Но) ты не глухой, который не слышит и которо-
му делают (знаки) рукой. Ты подобен ученику опытного
шкипера,
18 (ведущего) судно...²

~~~~~
¹ Затем излагается тяжкая участь военного.

² Далее следует маловразумительное описание неудач ученика
шкипера.

11

УЧЕНИК СОБИРАЕТСЯ ПОСТРОИТЬ ДВОРЕЦ УЧИТЕЛЮ

Р. Anastasi IV, 8,7—9,4 (Р. Lansing, II,1)

- 8,7 Воспитан я был ребенком при тебе, и ты был меня по спи-
не, и учение твое входило
- 8,8 в уши мои. Я был, как конь, бьющий (землю) копытом.
Сон не нисходит на мое сердце днем, нет его у меня и но-
чью,
- 8,9 и (теперь) я говорю: буду я полезен для господина своего,
подобно рабу полезному для господина своего. Построю я
тебе новый дворец на земле города твоего, обсаженный де-
ревьями
- 8,10 со всех сторон. Твои загоны (будут) внутри (его), и его
житницы (будут) полны ячменя и эммера... (доставляе-
мых)
- 9,1 полными корзинами (в житницы).
Твой загон (для) быков умножает (из число), и твои коро-
вы беременны. Я обработаю
- 9,2 для тебя 5 арур (земли) к югу от твоего города, и многочис-
ленны будут (на них) огурцы, рожки и овощи — *i3ds*,
- 9,3 как песок. Пусть приходят суда грузить их.
Ознакомимся же с тем, что будешь ты жертвовать для Гта,
прекрасного ликом,
- 9,4 чтобы он исполнил твои желания.

12

УПРЕКИ НЕИСПРАВНОМУ ПИСЦУ

Р. Anastasi IV, 11,8—12,5; Р. Sallier I, 9,9

- 11,8 Говорят мне, что ты бросил писание и закружился

- ¶,9 в удовольствиях. Ты ходишь с улицы на улицу, (и исходит) запах пива (от тебя), куда бы ты ни пошел (?). От пива он
¶,10 перестает быть человеком. Оно заставляет тебя блуждать, ты подобен кривому рулевому веслу судна,
¶,11 которое не слушается (его) ни в одну сторону, ты подобен святыни без бога его, ты подобен дому без хлеба. Ты обнаружен переползающим через стену,
¶,12 после того как ты разбил колодки, (надетые на тебя), и люди бегут от тебя, после того, как ты нанес им ранения. О, если бы
¶,13 знал ты, как вино отвратно, ты отрекся бы от (напитка) *śdh*, ты не помещал бы кружку пива в сердце свое, ты забыл бы (опьяняющий напиток) *tñrk*.
¶,14 Обучен ты играть на свирели, играть на флейте, сопровождать лиру и
¶,15 петь с (музыкальным инструментом) *nth*.
(Но) вот ты сидишь в доме, и окружают тебя прелестницы. Вот ты встал покачиваясь...
¶,16 Вот ты сидишь перед девкой, облитый маслом (для умашений), с венком из цветов *iśtpn* на шее твоей
¶,17 и барабанишь по животу своему.
Но вот спотыкаешься ты и падаешь на живот свой и вымазан весь в грязи.

13 СПИСОК ПИСЦОВ СОКРОВИЩНИЦЫ

Р. Anastasi IV, verso, A 1—A 9

- А 1. Писец сокровищницы Кагаба.
- А 2. Писец сокровищницы Хори.
- А 3. Писец сокровищницы Иннана.
- А 4. Писец сокровищницы Мерипе.
- А 5. Писец сокровищницы Бакенпта.

- А 6. Писец сокровищницы Хори.
- А 7. Писец сокровищницы Аменмес.
- А 8. Писец сокровищницы Сунер.
- А 9. Писец сокровищницы Урпта.

14 УПРЕКИ ЛЕНИВОМУ ПИСЦУ

ρ. Anastasi V, 6,1—7,4

.....

- 6,1 Говорят мне, что ты бросил писание и закружился в удовольствиях, забросив позади себя
- 6,2 божественное слово, и оставил работу Тота. Сердце твое несведуще. Ты запутался (и не можешь) руководить другими.
- 6,3—6,8 ... обрывки фраз.
- 7,1 ...ты идешь, не зная, как руководить
- 7,2 (людьми) на дороге, (будучи) впереди их. Проходит ликующая толпа, и ты поражен (?), и твоя рука на виске твоем.
- 7,3 Обращаешь ты ухо к рыдающей женщине... (но нет проку) от тебя сегодня.
Восходит солнце и садится (за)
- 7,4 горой своей. Пустое (это) хождение — не (видно) работы твоей. Ты подобен глупцу Шеш.

15 МОЛИТВА БОГУ ТОТУ О НИСПОСЛАНИИ УМЕНИЯ ХОРОШО ПИСАТЬ

ρ. Anastasi V, 9,2—10,2

.....

- 9,2 Приди ко мне, Тот, ибис прекрасный, бог, любящий Ермополь, писец писем эннеады богов,

- 9,3 великий в (городе) Уну. Приди ко мне и дай мне советы, сделай (так), чтобы искусен был я в должности твоей.
- 9,4 Прекраснее должность твоя, чем любая (другая) должность, (ибо) возвеличивает (человека) она: найденный искусством в ней
- 9,5 становится вельможей. Я видел многих, после того что ты сделал для них — они среди 30 (великих вельмож),
- 9,6 могучи и богаты они тем, что сделал (для них) ты. Это ты — дающий советы
- 9,7 не имеющему матери своей. (Богини) Судьбы и Счастья (сопутствуют) тебе. Приди ко мне и дай мне советы. Я
- 9,8 раб (в) доме твоем. Дай мне (уменье) поведать о твоем могуществе, в какой бы я ни был стране. (И тогда) скажут толпы людей:
- 10,1 «велико то, что сделал Тот». (Тогда) придут они со своими детьми, чтобы
- 10,2 предназначить (их) для должности твоей, должности прекрасной для владыки побед. Радостен тот, кто занят ей.

16 БУДЬ ПИСЦОМ, ИБО УЧАСТЬ ВОИНА ТЯЖЕЛА

P. Anastasi V, 10,3—11,1; P. Sallier I, 3,6, 7,12;
P. Chester-Beatty V, recto, 5,5, 7,7; P. Turin C, 1,1—2,1

- 10,3 Обрати лицо свое к писанию ревностно, не задерживай руку свою.
- 10,4 Смотри на то, что делает Правитель: все предназначения его тверды. Учитывают всех подданных,
- 10,5 отбирают наилучших. Сдают мужчину в воины,
- 10,6 юношу — в легковооруженного воина; ребенок возвращен (для того), чтобы быть вырванным из объятий
- 10,7 матери своей. Он достигает совершеннолетия, а кости его подвергаются избиению (за это время). Разве ты осел?

- 10,8 (Но) тебя обуздают, (хотя) и нет рассудка в теле твоем.
Выполняй-ка (лучше) эту великую должность (писца).
11,1 Сладостны и изобилуют имуществом письменный прибор
твой и твой свиток папируса. Сердце твое (будет) спокой-
ным ежедневно. Заметь себе это.

17

ПИСЕЦ НЕ ОБЛОЖЕН НАЛОГАМИ ПОДОБНО ЗЕМЛЕДЕЛЬЦУ

Р. Anastasi V, 15,6—17,3; Р. Sallier I, 6,1; Р. Lansing, 7,1;
Р. Bodleian, 254; Р. Chester-Beatty V, recto, 6,6

- 15,6 Говорят мне, что ты бросил писание и закружился в удо-
вольствиях и что ты обратил лицо свое к работе
15,7 в поле, забросив слово божие. Разве не помнишь ты участ-
ти земледельца, когда учтен уро-
16,1 жай (его), после того как змея
похитила (одну) половину его и пожрал гиппопотам другую
(половину?) Ведь) множество мышей
16,2 в поле. Саранча налетела, скот (все) пожрал. Воробыи же
приносят горе
16,3 земледельцу. Остаток (урожая) на току (почти) исчерпан и
16,4 (достается) ворам, а плата за нанятый скот пропала, так как
упряжка (скота) подохла от переутомления при молотьбе и
пахоте.
16,5 И вот причалил к берегу писец, который будет учитывать
урожай. (Сопровождающие его) сборщики налога (воору-
жены)
16,6 палками, а (его) нубийцы — прутьями. Они говорят: «давай
зерно», а его нет.
16,7 Бьют они его (земледельца) яростно. Он связан и брошен
в колодезь,

- 16,8 он захлебывается. Жена его связана в присутствии его, а дети его в узах.
- 17,1 Соседи его (земледельца) покидают его и бегут (в страхе, в ожидании такой же участи), а зерно их исчезает (захваченное сборщиками налога). Но
- 17,2 писец — он руководит всеми, и не обложена налогами работа в письме. На нее нет налогов.
- 17,3 Заметь себе это.

18 Я ТОЖЕ КОГДА-ТО УЧИЛСЯ

Р. Anastasi V, 17,3—18,5

- 17,3 Слышал я, что ты закружился в удовольствиях, отбросив назад то, что я сказал.
- 17,4 Ты не обращаешь внимания ни на какие слова. Заглушили удовольствие уши твои. Живет сердце твое для кутил,
- 17,5 с которыми дружишь ты. (Но) я отучу ноги твои от хождения по улицам — будешь ты бит плетью из гиппопотамовой кожи.
- 17,6 Ведь я видел многих (непокорных) подобных тебе, которые были в зале писания и не упускали случая
- 17,7 покляться богом: «не будем писать никогда», (но все же) стали и они писцами, и (даже) были найдены имена их (подходящими для того), чтобы послать их с
- 18,1 (ответственными) поручениями. (А разве) не видел ты меня самого?* Когда я был в возрасте твоем, я проводил время жизни моей
- 18,2 в колодках: это они усмирили плоть мою и пребывали на мне три месяца. Я был

* Лучше, наверное, «(Поистине), не видел ты меня самого!». В противном случае нелогично. — А. Ч.

- 18,3 заключен в храме, в то время как отец и мать мои (работали) в поле, так же как братья и сестры. Они (родители) оставили меня (в покое лишь после того), как стала рука моя искусной,

18,4 после того как превзошел я бывших впереди меня (учеников). Я был первым среди всех товарищей моих, после того как я превзошел их в книгах. Поступай (же ты)

18,5 соответственно тому, что сказал я, и будет здраво тело твое, и будешь найден ты завтра не имеющим начальников (над собой).

19 БУДЬ УСЕРДНЫМ

P. Anastasi V, 22,6—23,6

- 22,6 Поместил я тебя в школу вместе с детьми
22,7 вельмож, чтобы обучить тебя и наставить тебя в этой вели-
кой должности (писца). Смотри, (вот) говорю я
22,8 тебе о приемах писца (учителя), о его (словах): проснись,
(ступай) на место свое! Пиши перед товарищами своими и
приложи
23,1 руку свою к одежде своей, оправь обувь свою. Приносишь
ты книгу свою ежедневно, не...
23,2 ленись. (Говорят) они: «три плюс три»... Другой прекрас-
ный случай, (показывающий) твое понимание книги —
23,3 прибавь пятнадцать циновок и ты... время жизни, начиная
читать письмо. Будешь вести
23,4 расчеты молча, так чтобы не был услышен (ни один) звук
из уст твоих. Пиши рукой своей, читай устами своими, сове-
туйся (со знающими больше тебя).
23,5 Не томись (без дела), не допускай ни одного дня безделья,
(иначе) горе телу твоему. Следуй
23,6 предначертаниям учителя своего, внемли его наставлениям,
будь писцом. «Вот я» говоришь ты каждый раз, как...

Остерегайся сказать: *‘wʒ’**.

20
НАЧАЛО ПАПИРУСА САЛЬЕ I

P. Sallier I, 3,4—3,5

- 3,4 Начало поучения (для писания) писем, которое сделал писец Пентуар в год 10-й, месяц 4-й разлива, день 7-й, когда пребывал (фараон) в доме Рамсеса Миамуна, да будет он жив, невредим, здрав,
3,5 великая душа Рэ-Хорахти.

21
НЕ БУДЬ ЛЕГКОМЫСЛЕН, БУДЬ ПИСЦОМ

P. Sallier I, 5,4—5,11

- 5,4 Начальник хранителей документов Аменемин из сокровищницы фараона, да будет он жив, невредим, здрав, говорит писцу Пентауру: «доставлено тебе это письмо, гласящее: не дай сердцу своему лететь подобно
5,6 листу (дерева) перед (порывами) ветра, не отдавай сердца своего другому. Хорош человек занятый. Не давай сердцу своему гнаться за жалкими удовольствиями, бесполезны они,
5,7 и не служат они человеку в день беды. Когда работает он, надзиратель стоит за ним и 30 (вельмож) над ним! Работает он, и не отдохают (?) силы его, (когда)
5,8 тяжелая работа перед ним, не приносит ему слуга воды, и жена не готовит пищу. Когда товарищи его...
5,9 ...человек без разума стоит и работает, и глаз его завистливо (обращается) к ним. Подобен он

* «Тошно», «противно», «остообрыйдо», «отвратно». Ср.: Wb. I. 172,2—6; Faulkner R. O. A Concise dictionary of Middle Egyptian. P. 39, последняя строка снизу. — А. Ч.

- 5.10 ...о дурной, о упрямый, ты не внимашь, когда говорю я тебе:
«устремись к ней, к работе, утонченной и молчаливой (?).
Это (именно) она руководит
- 5.11 30 (вельможами) и царедворцами обеих палат. Заметь себе
это».

22 ЛЕНИВЫЙ ПИСЕЦ

Р. Sallier I, 7,9—8,2

- 7,9 Начальник хранителей документов Аменемин из сокровищницы фараона, да будет он жив, невредим, здрав, говорит писцу Пентауру:
доставлено тебе письмо это,
- 7,10 гласящее: сердце мое в отвращении от повторения наставлений...
- 7,11 ...Нанесу я тебе 100 ударов, (хотя) ты и пренебрежешь ими всеми. Ты у меня как осел избитый, который поправляется в
- 8,1 тот же день. Ты у меня как лопочущий¹ нубиец (или негр²), доставленный вместе с добычей. Помещают коршуна в гнездо и за крылья ловят (даже) сокола. Сделаю я тебя (все же)
- 8,2 человеком, негодный юноша. Заметь себе это.

23 МОЛИТВА ТОТУ

Р. Sallier I, 8,2—8,6

- 8,2 Начальник хранителей документов Аменемин из сокровищницы фараона, да будет он жив, невредим, здрав, говорит писцу Пентауру: доставлено тебе письмо это, гласящее:

¹ Лопочущий в смысле «говорящий на иностранном языке».

- 8,3 Тот, помести меня в Ермополь, в свой сладостный (для) жизни город. Да сотворишь ты долю мою в пище и пиве и да оградишь (от ошибок) уста мои говорящие. О, хоть бы Тот охранял меня
- 8,4 назавтра (после смерти). «Подойди» говорят они (боги потустороннего мира), когда я вошел (после смерти) перед владыками (Истины на их суд) и вышел (оттуда) правогласным. О ты, великая пальма-дум в 60 локтей (высоты), на которой плоды! Есть зерна внутри плодов
- 8,5 и вода в зернах. О ты, берущий воду в месте удаленном! Подойди и спаси меня, о молчаливый Тот! О ты, колодезь, сладостный для человека, томимого жаждой
- 8,6 в пустыне. Закрыт он для того, который находит уста свои, (чтобы болтать), и открыт для молчаливого. Пришел молчаливый, и нашел он колодезь...

24 НАЧАЛО ПАПИРУСА ЛАНСИНГА

Р. Lansing, 1,1

- 1,1 (Начало поучения) для писания (писем), которое сделал царский писец, начальник скота Амона-Рэ, царя богов, Небмаатрэнхет своему подручному, писцу Унемдиамуну.

25 ВОСХВАЛЕНИЕ ПРОФЕССИИ ПИСЦА

Р. Lansing, 1,1—2,3

- 1,1 Царский писец, начальник скота Амона-Рэ, царя богов, Небмаатрэнхет говорит писцу Унемдиамуну: «следующий за Тотом» (вот прекрасное имя того, кто выполняет эту (работу),

- 1,3 ...сближается он с большими, чем он сам,
1,4 пиши рукой своей и читай устами своими, поступай соответ-
ственно тому, что я сказал.
1,5
1,6 ...к моим наставлениям для тебя и найдешь ты это полез-
ным (для себя).
1,7 ...(с пищей) и пивом. Возвеличивай себя... (вель)можами
твоими и ты будешь послан с поручением,
1,8 ...люби писать, ненавидь развлечения, и будешь ты
2,1 достойным вельможей. Не обращай сердце свое к чаще
(охоте?), отбrosь метание бумеранга и прыганье, проводи
дни в писании пальцами своими, читай по ночам.
2,2 Подружись с папирусными свитками и письменным прибо-
ром. Они сладостнее, чем (сладкий напиток) *śdh*.
Что касается письма, то для знающего его полезнее оно,
2,3 чем любая должность. Сладостнее оно, чем хлеб и пиво, чем
одежда, чем умашение, счастливее, чем наследство (в самом)
Египте (в долине Нила) или чем гробница (в пустыне) на
западе.

26 СОВЕТЫ ПИСЦА НЕРАДИВОМУ УЧЕНИКУ

Р. Lansing, 2,3—3,3

- 2,3 Парень молодой!
2,4 Как самонадеяно сердце твое! Ты не внимашь (мне), ког-
да говорю я. Тяжелее сердце твое, чем большой памятник в
100 локтей высоты и в 10 (локтей) толщины, который
окончен (и готов) к погрузке.
2,5 Собрал он множество отрядов (вокруг себя), и внимал он
словам людей. Погружен он на судно, отправляющееся из
Элефантины, и доставлен на нем, чтобы покояться

- 2,6 на своем месте в Фивах. Корову доставляют (хозяину) в этот год, а уже на следующий год она пашет и начинает внимать пастуху. Ей остается (лишь) заговорить. Лошади, 2,7 доставленные с поля, забывают они своих маток, запряжены (уже) и направляются туда и сюда по всяким поручениям его величества, да будет он жив, невредим, здрав. Они стали как те, которые родили их,
- 2,8 и (покорно) стоят в конюшне, выполняя все, (что от них требуют), из боязни побоев. Когда же я бью тебя любой палкой, то не внимашь ты. Хоть бы знал я другой способ воздействия (на тебя) — я применил бы его к тебе, чтобы ты внимал (мне), ведь ты человек способный к письму (и проявил это еще раньше), чем познал ты женщину. Восприимчиво сердце твое и
- 3,1 искусны пальцы твои, способны уста твои к чтению. Что касается письма, то оно сладостнее, чем услаждение сердца (посредством подношения) корзины с лакомством *b3j*
- 3,2 и рожками. Сладостнее оно, чем (радость) родившей матери, сердце которой не утомлено и (которая) крепка, кормя своего сына, во рту которого находится ее грудь ежедневно.
- 3,3 Радостно сердце писца, оно молодеет ежедневно.

27
ЛЕНИВЫЙ ПИСЕЦ ПОДОБЕН
БЕСПОЛЕЗНОЙ СКОТИНЕ

Р. Lansing, 3,3—4,1

- 3,3 Царский писец, начальник скота Амона-Рэ, царя богов, Небмаатрэнхт
- 3,4 говорит писцу Унемдиамуну следующее: ты слишком занят тем, что входишь и выходишь (ты мечешься и не усидчив), и ты позабыл о писании. Оторвался ты от меня и не внимашь,

- 3.5 отбрасывая мои наставления. Ты хуже, чем гусь на берегу, полный коварства. Проводит он

3.6 лето, уничтожая финики, зиму — уничтожая эммер. Проводит он остальное время года, вредя земледельцу,

3.7 (даже) не давая зерну упасть на землю (во время посева). Не умеют поймать (гуся) в ловушку и не приносят его (потому в качестве) жертвы

3.8 в храм, птицу дурную (своим) пристальным взглядом и не приносящую пользы (не работающую). Хуже ты, чем козел в горах, который живет

3.9 беганием, он не провел (еще ни одного) полдня пахая и не ступал (еще) на току совершенно. Живет он

3.10 выработкой быков, хотя и не входит в их среду. Провожу я день, говоря тебе: «пиши», (но) это (слово) подобно ране (для) сердца твоего. Что же касается письма, то сладостно

4.1 оно весьма...

28

P. Lansing, 4,2—5,7

- 4.2 Посмотри себе своими собственными глазами (вокруг). Работы (разные) перед тобой. Проводит день прачечник в хождении вверх (от воды) и

4.3 вниз (к воде). Все его тело ослабло от побелки* одежды соседей его каждый день и от стирки

4.4 белья (?) их. Горшечник вымараан землей подобно тому (человеку), у которого (близкий) человек умер. Руки его

4.5 и ноги его полны глины, и подобен он тому, кто (застрял) в трясине. Сапожник мешает дубовую кору (?), и запах, (исходящий) от него,

* «отбеливания (на солнце)». — А. Ч.

- 4,6 (более чем) ощутим, руки его красны от краппа наподобие того, который измазан своей кровью и оглядывается назад
- 4,7 (в страхе) на коршуна, подобен человеку, который обнаруживает, что тело его обнажено...
- ...приготовляет жертвенные подношения из цветов и наводит блеск на подставки и (так)
- 4,8 проводит он (всю) ночь за работой подобно тому, которого тело освещено солнцем. Купцы плывут вверх и вниз по течению,
- 4,9 и заняты они очень, перевозя вещи (из одного) города в другой и снабжая (ими) не имеющего (этих вещей). Сборщики же налогов таскают золото, самый ценный изо всех минералов. Команды судов каждого (торгового) предприятия (уже) приняли (на борт) свои грузы,
- 5,1 и отправляются они из Египта в Джахи. Бог (идол) каждого человека (члена команды) с ним.
- (Не осмеливается) сказать ни один из них: «увидим мы Египет (снова)».
- 5,2 Плотник, который работает в судостроительной мастерской (постоянно), переносит лес и складывает его. Если он выдает свою работу
- 5,3 за вчерашний день (лишь) сегодня, горе телу его! Старший плотник стоит за ним и говорит ему
- 5,4 плохое. А надомник его (работает) в поле. Тяжелее это всякой работы. Проводит он день нагруженный
- 5,5 орудиями своими, и прикреплен он к своему ящику (для орудий)... Возвращается он в дом свой (лишь поздно) вечером, нагруженный ящиком
- 5,6 орудий, своей кружкой для питья и своими точильными камнями.
- 5,7 Только (один лишь) писец (избавлен от всего этого), и он учитывает работу всех. Заметь себе это.

29
БУДЬ ПИСЦОМ

Р. Lansing, 7,5—7,6

- 7,5 Если у тебя есть рассудок, будь писцом, (ведь) ты (уже) осведомлен о (жизни) земледельца. Ты
7,6 не сможешь делать это. Заметь себе это¹.

30
СОВЕТЫ КАК СТАТЬ ПИСЦОМ

Р. Lansing, 7,6—8,7; Chester-Beatty IV, verso, 4,3;
Р. Turin D, 2,6—2,10

- 7,6 Далее, писец войска и начальник скота Дома Амуна (Небмаатрэнхт говорит) писцу Унемдиамуну:
7,7 будь писцом лоснящимся телом (и легко *) устающей рукой,
тогда ты не будешь гореть подобно лампе, подобно слабому
7,8 телом своим, ибо нет (крепких) костей человеческих в тебе,
(ведь) ты высок и хил. Если схватишь ты
7,9 груз, чтобы нести его, то пошатнешься (на) слабо волоча-
щихся ногах, будучи бессилен.
8,1 Несовершенно все тело твое, и тщедушны члены твои.
(Так) обрати же свое сердце к деятельности писца!
Прекрасна работа, достойная тебя!
8,2 Ты обращаешься к одному, и отвечают тебе тысячи. Ты
ступаешь, идя свободно по дороге, и не превращаешься в
быка, (предназначенного для) передачи (кому-либо в каче-
~~~~~

¹ Этим строкам предшествует описание жизни земледельца, повторяющееся в папирусах Анастаси IV и Салье I (Р. Anastasi IV, 16,5; Р. Sallier I, 6,5).

* «(но с не)». — А. Ч.

стве товара или налога). Ты будешь стоять во главе других.

- 8,3 Провожу я день, наставляя тебя, ты же не внимашь мне, и сердце твое подобно (пустому?) залу.
Обучаю я тебя, но (все) это (не проникает)
- 8,4 в сердце твое. Но возьми... для себя. Чаща перед тобой ежедневно¹, как птенец, следующий за матерью своей. Проложил ты (для себя) путь к
- 8,5 развлечениям и завел знакомство с кутилами. Сделал ты местом своего пребывания помещение пивоваров подобно тому, кто жаждет
- 8,6 пить пиво. Восседаешь ты в спальне вместе с (бездельником) Саефениаутефом, и получил (уже) ты
- 8,7 отвращение к писанию, и подружился с касситкой. Не делай (таких) поступков. Для чего они? Бесполезны они. Заметь себе это.

31 ПИСЕЦ СВОБОДЕН И БОГАТ

P. Lansing, 8,7—10,9

- 8,7 О следующем:
- 8,8 вот, наставляю я тебя и оздоровляю тело твое, чтобы (ты) свободно держал письменный прибор, чтобы стал ты
- 8,9 доверенным царя, чтобы открывал ты сокровищницу и житницы, чтобы принимал ты (зерно) с судов у ворот житницы
- 8,10 и чтобы выдавал ты (продовольствие) на жертвы в праздничные дни, одетый (в роскошные) одежды, и с лошадьми
- 9,1 и с твоим судном на реке. Ты окружен чиновниками, когда ты выступаешь и инспектируешь. Построена (для тебя) вилла в городе твоем, и имеешь ты

---

¹ Имеется в виду охота как развлечение.

- 9.2 должность богатую тем, что дает тебе царь. Рабы и рабыни близ тебя, а те, которые в поле на обработанных тобой землях, хватают руку твою, (приветствуя тебя). Смотри,
9.3 делаю я тебя... Вложи (любовь к) письму в сердце свое так, чтобы ограждено было тело твое от всяких (физических) работ и чтобы был ты отличным вельможей.
9.4 Разве ты не помнишь неумелого? Неизвестно его имя, и он постоянно погружен в присутствии писца, знающего свое дело (?). Подойди, (и я расскажу тебе) о злоключениях
9.5 воина...¹
10.9 ...будь писцом, чтобы быть избавленным (от участия) воина, чтобы мог ты воскликнуть и (люди) также сказали бы: «вот я», и чтобы был ты освобожден от мучений (физических работ), чтобы всякий человек искал случая превознести его. Заметь себе это.

32 УВЕЩЕВАНИЕ, ОБРАЩЕННОЕ ЛЕНИВОМУ ПИСЦУ

P. Turin A, verso, 1,5—2,2

- 1.5 [Говорят мне, что забросил ты писание и зак]ружился в удовольствиях. Сердце твое смущено, и мужество исчезло.
1.6 [Лицо твое, как горный козел:] готов ты бежать и скрываться, если на ноги твои надевают колодки, то
1.7 [поджигаешь ты их ночью и перелезаешь через] высокую стену из того места, в котором ты находишься. Входишь ты
1.8 [к отцу своему и матери своей и выходишь (от них) оправданный (ими), что льстит] сердцу твоему. Но (ведь) ты не перепел (?) и не молодой козел, потому что

---

¹ Далее следует подробное описание этих злоключений, а затем увещевание.

- 1,9 [рожден ты в зимние месяцы вместе с газелями]. А поступаешь ты, как комар, (нападающий) на шакала.
- 1,10 [Ты подобен спаривающейся птице. Не летай же ни вверх] ни вниз, ведь ты же находишься в месте усовершенствования (в школе). Не делай сердце
- 2,1 свое (сердцем) мальчика: ведь ты мужчина тридцати лет. Сладостен писец, который знает свою работу. Любит его бог его.
- 2,2 Заметь себе это.

33

ОТРЫВКИ ИЗ ПАПИРУСА АНАСТАСИ I¹

Anastasi I, 1,1—7,1
(*Cardiner A. Egyptian hieratic texts. Leipzig, 1911*)

- 1,1—1,7 Писец, изысканный сердцем, терпеливый в суждении, словам которого радуются (люди), когда их слышат, искушенный в иероглифах. Нет ничего, чего бы он не знал. Он первый и в доблести и в искусстве (богини) Сешат; раб владыки Ермополя в зале писания, помощник учителя в палате письма; первый среди товарищней, возглавляющий своих сверстников, князь (среди) своих современников, не имеющий (себе) равного. Его заслуги пребывают в каждом юноше. Его рука вытягивается, и пальцы его возвеличивают юношу. Благородный, тонкий умом, посвященный в знание, счастливый из-за..., проворный в заполнении пустых свитков..., проливающий свет на темные места летописей подобно тому, кто их написал...
- 2,3 Приветствует он своего друга, царского писца, брата своего отменного, царского писца, командующего победоносным войском, изысканный сердцем, чудный качествами (своими),

---

¹ Время Рамессидов.

умный, не имеющий себе равного ни в одном писце. Любимый всеми людьми, прекрасный для того, кто взирает на его очарование, подобный цветку болот в сердце других, писец во всяком стиле, нет ничего, чего бы он не знал, спрашивают его, чтобы ответил он, чтобы найти (слова) изысканные. Тонкий умом, терпеливый сердцем, любящий людей, радующийся делам праведным, он поворачивается спиной к несправедливости.

7.1 Ты умен, как писец, и нет ничего, чего бы ты не знал.

34 ВОСХВАЛЕНИЕ ЗНАМЕНИТЫХ АВТОРОВ¹

(P. British Museum 10684 (P. Chester-Beatty IV), 2,5—3,10
(Gardiner A. Hieratic papyri in the British Museum, Third serie.
Vol. I. London, 1936. P. 37—44; Vol. II. Pl. 18—22)

2.5 Вот, если ты сделаешь это, то ты опытный писец. Те ученые писцы временем преемников богов, которые предсказывали будущее, — их имена увековечены, (хотя) они и ушли, закончив свою жизнь, и (хотя) их близкие преданы забвению. Они не воздвигали себе пирамид из меди, надгробных стел из железа. Они не оставляли детей-наследников, которые произносили бы имена их (при отправлении заупокойной службы), но сделали своими наследниками писания и книги поучений, которые они создали. Они назначили себе (папирусные свитки) в качестве жрецов-чтецов и доску для писания взамен любимого сына (сына, на обязанности которого лежало отправление заупокойного культа). Книги поучений (стали)

---

¹ Время Рамессидов.

- 2,10 пирамидами их, а кисть была ребенком. Поверхность камня (для писания) стала женой их. Большие и малые стали их детьми, ибо писец самый главный из них (всех). Были воздвигнуты для них двери и залы (заупокойных служб), но они рассыпались (на куски). Заупокойные жрецы их (ушли?) ...их надгробные стелы покрыты грязью, их камеры преданы забвению. (Но) произносят имена их (до сих пор) из-за их книг, которые они сделали, поскольку они были хороши, и память о том, кто сделал их, (сохраняется) навеки. Будь писцом, вложи (совет) этот в свое сердце, так чтобы имя твое (процветало)
- 3,1 также. Полезнее книга, чем надгробная стела, чем крепко установленная часовня (?). Она служит в качестве часовни и пирамиды для того, чтобы произносили имена их... полезно в некрополе имя, которое (произносят) уста людей. Человек погиб, и тело его (превратилось в) прах. Все близкие его ушли в землю, но то, что он написал, заставляет помнить о нем того, кто читает (его). Книги полезнее, чем дом строителя, чем часовня на Западе. Она лучше, чем воздвигнутый дворец и чем поминальная стела
- 3,5 в храме. Есть ли здесь (кто-либо) подобный Хардедефу? Есть ли другой подобный Имхотепу? Нет среди наших близких подобных Неферт и Ахтою, главному среди них. Я напоминаю тебе имена Птахемджехути и Хахеперрэсенба. Есть ли другой, подобный Птахотепу или Кайросу? Это мудрецы, которые предсказывали то, что наступит, и то, что исходило из уст их, осуществлялось. Это найдено как утверждение, оно было написано в книгах их. Дети других (даны) им в наследники их, как (если бы они были) (собственными) их детьми. Они скрывали свою магию
- 3,10 от всего мира, (но ее можно) прочесть в их поучениях. Они ушли, и имена их забыты. (Но) писания (их) напоминают о них.

35
БУДЬ ПИСЦОМ

Р. British Museum 10684 (Р. Chester-Beatty IV),
verso, 4,1—4,5

- 4,1 Это писец облагает налогом Верхний и Нижний Египет. Он получает (налоги) с них. Он учитывает все. Все воины под его рукой. Это он вводит вельмож в присутствие (его величества) и ставит каждого человека на его (?) место. Это он распоряжается всей страной. Всякое дело под его надзором. Будь писцом, чтобы тело твое было лоснящимся и рука твоя мягкой, чтобы выходил ты в белом (одеянии), почитаемый и приветствуемый знатью. Ищут достойного и находят тебя. Не признают малого,
- 4,5 но находят искусного, и он поднят, пока не достигнет (положения) вельможи, хвалимого соответственно отличным своим качествам.

36
БУДЬ ПИСЦОМ¹

Р. British Museum 10685 (Р. Chester-Beatty V),
recto, 5,9—5,14

- 5,9 Будь писцом.
Отдай сердце этому. Полезнее это должности всякой, (будет) почитать тебя каждый человек за его должность (должность писца). Испробуй себя. Вложи слова мои в уши свои, чтобы стал ты человеком, которого ищут. Ибо горько быть воином. Его ведут, как осла. Если послан он в гарни-

---

¹ Время Рамессидов.

зоны Хар или Куш, оставив свою жену, детей и одежду дома, ест он траву полевую, как каждая * голова скота.

5,14 Заметь себе это.

37 БУДЬ ПИСЦОМ

Р. British Museum 10685 (Р. Chester-Beatty V), recto, 5,14—6,7

5,14 Будь писцом. Вложи это в сердце свое, чтобы избавиться от многих господ, и да найдут тебя завтра (знающим). Всякая работа облагается налогами, и также все подданные. Те, которые в поле пашут, жнут, складывают и молотят на току. Слуги варят фиги. Прачечники на берегу и спускаются в воду. Корабельщик — так говорят (о нем) — крокодил стоит (близ него), судно является его городом... Корабельщик изнеможен, весло в руках его, бич на спине его, и желудок его пуст от пищи. Писец же восседает в каюте, и дети вельмож гребут для него. Не учитывают работу его, нет налогов с него.

6,7 Заметь себе это.

38 ИЗ «ПОУЧЕНИЯ АНИ»¹

Р. Guimet 16959, 7,4—7,6; Р. Boulaq IV, 9,16—9,17 (*Mariette A. Les papyrus égyptiens de Musée de Boulaq. Paris, 1872. Pl. 15—23; Suys E. La sagesse d'Ani. Roma, 1935*)

Начало поучения, которое сделал писец Ани из дворца

* Слово *nb* «любой», «каждый», «всякий» в зависимости от контекста может иметь разные оттенки значения, в том числе и «какой-нибудь», «какая-нибудь». — А. Ч.

¹ Древнейшая рукопись, относится к XIX династии.

Nfr.   *.r^c.*   *.tri.*

- 7.4 Делают то, что ты говоришь, когда ты знаешь книги.
Сблизься с ними, помести их в сердце своем,
7.5 и все, что ты скажешь, будет превосходно.
Если писца назначают на какую-то (высокую) должность,
он ищет советы в книгах. Нет сына, чтобы (стать) началь-
ником сокровищницы, нет
7.6 наследника начальника канцелярии, вельможи, контролера и
писца, искусного своей рукой и в своей работе, а * это не то,
что дается детям (по наследству).

39

ИЗ «ПОУЧЕНИЯ АМЕНЕМОПЕ, СЫНА КАНЕХТ»¹

P. British Museum 10474, 1,1—28,1 (*Lange H. Das Weisheitsbuch des Amememopre*. Kopenhagen, 1925)

- 1.1 Начало поучений в жизни
1.2 и наставлений для процветания,
1.3 всякие предписания для вступления в среду вельмож.
1.4 Правила для придворных, (чтобы)
1.5 уметь ответить сказавшему
1.6 и ответить докладом пославшему (доклад)
1.7 (чтобы) направить его на путь жизни
1.8 и дать ему процветать на земле,
1.9 (чтобы) дать спуститься сердцу его на алтарь его
1.10 и отвратить его от зла,
1.11 и спасти его (человека) от уст других
1.12 и (быть) хваленным в устах людей.
1.13 Сделал (это) начальник земель, сведущий в должности
своей,
*****

* «ибо». — А. Ч.

¹ Время XXII—XXVI династий.

- 1,14 писец злаков Египта,
1,15 начальник зерна, сохраняющий (?) меры,
1,16 предписывающий (сбор) урожая для владыки своего,
1,17 распределяющий острова, вновь возникшие,
1,18 великим именем его величества
1,19 устанавливающий (пограничные) стелы на границах полей,
2,1 защищающий царя своими списками,
2,2 составляющий кадастр Египта,
2,3 писец, приносящий приношения всем богам,
2,4 дающий наделы другим,
2,5 начальник зерна, заведующий продовольствием,
2,6 засыпающий... зерном,
2,7 смиренный в Тинисском nome (в) Абидосе,
2,8 правогласный в Ахмиме,
2,9 владыка гробницы на западе Панополиса,
2,10 владыка усыпальницы в Абидосе,
2,11 Аменемопе, сын Канехт,
2,12 правогласный в Абидосе¹.
.....
15,20 Не вреди человеку кистью на свитке,
16,1 не свидетельствуй ложно,
17,6 не обманывай кисть (свою), чтобы вредить (кому-либо),
17,7 (ибо) клюв ибиса — это палец писца,
17,8 и остерегайся повредить его.
17,9 Обезьяна восседает в Ермополе,
17,10 (но) глаз ее пронизывает обе страны:
17,11 если она видит (человека), обманывающего пальцами
своими,
17,12 то лишает она его продовольствия (посредством) паводка,
17,13 что касается писца, который обманывает пальцами своими,

*****

¹ Далее сказано, что поучение написано для его младшего сына,
занимавшего положение жреца бога Мина.

- 17.14 не будет внесен в (списки писцов?) сын его.
- 17.15 Если ты проведешь время жизни своей с этими (мыслями) в сердце своем,
- 17.16 то дети твои уэрят (плоды) этого.
- 27.6— Глава 30. Посмотри на эти 30 глав — они радуют, и они
28.1 поучают, они первые среди всех книг, они делают знающим незнающего. Если прочтено это незнающему, (то) будет он держаться за них. Наполни себя ими, вложи их в сердце свое, и ты будешь человеком, толкующим их, который толкует (это) поучение. Что касается писца, сведущего в работе своей, то находит он себя достойным (быть) придворным. Приведено это поучение (к) концу (своему) писцом Шену, сыном «отца бога», Пами...

40 ШУМЕРИЙСКОЕ ПОУЧЕНИЕ ОТЦА НЕРАДИВОМУ СЫНУ¹

Kramer S. A Father and his perverse son // National probation and parole association journal. Vol. III. 1957. № 2

- Куда ты ходил?
- Я никуда не ходил.
- Если ты никуда не ходил, то почему ты бездельничаешь? Иди в школу, встань перед своим школьным отцом (учителем), повтори свой урок, открай школьную сумку, пиши на своей табличке, пусть твой старший брат (помощь

---

¹ Написано на 17 глиняных табличках и фрагментах, обнаруженных в Ниппуре. Автор поучения, имя которого неизвестно, был там учителем. Текст относится к XVIII в. до н. э., а может быть, и к еще более раннему периоду. Перевод с шумерийского и издание С. Крамера.

Поучение начинается диалогом между отцом и сыном.

ник учителя) напишет для тебя на новой табличке. Когда ты закончишь урок и доложишь (об этом) наставнику, приходи ко мне и не броди по улицам. Скажи, понял ли ты, что я сказал тебе? ¹

— Ты, который бродишь по общественной площади, разве добьешься ты успеха? Поинтересуйся же первыми поколениями (человеческого рода). Ходи в школу. Это будет полезным для тебя... То, что я скажу тебе, превращает глупца в мудреца, удерживает змею (своим) заклятием и избавляет тебя от лжи ².

.....

— Из всех человеческих искусств, которые (бог) Энки вызвал к бытию своим словом, ни одно не является таким трудным, как искусство письма...

Я не повторял бы тебе поучение моего отца, но в соответствии с тем, что установил (бог) Энлиль для человека, сын продолжает работу своего отца. Ночь и день я мучаюсь из-за тебя, (потому что) ночь и день ты проводишь в развлечениях.

.....

— Да будет благосклонен к тебе бог твой;
да будешь ты главой мудрецов твоего города;
да произносит (население) города имя твое в избранных местах;
да назовет тебя бог твой добрым именем;

~~~~~

¹ Далее отец заставляет сына повторить слова, которые сказал ему отец, и сын повторяет их. Затем начинается длинный монолог отца, обращенный к сыну, т. е. само поучение. Мы приводим только те отрывки, которые имеют непосредственное отношение к интересующей нас теме.

² Затем отец объясняет сыну, что он всегда болеет за него душой, ибо сын не серьезен. Отец подчеркивает, что никогда не при нуждал сына заниматься физическим трудом, и уговаривает его соревноваться в искусстве письма с другими писцами.

да будет благосклонным к тебе бог твой, (бог луны) Нанна;

да будет благосклонной к тебе богиня Нингал (супруга бога Нанны).

41 ШУМЕРИЙСКАЯ ШКОЛА

Известный американский шумеролог С. Крамер, прибывший в августе 1960 г. в Москву на XXV Международный конгресс востоковедов, любезно предложил мне использовать в настоящей работе материалы о шумерийской школе, которые содержатся в шестой главе его еще не изданной книги.

Я с благодарностью принял его предложение, полагая, что эти дополнительные сведения о шумерийской школе будут интересны для сопоставления их с египетскими материалами.

- 1 Писцы шумерийские, составившие десятки и даже сотни тысяч клинописных глиняных табличек с текстами административно-хозяйственного содержания, были очень многочисленны и занимали разное положение в государственной иерархии: были старшие и младшие писцы, царские и храмовые, и т. д.
- 2 Около пятидесяти лет назад в древнем городе Шурупаке при раскопках были обнаружены многочисленные школьные тексты (списки богов, животных, разных предметов и т. д.), относящиеся к III тысячелетию до н. э. Эти шумерийские списки имеют свою египетскую аналогию в ономастиконах.
- 3 Школа называлась *edubba* «дом табличек». Здесь обучались будущие писцы для административно-хозяйственной

деятельности во дворцах и храмах. Именно с этой целью в основном и была создана шумерийская школа.

В дальнейшем школа стала центром интеллектуальной жизни шумерийского народа. Здесь создавались и разрабатывались начала теологии и естественных наук — зоологии, ботаники, минералогии, географии, а также математика и грамматика.

Школа была также центром творческой литературной деятельности. Здесь не только переписывались уже существующие литературные произведения, но и создавались новые.

Из среды писцов выделялась группа лиц, посвящавшая себя исключительно творческой и педагогической деятельности. Обучение в школах, даже и храмовых, не носило богословского характера.

В массе своей писцы принадлежали к правящему классу. Писцы-женщины неизвестны.

Начальник школы назывался *ииттиа* «учитель»; его называли также школьным отцом, а ученика — школьным сыном. Помощник учителя звался старшим братом.

Школьные тексты, помимо уже упомянутых списков, содержали математические задачи и их решения (исчисление мер веса и длины, задачи на копание каналов, на сооружение зданий и т. д.), грамматические упражнения и шумерско-аккадские словари, а также школьные копии разных литературных текстов. Таким образом, во всем этом египетская и шумерийская школы очень сходны.

В шумерийской школе царила суровая палочная дисциплина.

Сохранился очерк, автор которого неизвестен (около 2000 г. до н. э.), описывающий день шумерийского школьника. В нем говорится о боязни ученика опоздать в школу, о порядке занятий в школе, о сечении школьника. Затем

учитель приветствует прилежного ученика, обогнавшего своих сверстников: «хвала тебе, Нидаба, богиня учения». Очерк написан бывшим школьником (ср. папирус Анастаси V, 17,3—18,5).

12 Сохранилась письменная полемика между двумя учениками последних классов школы, Энкиманси и Гирнишалом (переписка хранится в коллекции Гильпрехта в университете Иены). Они обвиняют друг друга в неумении писать понятно, в неспособности размежевывать земельные участки, в бессилии примирить спорящих, в незнании искусства писца, в слабом знании математики и неумении умножать и вычислять площади кругов, квадратов и треугольников.

Эта полемика имеет свою аналогию в египетском папирусе Анастаси I, в котором два писца обвиняют друг друга в невежестве.

ЛИТЕРАТУРА О ПИСЦАХ

Перепелкин Ю. Я. К вопросу о возникновении энциклопедии на Древнем Востоке // Труды Института книги, документа и письма. Т. II. Л., 1932.

Струве В. В. Манефон и его время // ЗКВ. Т. III. 1928; Т. IV. 1930.

Albright W. F. The new cuneiform vocabulary of Egyptian words // JEA. Vol. 12. 1926.

Bissing Fr. Bücher und Büchereien im Alten Ägypten // Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-Hist. Kl. 1952. Hft 8.

Bissing Fr. Die Verwendung von Musterbüchern im Alten Reich // ZÄS. Bd 53. 1917.

Borchardt L. Ein «ex libris» Amenophis III // ZÄS. Bd 33. 1895.

Brunet A. Proverbes 22,17—24,22 et la possibilité d'une source égyptienne // Sciences ecclésiastiques. Montreal. Vol. I. 1948.

Brunner H. Altägyptische Erziehung. Wiesbaden, 1957.

Brunner H. Die Methode des Anfängerunterrichts im Alten Ägypten und ihre Bedeutung // Erziehung zur Menschlichkeit. Die Bildung im Umbruch der Zeit. Festschrift für Eduard Spranger zum 75 Geburtstag. Tübingen, 1957.

Brunner H. Zum Wesen altägyptischer Erziehung // Das Alte Ägypten. Papyruskunde und Koptologie. Bücherkatalog 488. Wiesbaden, 1954.

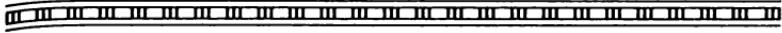
Capart J. L'exaltation du livre // CdE. Vol. 21. 1946.

Černý J. Une famille de scribes de la nécropole royale de Thèbes // CdE. Vol. 11. 1936.

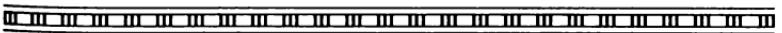
- Černý J. Paper and books in ancient Egypt. London, 1952.
- Couroyer A. A propos des dépôts de manuscrits dans les jarres // Revue biblique. Paris. Vol. 62. 1955.
- Czermak W. Akten in Keilschrift und das Auswärtige Amt des Pharao // WZKM. Bd 51. 1948.
- Czermak W. Vom grossen Gedanken Ägyptens // Archiv für ägyptische Archäologie. Wien, 1938.
- Derchain Ph. L'éducation dans l'ancienne Egypte // Le Terril. Liège, 1957—1958. № 5.
- Derchain Ph., Hermann S. Untersuchungen zur Überlieferungsgestalt mittelägyptischer Literaturwerke. Berlin, 1957.
- Desroches-Noblecourt Ch. La vie de l'écolier égyptien telle que la revèlent les oeuvres d'art // Le jardins des arts. Paris. Décembre 1954. № 2.
- Drioton E. L'enseignement dans l'ancienne Egypte // Semaine religieuse du diocèse de Nancy et de Tour. 1947. 84 année.
- Drioton E. Le mot égyptien signifiant «principe» et «maxime» // ASAЕ. Vol. 50. 1950.
- Drioton E. La pédagogie au temps des pharaons // Revue des conférences françaises en Orient. Le Caire. Vol. 13. 1949.
- Erman A. Die ägyptischen Schülerhandschriften // APAW. Phil.-Hist. Kl. 1925. № 2.
- Erman A. Eine ägyptische Schulübersetzung // ZÄS. Bd 32. 1894.
- Gardiner A. Ancient Egyptian Onomastica. Vol. I—II. London, 1947.
- Gardiner A. Imhotep and the scribe's libation // ZÄS. Bd 40. 1902—1903.
- Grapow H. Wörterbücher, Repertorien, Schülerhandschriften // Handbuch der Orientalistik / Hrsg. von B. Spuler. Bd 1. Ägyptologie. Abschnitt 2. Leiden, 1952.
- Grdseloff B. Notes sur deux monuments inédits de l'Ancien Empire // ASAЕ. 1943. Vol. 42.
- Griffith Fr., Petrie F. Two hieroglyphic papyri from Tanis. London, 1889.
- Hermann A. Buchillustrationen auf ägyptischen Bücherkästen // MDAIK. Bd 15. 1957.
- Hermann A., Dölger T. J. Dolmetschen in Altertum. Ein Beitrag zu antiken Kulturgeschichte // Beiträge zur Geschichte des Dolmetschens. München, 1956. Bd 1.
- Hermann S. Untersuchungen zur Überlieferungsgestalt mittelägyptischer Literaturwerke. Berlin, 1957.

- Iversen E. Fragments of a hieroglyphic dictionary. København, 1958.
- Junker H. Der Maler Irj // Anzeiger der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-Hist. Kl. Wien, 1957. № 3.
- Kampmann A. A. Archiven en bibliotheken in het oude Nabije // Osten Handelingen van het Wetenschappelijk Vlaams Congres voor Boeken- en Bibliotheekwesen. Gent, 1940.
- Madsen H. L'autobiographie d'un sculpteur égyptien // Sphinx. Uppsala. Vol. 12. 1909.
- Milkau F. Geschichte der Bibliotheken im Alten Orient. Leipzig, 1938.
- Morenz S. Die ägyptische Literatur und die Umwelt // Handbuch der Orientalistik / Hrsg. von B. Spuler. Bd I. Ägyptologie. Abschnitt 2. Leiden, 1952.
- Otto E. Ägyptisches Buch- und Bibliothekwesen // Handbuch der Orientalistik / Hrsg. von B. Spuler. Bd I. Ägyptologie. Abschnitt 2. Leiden, 1952.
- Otto E. Bildung und Ausbildung im Alten Ägypten // ZÄS. Bd 81. 1956.
- Polotsky J. An Egyptian epithet for a learned scribe // Bulletin of the Jewish Palestine exploration society. Jerusalem. Vol. 14. 1948.
- Posener G. Exposé sommaire sur les premiers livres édites dans le monde chamito-sémitique, II. En Egypte // GLECS. Vol. 4. 1945—1948.
- Posener G. Littérature et politique dans l'Egypte de la XII dynastie. Paris, 1956.
- Ranke H. Die archaische Statue eines Schreibendes // ZÄS. Bd 75. 1939.
- Reich N. A grammatical exercise of an Egyptian schoolboy // JEA. Vol. 10. 1924.
- Richardson E. S. Old Egyptian libraries. New York, 1911.
- Roeder G. Erziehung und Unterricht im Alten Ägypten // Völkerkunde. Beiträge zur Erkenntnis von Menschen und Kultur. Wien. Bd II. 1926.
- Schäfer H. Eine altägyptische Schreibersitte // ZÄS. Bd 36. 1898.
- Schott S. Bücher und Buchtitel // Handbuch der Orientalistik / Hrsg. von B. Spuler. Bd I. Ägyptologie. Abschnitt 2. Leiden, 1952.
- Smith S., Gadd C. J. A cuneiform vocabulary of Egyptian words // JEA. Vol. 11. 1925.
- Sperry I. A. Egyptian libraries, a survey of the evidence // Libri. Copenhagen. Vol. 7. 1957.
- Van Mensel P. J. D. Hoc Oud-Egypte schreef. Averbode (België), 1951.

- Vogelsang F.* Altägyptische Bibliothekare // Zentralblatt für Bibliothekswesen. Leipzig. Bd 30. 1913.
- Volten A.* An «alphabetic» dictionary and grammar in demotic // Ar. Or. Vol. 20. 1952.
- Walle B. van de.* Les exercices d'écolier dans l'ancienne Egypte // Revue des questions scientifiques. Louvain, 1933.
- Walle B. van de.* La transmission des textes littéraires égyptiens avec une annexe de G. Posener. Bruxelles, 1948.
- Wessetzky V.* Az óegyiptomi könyv (Le livre égyptien) // Antik Tanulmányok» (Studia antiqua). Budapest. Vol. 5. 1958.
- Wessetzky V.* Az óegyiptomi könyvtar (La bibliothèque égyptienne) // Antik Tanulmányok» (Studia antiqua). Budapest. Vol. 5. 1958.
- Wessetzky V.* Munkamódszerek kérdése az óegyiptomi könyvtártörténetben (Question de la méthode de la recherche historique sur les bibliothèques de l'ancienne Egypte) // Magyar Könyvszelme. Budapest, 1957. 73 Ev. I szam.
- Wessetzky V.* Zur Problematik des altägyptischen Buch- und Bibliothekswesens // Akten des Vierundzwanzigsten Internationalen Orientalisten Kongresses. Wiesbaden, 1959.
- Wilson J.* Ancient text corrections in Medinet-Habu // ZÄS. Bd 68. 1933.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Ю. Я. Перепелкин

О ПРОИСХОЖДЕНИИ МИНУСКУЛЬНОГО ПИСЬМА

О происхождении современного графического типа буквенного письма (в Европе и на Переднем Востоке)

Интернациональное значение латинского алфавита — его исключительная роль при выработке латинизированных письменных систем — ставит его в центр внимания науки о письме.

Современный латинский шрифт — явление далеко не однородное. Он состоит из двух резко обособленных элементов: маленьких и больших букв. Основу его составляют маленькие буквы, тогда как большим принадлежит лишь второстепенное значение — служебное. Но так было не всегда. Маленькие буквы — не что иное, как латинское письмо раннего средневековья, минускул IX—X веков, слегка подчищенный в эпоху Возрождения. Большие же буквы современного латинского шрифта — монументальное письмо римской античности (обычно в его упадочной форме) с добавлением позднейших *J* и *V*.

Логически вполне мыслимо применение одних «больших» букв мелких размеров, как мы имеем это, в известной степени, в случае русских «маленьких» букв, из числа которых только *a*, *b*, *e* по форме, а *ρ* и *у* — по положению отличаются от соответствующих «больших».

Вопрос о преимуществе больших или маленьких букв латинского шрифта — вопрос, несомненно, многогранный.

Для его решения необходимо широкое сотрудничество историков письма, педагогов, художников, графиков, работников типографского дела и других специалистов. На Отделе письма ИКДП лежит в пятилетие 1933—1938 гг. посильная разработка исторической части вопроса, выяснение социально-исторической части лица минускула. Результаты годичной работы по подтеме — происхождение минускула — дает настоящая статья.

I

Целевая установка предпринятого исследования — выяснение социально-исторической сущности латинского минускула, однако фактически поставленная задача не может быть решена исчерпывающим образом на материале латинского письма.

Для античного периода латинской графики с достаточной полнотой известны только эпиграфические виды: письмо монументальное, «актовое», скорописное, врезанное, нацарапанное, оттиснутое на твердых или затвердевших по нанесении надписи предметах. От античного латинского письма чернилами сохранились лишь скудные остатки, тогда как именно из него и развивалась минускульная графика через предшествовавшие ей средневековые почерки, и как раз исчерпывающее представление о нем необходимо исследователю. Относительно многочисленную группу составляют короткие тексты, нанесенные краской, углем и мелом на предметах, особенно обильные на стенах домов в Помпеях. Но для нашего вопроса эти случайные пометки имеют ограниченное значение, будучи менее всего способными, по самой своей природе, выявить все возможности книжных и деловых пошибов. Античные же памятники книжных и деловых пошибов латинского письма исчисля-

ются единицами: немного деловых папирусов и дощечек и несколько обрывков рукописей — вот все, чем располагала до сих пор наука в отношении римских книг и акта, писанных чернилами. Таким образом, наличный древний латинский материал не может пока что иметь самостоятельного значения для разработки проблемы минускула в его противоположности античному письму. Античные латинские данные могут получить надлежащее освещение только в свете другой, античной же, письменности, на материале которой интересующий нас процесс не может быть изучен с удовлетворительной полнотой.

Если бы не исключительный климат Египта, сохранивший нам в изобилии греческие папирусы, наше представление о характере книжных и деловых пошибов античности было бы более чем неполным. Также мы имеем возможность, хотя бы на примере одной из классических письменностей, греческой, проследить античные типы письма чернилами в их развитии, затем перерождение в средневековую графику.

Греческие папирусы дошли до нас в таком количестве, что мы можем создать себе ясное представление о книжных и деловых пошибах на протяжении тысячелетия, отделяющего древнейшие находки (вторая половина IV в. до н. э.) от времени образования минускула (VIII—IX вв. н. э.). При этом — что особенно ценно — все столетия от III в. до н. э. до VIII в. н. э., за исключением одного V в., представлены с удовлетворительной полнотой, II же век н. э. — даже с подавляющим богатством материала, V в. известен слабо, только по сравнению с другими периодами греческого письма на папирусе; по сравнению с античной латинской графикой на папирусе мы и тут находимся в сносном положении, зная хорошо предшествующий и последующий этапы развития в IV и VI вв.

Обилие и разносторонность греческого материала обеспечивают ему существенную роль при разработке нашей проблемы. Только исходя из изучения греческого материала, мы будем в состоянии надлежащим образом оценить и скучные данные латинской древности. Эти последние, возможно, станут для нас тогда характерными намеками на то, что было, и о чем мы вправе заключить на основании греческих аналогий. Иными словами, латинские папирусы уже будут иметь для нас значение не разрозненных единичных памятников, из которых каждый свидетельствует о себе и не больше, а вещественных свидетельств об общих явлениях античных письменностей.

Может возникнуть вопрос, в какой мере палеографические выводы из греческих папирусов египетского происхождения приложимы к эллинистическому письму вообще, можно ли считать, что развитие греческого письма на Балканском полуострове, в Малой Азии, Сирии и т. д., шло, в основном, тем же путем, что и в Египте? На этот вопрос следует ответить утвердительно. Аналогичных папирусов и пергаментов достоверно неегипетского происхождения сохранилось бесконечно мало, но те, что уцелели, принадлежат разным странам и периодам и, однако, при незначительных отклонениях (в формах некоторых букв или образованиях отдельных лигатур), обнаруживают ту же линию развития, что и египетские тексты. Далее, в древнейших папирусах (вторая половина IV в. до н. э.) формы букв представляют собой лишь «небрежную» передачу чернилами общегреческого письма современных им надписей, в то время как непрерывная цепь развития греческого письма в Египте приводит нас вплотную к общегреческому же унциалу и затем минускулу, представленным богато и внеегипетскими памятниками. Такое полное совпадение начала и конца также свидетельствует о единстве развития греческого

письма во всех странах Средиземноморья, что при тогдашних оживленных торговых, политических и культурных связях может быть признано только естественным.

Но если греческому письму при разработке проблемы принадлежит, бесспорно, видная роль, то в целях большей объективности, во избежание односторонних оценок, переоценки второстепенных моментов и, наоборот, недооценки существенных, представляется крайне желательным привлечь к изучению, хотя бы в ограниченной мере, материал письменностей, внешне отличных от античных, но обнаруживающих действительное или кажущееся сходство с ними в своем графическом развитии. В первую очередь, это относится к алфавитным семитическим письменностям. Графическое развитие семитических алфавитов имеет много общего с развитием классических письменностей, и, притом, процесс перерождения древней семитической графики протекал в тех же хронологических рамках и в том же средневековом мире, что и развитие античного письма. Правда, в отношении древней семитической графики мы находимся примерно в том же положении, что и в отношении античной латинской: обилие эпиграфического материала и ничтожное количество текстов книжного и делового письма написано чернилами. Исследователю перерождения древних семитических письменностей в средневековые приходится сталкиваться еще с одним существенным затруднением: невозможностью ни на одной письменности целиком проследить конкретное развитие от древних форм к средневековым (хронологически исключение составляет еврейская письменность, но именно она и не развила подлинных средневековых форм, остановилась, после разрушения еврейской государственности, на древней ступени графического развития). Процесс перерождения древней графики в средневековую распадается здесь на последовательный

ряд национальных письменностей, причем начало каждого нового звена обычно восстанавливается, за скучностью источников, только в общих чертах. Особенно чувствительно такое положение дела в отношении арабского письма, выведение которого из набатейского есть, в конце концов, только вероятная гипотеза. К счастью, однако, при всей разорванности картины, отдельные ее части, сопоставленные вместе, восполняют друг друга и дают сообща настолько стройное целое, что мы можем рассматривать их как последовательные типические этапы одного и того же процесса. Что касается характера материала, интересующего нас, то, как было отмечено, древние семитические письменности представлены обычно лишь эпиграфическими образцами. Отрадное исключение, при всей своей хронологической и локальной ограниченности, составляют памятники арамейского письма IX в. до н. э., многочисленные папирусы и черепки египетской иудейской колонии. В остальном наши сведения о древнем семитическом письме чернилами основываются на дедукциях из эпиграфических форм, а также чернильных надписях, нанесенных на предметы, на черепках и единичных папирусных находках. С началом средневековья памятники семитического письма чернилами, совершенно так же, как и латинского, становятся все более обильными. Для раннего арабского письма мы располагаем уже большим количеством не только пергаментных рукописей, но и папирусов.

В настоящей статье греческое письмо поставлено в центр внимания не только при обзоре античного периода, по указанным выше причинам, но и для средневековья. В последнем случае это предпочтение объясняется не скучностью латинского материала (хотя положение с ранним средневековым курсивным письмом оставляет желать много

лучшего), а сложностью истории так называемых «национальных письменностей» латинского средневековья, за изучение которых автор, будучи по своей специальности далек от средневековой палеографии, не имел ни возможности, ни намерения браться.

Приступая к намеченной работе, Отделу письма приходится учитывать не только неполноту сохранившегося материала, но и почти полную или частичную неразработанность социальной истории большинства периодов, входящих в круг данного письмоведческого исследования. Если с античной Грецией и Римом дело обстоит сравнительно (но и только!) благополучно, то уже для эллинистического Востока, Северной Африки и Передней Азии даже коренной вопрос об общественной формации не вышел еще из стадии разработки. Не лучше дело обстоит и с доэллинистическим Востоком, в частности, с древними обществами, письменность которых представляет существенный интерес для нашего исследования. Даже византийское и арабское общество раннего средневековья в социально-историческом отношении рисуются еще только в тумане, лишь в самых общих очертаниях, всякая конкретизация которых вызывает споры и разногласия. Таким образом, историк-палеограф находится в далеко не завидном положении, приступая к выяснению социально-исторических корней такого надстроичного явления, как минускульный тип письма. Исследователь графики зачастую должен довольствоваться одними общими выводами и вероятными гипотезами, без желательной детализации, даже историк в области социальной истории, на данной стадии развития науки, должен во многих случаях считать себя счастливым, если может ответить на основной вопрос о формации.

II

Термин «минускул» выражает историческую противоположность минускула, «маленького» письма, его предшественника, средневековому «большому» письму, маюскулу. Но если подобная «метрическая» терминология, в общем, правильно передает соотношение размеров каролингского минускула, с одной стороны, и капитально-унциального письма IV и следующих столетий — с другой, распространять ее в буквальном значении на минускул и античное письмо невозможно. Античное (греческое) письмо зачастую мельче обычного минускульного, и взятые в основном своем смысле термины V. Gardthousen'a «маюскульный» и «минускульный» курсивы для довизантийского и ранневизантийского деловых пошибов звучали бы насмешкой, поскольку одной из особенностей византийского курсива IV—VII вв. как раз и являются его большие размеры по сравнению с античным. В современном палеографическом словаре «минускул» фигурирует как условный термин для определенного вида письма безотносительно пространственных соотношений. Принятое определение минускула гласит, что он есть письмо по системе четырех линий, при которой «тельце» букв заключено между двумя внутренними, а отростки касаются верхней и нижней. Маюскул, наоборот, определяют как письмо, пользующееся только двумя линиями. Например, *ra*, *re a* — минускул, как заключенное между четырьмя линиями, а *ΡΑ*, *ΡΕ A* — маюскул, как заключенное между двумя линиями. Строго говоря, это определение формально не точно, так как отдельные проявления системы четырех линий налицо иногда в маюскульных пошибах. Достаточно вспомнить многочисленные виды латинского унциала с уходящими под строку *ρ* и *с* и выдающимися над ней *h*. Речь, таким образом, идет о количественном раз-

личии, создающем, однако, и качественную разницу: в минускуле «хвостатых» букв больше, и хвосты больше. «Тельца» букв растянуты регулярно во всю ширину собственно строчки, все возведено, так сказать, в систему и, взятое вместе, создает, несомненно, особую графическую картину. Однако, оттеняя совершенно основательно «четырехлинейный» характер минускула, приведенное определение не содержит исчерпывающей характеристики минускульного письма как графического целого. Вменяя минускулу в заслугу «хвосты» (как дифференцирующий момент), забывают о тельцах букв, имеющих в минускуле формы, отличные от маюскульных. Мы не можем удовлетвориться определением, отрывающим от комплексного явления одну из его сторон, с тем, чтобы превратить его в самодовлеющую его характеристику вне связи с остальными графическими моментами.

Заслугой Гартхаузена является установление того факта, что греческий минускул IX в. — не что иное, как стилизованный ранневизантийский курсив, возведенный в степень книжного письма. К курсиву восходят, в конечном счете, и латинский минускул, и предшествовавший ему полуунциал. На семитической почве сирийские и арабские книжные почерки представляют в этом отношении разительную аналогию: и они являются стилизованным «четырехлинейным» курсивом. Но у европейских минускулов есть еще одна общая черта с округлыми арабскими почерками: основу всех их составляет развитой лигатурный курсив.

Термин «курсив» прилагается к совершенно различным, по существу, графическим явлениям. Римское деловое письмо, письмо арамейских папирусов V в. до н. э. и новопунистский алфавит обладают, несомненно, высокой степенью беглости: формы знаков упрощены, сокращены до того, что многие из них почти или совсем совпадают друг с другом. Тем не менее, всем этим видам графики лигатурность, по

существу, чужда. Деловое письмо греческих папирусов эллинистического и римского времени в значительной мере лигатурно, но при всем том даже в наиболее лигатурных типах является лишь беглой передачей письма без лигатур. Наоборот, греческое письмо папирусов византийского периода представляет последовательное развитие лигатурного курсива. Таким же последовательным лигатурным курсивом являются деловое латинское письмо раннего средневековья, а на семитической почве — округлые арабские почерки. Развитый лигатурный курсив требует сочетания большой беглости с известной дифференцированностью буквенных форм. Античное (греческое) письмо с его исключительно четко дифференцированными основными формами букв было, пока оно исходило из этих последних, бессильно развить из себя курсив, отвечающий такому требованию. Оно должно было жертвовать, в той или иной степени, или беглостью, или ясностью графики. Развитой лигатурный курсив отправляется уже не от геометрически четких форм, а следует своим собственным требованиям. Развитой лигатурный курсив уничтожает внутри строки детализацию (по вертикали) и угловатости. Он заставляет буквы с внутренними деталями расти за строку, создает выступы и длинные хвосты над и под ней, так что в строке остается только часть буквы, уже не детализированная. Далее, угловатости буквенных «телец», составляющих собственно строку, сглаживаются, заменяясь округлыми очертаниями, удобными для беглого лигатурного письма. Минускул представляет собою каллиграфически стилизованный развитой лигатурный курсив.

Если античное письмо в своих лигатурных пошибах являлось лигатурной передачей нелигатурного письма, то минускул, написанный взаимно не связанными буквами, был бы только лигатурной передачей лигатурного письма.

Данное определение минускула дает его графическую, но не функциональную характеристику. Однако без последней оно, конечно, не полно. Дать ее отнюдь не легко, поскольку с самого начала мы встречаемся здесь со своеобразным парадоксом. Развитой лигатурный курсив, стилизованной формой которого является минускул, свидетельствует, несомненно, о развитии письма в сторону беглости. Но развитой лигатурный курсив, «минускульный курсив Гартхаузена» — явление раннего средневековья, времени сужения экономического, политического и культурного размаха общественной жизни по сравнению с предшествующими столетиями античного периода. Обычное же объяснение «любого» курсива гласит, что его вызывает к бытию усложнение жизни общества.

Поскольку «универсальное» объяснение сразу же оказывается неприменимым, нам остается только обратиться к конкретному изучению процесса перерождения античной графики в средневековую в условиях социально-исторического развития.

III

Прежде, чем перейти к рассмотрению книжного и делового письма античности и раннего средневековья, необходимо остановиться на монументальном письме этих эпох, в котором движущие силы «феодализации» графики выразились с исключительной наглядностью и резкостью.

Противопоставление эпиграфики палеографии, основанное на различии материала, техники и, отчасти, содержания памятников, привело к полному разобщению в научном исследовании монументальной и книжно-деловой графики. В литературе можно встретить протесты против подобного рассечения единого явления письма. И, действительно, ком-

плексное изучение монументальных, книжных и деловых пошибов как функционально различных видов одного и того же общественного явления должно оказаться весьма плодотворным для понимания каждого из них в отдельности.

Роль надписи в античном мире была совершенно иная, чем в позднейшие эпохи. Античная надпись являлась существенною формою письменного общения между свободными гражданами рабовладельческой демократии. В противоположность более аристократической рукописи, надпись, выставленная для всеобщего чтения, была тогда, при грамотности граждан, подлинным массовым видом письменности. Только огромным общественным значением надписи объясняется изумительное богатство и разнообразие сохранившихся до нас древних греческих и латинских эпиграфических памятников. Они представляют документы самого разнообразного характера: международные договоры, декреты, постановления, распоряжения государственных учреждений, правителей, муниципалитетов, коллегий, исторические, строительные, сакральные повествования, хроники, списки лиц, календари праздников, инвентари, отчеты, бесчисленные прославления отличившихся граждан, разнохарактерные посвящения, эпитафии и т. д. Расцвет, упадок и гибель античной надписи неотделимы от подъема, процветания и захирения рабовладельческой демократии: с концом последней кончается и античная эпиграфика. Связь демократии и надписи Ларфельд характеризует следующими словами, являющимися одновременно сжатым очерком истории греческой надписи: «Запись общественных законов на камне стоит в тесной связи с укреплением демократии... Само по себе было чем-то необычайным, если административное постановление, которое могло иметь только преходящее значение, записывалось как закон. Но постановления грече-

ских общин сохранились до нас в изобилии, в наибольшем количестве из числа всех государств от Афин, где жизнь граждан протекала преимущественно публично. С V в., времени Персидских войн и расцвета литературы, здесь, как и в других местах, возобладала склонность к графической фиксации на длительный срок. Народные постановления любого рода высекались в мраморе, а каменный архив Эллады получил свое начало. Кроме сакральных уставов и внешнеполитических определений, на камень наносились все события дня, представлявшиеся значительными демосу (наприм., снаряжение войска и флота)...

«Убыль обнаруживается лишь в период Александра Великого, когда отдельные общины не обладали уже политическим значением. Зато возросли в несметном количестве почетные и проксенические декреты, которые составляли наибольшую часть уже более старых народных постановлений...

Больше всего расточение мрамора в эпиграфических целях обнаруживается в IV и III вв. Счетные документы и административные отчеты, инвентари храмов и корабельных арсеналов, списки военных и эфебов и т. д. писались на камне, и с охотой к письму расцвела словоохотливость, особенно в бесчисленных почетных декретах...

Постепенно, однако, примерно с 200 г. до н. э., обнаруживается движение в обратную сторону, и, наконец, поток сообщений на камне совершенно иссякает... Во-первых, уже смена греческих государственных форм римским административным организмом влекла за собою в большей степени, чем потеря греками самостоятельности при Александре, выпадение многочисленных надписей. Но интенсивную роль и почти полное исчезновение каменной письменности, становящейся все дороже на мраморе вследствие хищнической эксплуатации предшествовавших столетий, можно констатиро-

вать только начиная с позднего периода Римской империи. Она (убыль. — Ю. Я. П.) идет рука об руку с растущим объединением греческих общин и частных лиц».

Ссылка на истощение запасов мрамора, как на одну из причин окончательной гибели надписи, несостоятельна, поскольку надписи, если бы в них была нужда, писались бы на другом камне. А пример Италии, в которой, во всяком случае, мрамор не иссяк, но надпись, как общественно значительный вид письменности, все-таки погибла, убедительно показывает, что причина крылась исключительно в изменившихся социальных условиях, а материал тут ни при чем. В остальном же приведенное место из «Habbuch» Ларфельда является одной из лучших сжатых характеристик судеб античной надписи. Но если надпись цвела, хирела и умерла вместе с античной демократией, мы вправе ожидать, что и графика надписи, монументальное письмо, не осталась безучастной к превратностям судьбы этой последней.

В первой половине IV в. процесс образования единого греческого алфавита получил, в основном, свое завершение. Тесные торговые, политические и культурные связи материковых и островных центров греческого мира, сделавшие невозможным дальнейшее существование локальных алфавитов, привели к новому торжеству алфавита старого торгового города, малоазиатского города Милета, и с той поры милетский алфавит стал общепризнанным эллинским письмом. IV в. до н. э. был временем небывалого роста греческого рабовладения и цветущей порою покоящейся на нем демократии для свободных. Письменные памятники масштабного значения, монументальные надписи появились в колоссальном количестве, откликаясь на все явления кипучей общественной жизни. Монументальное письмо достигло высокой ступени графического и эстетического развития, сохраняя при этом деловую простоту и чистоту форм.

Оно находилось в полном соответствии с огромным значением письма, способствуя его максимальной эффективности. Наряду с основной монументальной графикой в Аттике, ввиду громадного спроса на надпись, стали применяться даже сокращенные написания отдельных знаков, являвшиеся, однако, не заимствованием из курсива, а специально эпиграфическими сокращениями: неполными написаниями, контурами, половинками, отдельными черточками эпиграфических букв. Но с постепенным ростом числа сокращений отдельная сторона такого приема (совпадение сокращений различных букв) стала настолько ощущительной, что вызвала в первой четверти III в. до н. э. резкую реакцию, выразившуюся в изгнании усеченных форм.

После периода «эстетической» стилизации (вычурный излом вместо прямой черты, орнаментальные прилатки и утолщения на концах черт), совпадающего с началом упадка греческого мира, монументальное письмо вступило в последнюю античную фазу своего развития, падающую уже на период Римской империи. Упадок рабовладельческого хозяйства, основы античной демократии для свободных, развитие феодализирующих процессов в обществе, постепенное расслоение свободных на будущих крепостников и крепостных, общее обнищание масс и аристократизация городского самоуправления и сосредоточение его в руках зажиточной верхушки — все это вело к отмиранию надписи как массового вида письменности, рассчитанного на свободных граждан, принимающих живое участие в общественной жизни.

С падением общественного значения надписи графическое оформление ее было предоставлено на произвол резчиков. Эпиграфическое письмо наводняется формами книжного, привычными для резчика еще со школьной скамьи.

Сама по себе унификация монументального и книжного письма, обособившихся с III в. до н. э., могла бы быть признана явлением прогрессивным, но дело в том, что об унификации никто и не думал. Хотя и существуют в достаточном количестве эпиграфические тексты, написанные почти или исключительно одними книжными буквами, остальная масса памятников отличается если не отсутствием книжных форм, то бессистемным употреблением их наряду с эпиграфическими. Эта беспринципность вырождающейся монументальной графики достигает своего апогея, когда архаизаторские потуги разлагающегося общества наполняют надписи старинными и мнимо-старинными знаками. Одряхлевшее античное общество в предчувствии неминуемого кризиса охотно возвращается даже в эпиграфике к формам давно минувших времен своей юности. Если эпиграфическая архаизация встречается и в более ранние периоды, то во II в. н. э. она становится обычным явлением. Наряду с воскрешением древних форм практикуется в широком масштабе искажение «под старинку» позднейших, путем замены в них округлых очертаний угловатыми. Архаизаторством занимаются даже придворные цезарей. Савновый оратор и педагог Ирод Аттик пользуется для надписей локальным аттическим алфавитом, отмененным более чем за пять веков до него, а придворная дама в свите путешествующего Адриана, Бальбilla, увековечивает на статуе Мемнона свои стихи на мертвом эолийском диалекте алфавитом с дигаммой. Одновременно с имитацией старины шло «творчество» новых форм или, точнее, безответственная игра с монументальным письмом. Затейливые написания знаков с асимметричными и разобщенными чертами, длинными оконечностями и разными придатками приобретают постепенно полное право гражданства. Вскоре появляются и чисто курсивные образования, как, например, *h* для

Н. При этом классические эпиграфические буквы не отменяются, а продолжают употребляться с архаическими, архаизированными и созданными заново, а также рукописными каллиграфическими и курсивными. Все это употребляется вперемешку, и в одной и той же надписи можно встретить буквы различных эпох и пошибов. Окончательный удар этой упадочной эпиграфике нанесло средневековье: закрепление свободного земледельческого населения, подневольная организация ремесленников в городах, превращение городского самоуправления в тяжелую повинность означали конец массовой письменности на камне и полное вырождение эпиграфического письма. Надписи византийской поры, если не считать коротких легенд на предметах, сводятся почти исключительно к эпитафиям. Эпиграфическое письмо продолжает худшие традиции монументальной графики поздней империи и вырождается в вычурную имитацию книжного унциала, пересыпанную в изобилии неудобочитаемыми лигатурами и монограммами, начавшими учащаться еще в римское время. Прекрасную характеристику этого заключительного момента в истории греческой надписи дает Рейнах в разделе о лигатурах своего сочинения: «У византийцев, как и у арабов, монументальное письмо, и особенно эпиграфика, стало разновидностью орнаментального и декоративного искусства... Мы видим, что в византийском обществе эпиграфика не отвечает больше политическим нуждам, что ее памятники не обращаются уже к массе и перестали говорить уму, с тем, чтобы поражать только взор».

В латинской эпиграфике мы наблюдаем процесс, аналогичный развитию греческой надписи. Правда, ранние периоды каменной письменности римлян представлены достаточно слабо, и латинская эпиграфика в полном объеме начинается для нас с середины I в. до н. э., но тем не ме-

нее ввиду необозримого количественного и качественного богатства памятников история ее и за один императорский период остается весьма поучительной с точки зрения нашей темы.

Монументальное письмо времени Августа, легкое и одновременно монументальное, в полном смысле этого слова, с простыми, чистыми, правильными формами, было для последующих поколений образцом графического искусства. Весь этот пошиб является собой деловой подход к эпиграфике: в целях максимальной эффективности надписи, существенного фактора тогдашней общественной жизни, письмо отделялось тщательно, с установкой на четкость и привлекательность. Эпиграфический пошиб времени Августа является непосредственным продолжением великолепной монументальной графики позднереспубликанского времени, от которой до нас дошло, к сожалению, так мало памятников. Он сохраняется еще в цветущем виде в течение I и II вв., но уже во II в. явственно обнаруживаются в надписях традиции совсем иного порядка.

Монументальное письмо наводняется прихотливыми формами рукописного происхождения, с отогнутыми или капризно изогнутыми горизонтальными перекладинами, с непомерно разросшимися орнаментальными частичками вверху и внизу, приводящими даже к совпадению по форме различных букв. Эти и подобные им особенности надписей на камне являются результатом массового проникновения в монументальное письмо вычурной разновидности так называемого актового письма (характерного для документов на бронзе), насколько можно судить, варианта каллиграфического рукописного пошиба. Как и в греческом письме, эти «рукописные» формы чаще всего только примешивались к монументальным, и притом в разных количествах и с разной степенью курсивности. Подобное смешивание или

сплошь «курсивизированное» письмо не могло, конечно, идти в сравнение с чистым типом монументальной графики, продолжавшей существовать наряду с ним. От III в. дошли уже попытки перенесения на камень унциального письма, бывшего в ту пору, вероятно, еще новым видом рукописной графики. Чем дальше мы отходим от цветущей поры рабовладельческого Рима (позднереспубликанского периода) и основанной на рабстве демократии свободных, тем явственней упадок общественного значения надписи, тем сильнее вырождение ее графики. Конец III в. характеризуется уже глубоким упадком каменной письменности, и с той поры грубость и небрежность исполнения, непоследовательность, причудливость и произвольность форм, склонность к заимствованиям у делового письма растут в угрожающем масштабе.

История гибели как греческой, так и латинской монументальной графики обнаруживает, в основном, один и тот же процесс. Четкое и простое письмо античности расцветает, искажается и вырождается с расцветом и концом надписи как массового вида письменности, неразрывно связанного с судьбами демократии. Четкое и простое письмо эпохи развитой рабовладельческой демократии, с ее потребностями в широком эпиграфическом выражении, сменяется постепенно искажением графики в период разложения рабовладельческого общества, развития в нем феодализирующих процессов и упадка его эпиграфической культуры: монументальное письмо раннего средневековья, эпохи окончательной гибели остатков демократии рабовладельческой, закрепощения прежних свободных и смерти демократической надписи, представляет уже картину полного вырождения. Если монументальное письмо было настолько тесно связано с античной демократией, не вправе ли мы ожидать такой же зависимости между нею и другими вида-

ми письма, только, может быть, не столь резко выраженной, поскольку надпись была массовым видом письменности, равно как и курсивное письмо их повседневного обихода. Античность с ее государственными, общественными и частными школами, обеспечивавшими грамотность и культурность свободных граждан, представляет настолько разительный контраст с последующим феодальным периодом, с неграмотностью закрепощенных масс, а иногда и подавляющего большинства эксплуататоров, что представляется вполне обоснованным искать в этой противоположности рабовладельческой демократии и аристократического феодализма объяснение коренного различия между античным и средневековым рукописным письмом; иными словами, применить опыт анализа эпиграфического развития к изучению минускула как антипода древней графики.

IV

Рукописное греческое письмо становится нам известным только со второй половины IV в. до н. э., вернее, с его исхода, так как к более раннему времени можно приурочить только папирус с «Персами» Тимофея. От конца IV и начала III вв. дошел уже целый ряд греческих папирусов. Таким образом, наши наиболее ранние сведения о рукописной эллинской графике не восходят далее того времени, когда греческая письменность стала распространяться в завоеванном Александром Египте. Это значит, что о письме книг и грамот цветущей поры эллинского общества мы можем судить только по последним, и притом достаточно скучным, представлениям этого пошиба, переросшего вскоре затем в «птолемеевскую» графику. Все, чем мы располагаем от более ранних времен для суждения о доэллинистическом рукописном письме, сводится к более или менее

беглым надписям на керамике и металле и отдельным курсивным формам в монументальных текстах. Но подобных косвенных и ненадежных форм, конечно, более чем не достаточно для реконструкции подлинного облика современной им рукописной графики, так что осторожнее ограничиться одними данными древнейших папирусов.

На какой же ступени развития застаем мы в этих последних рукописных графиках? Наиболее характерными особенностями этого раннего письма являются следующие: 1) близость к монументальному пошибу, 2) отсутствие существенных различий между книжным и деловым почерками, 3) отсутствие настоящих лигатур в деловом письме. Книжное и деловое письмо оказываются не чем иным, как несколько беглой передачей пером и чернилами монументальной графики с сохранением даже таких ультраэпиграфических форм, как *E*, вскоре же совершенно вытесненных округлыми *c*, как более удобными для письма на папирусе. В деловом письме обращает на себя внимание сходство его с книжным: те же формы знаков, то же отсутствие лигатур, только буквы зачастую придвигнуты плотно друг к другу. Архаичность раннего письма поражает папиролога-палеографа, никак не ожидавшего ее в эпоху высокого развития литературы и оживленной политической, общественной и хозяйственной жизни. Но такое изумление обусловлено переоценкой количественной стороны общественного развития доэллинистической Греции. Экономическая, политическая и культурная жизнь протекала в узких рамках небольших государств, и о широких размерах торговли можно говорить только применительно к масштабам самой Эллады. Иными словами, размах социальной жизни, который, в первую очередь, влияет на развитие беглости в письме, был еще далеко не велик. Это объясняет нам архаический характер древнейших образцов рукописных пошибов.

С того момента, как македонское оружие проложило широкий путь греческому купцу в страны древнего Востока, и создались крупные греко-восточные государства, рост денежного хозяйства, сложность правительственного аппарата, постоянные и частые сношения внутри обширных царств должны были неминуемо привести к увеличению спроса на письмо, к развитию беглых деловых почерков. С другой стороны, превращение в новых условиях литературной и научной книги в предмет широкого международного потребления, рост потребности в ее размножении путем организованной переписки толкали на разработку более удобного книжного письма, чем имитация пером эпиграфических форм.

В III в. до н. э. греческое деловое письмо в Египте обходилось зачастую еще разрозненными, не лигированными буквами, что в предыдущий период являлось, по-видимому, общим правилом. Но в III в. частная торговая инициатива была еще относительно слабо развита в птолемеевском Египте: широкое развитие ее падает на II и особенно на I в. до н. э. Если уже от III в. до нас дошли образцы очень беглых деловых почерков, то во II в. лигатурное письмо одерживает решительную победу. Лигатура была возведена в принцип, и там, где она почему-либо не могла быть осуществлена, писец охотнее, чем прежде, вставлял черточки-перемычки между знаками. Тем не менее птолемеевская лигатурная графика не позволяла еще лигатуре свободно распоряжаться буквами: она сближала знаки, но это не мешало внутри лигатурной строки отдельным ее звеньям сохранять известную самостоятельность. Когда же средиземноморский мир сложился в одно экономическое и политическое целое в рамках хищной Римской империи, и тогдашняя «мировая» торговля достигла наивысшего развития, деловое письмо выработало почерк исключительной бегло-

сти, связывающий знаки как только можно, принося в жертву лигатуре самостоятельность букв.

Но какой бы беглости ни достигало в отдельных почерках деловое письмо птолемеевского и особенно римского периода, книжный, каллиграфический пошиб сохранял старый тип, с самостоятельными буквами, не связанными между собой лигатурой. Только буквы стали круглее, ровнее и немного курсивнее. Иначе и не могло быть. Книга была рассчитана на массового читателя. Насколько охочи были до чтения даже египетские греки, вкрапленные в толщу туземного населения, показывают многочисленные находки литературных папирусов в захолустных местечках Египта. Написанная же лигатурным деловым письмом книга была бы недоступна рядовому свободному, обученному грамоте, главным образом, на простых, не связанных буквах. Античное книжное письмо было лишь каллиграфической формой элементарного школьного письма.

Наряду со школьным, каллиграфическим и деловым пошибом, различают еще индивидуальные почерки лиц, не бывшими профессиональными писцами книг или актов. С такими почерками мы знакомы как по отдельным цельным документам, так и по припискам к актам, написанным рукой профессионального писца. Материал для суждения об индивидуальных почерках особенно богат для римской эпохи, и здесь мы наблюдаем греческую графику во всем ее социальном многообразии — от беглой, неразборчивой руки сановника, не утруждавшего себя чистописанием, в расчете, что вышколенные подчиненные разберут его почерк, каким бы беглым он ни был, и до простых, не связанных букв в элементарной школьной форме, в подписях обывателей, редко берущихся за перо.

Эта шкала градаций курсивности и связанности графики в индивидуальных почерках всегда весьма поучительна.

Дело в том, что и деловое письмо даже в римскую эпоху, в которую оно достигает в отдельных пошибах исключительной беглости, представляет такие же, только более стильные, выдержаные градации от почти книжных каллиграфических почерков в обособленными буквами через смесь лигатурного и нелигатурного письма к связному, бесконечно беглому и трудно читаемому курсиву. Эти вариации в деловом письме могут быть особенно хорошо прослежены во II в. н. э., для которого папирусный материал исключительно богат. До известной степени нечто аналогичное находим мы даже в книгах, поскольку некоторые произведения дошли до нас в копиях курсивным письмом, но здесь подобные отступления от принятого каллиграфического почерка были исключительными, терпимыми лишь в списках, сделанных для собственного употребления, или самых дешевых «изданиях».

Школьное письмо, которому обучали в школе, состояло из букв в их основной форме, без лигатур. На этих буквах учились чтению и письму, ими обычно писали всевозможные упражнения, ими же, только в каллиграфической форме, были написаны книги, читавшиеся дома и в школе. Обучение лигатурному письму в начальной школе вряд ли шло дальше знакомства с самыми элементарными курсивами. Масса свободного греческого населения довольствовалась графикой, усвоенной в школе, с простыми, основными формами букв, не связывая их обычно между собой. Те, кому доводилось писать чаще, приобретали больший навык в курсиве и примешивали к своему нелигатурному письму в той или иной степени лигатурные сочетания. Наконец, лица, вынужденные обстоятельствами писать много, напрактиковавшись в беглом письме, охотно связывали все, что могли, лигатурой, экономя тем самым время и труд. Профессиональные деловые пошибы представляли также более

стильный, вышколенный вид курсива, также с различными степенями лигатурности, в зависимости от того, насколько писец старался приблизиться к нелигатурному письму и каллиграфическому пошибу. В обществе, где большинство грамотных пользовались простыми, основными формами письма, и переход от этих последних к лигатурному курсиву осуществлялся конкретно в массовых нелигатурных почерках, лигатурный курсив не мог свободно развиваться: он слишком тесно сплетался в этом обществе с графикой без лигатур, чтобы развиться в обособленный от нее вид письма. Недоразвитый лигатурный курсив античности в последней инстанции оставался зависимым от основных форм, был лишь лигатурной редакцией нелигатурной графики, в противоположность развитому лигатурному курсиву средневековья, конструировавшемуся сообразно своим собственным принципам лигатурного письма. Типологическое единство всех видов письма составляет сущность античной графики.

С концом рабовладельческой демократии, с катастрофическим падением грамотности в обществе и превращением письменности в аристократическую привилегию кучки крепостников или примкнувших к ним общественных прослойек характер графики должен был резко измениться. Уже в III в. н. э. в деловом письме ощущаются предшественники новой фазы развития графики. Несмотря на прогрессирующий упадок и хаос в экономической, социальной и политической жизни империи, деловой пошиб начинает совершенно неожиданно для такой общественной ситуации проявлять сугубо курсивные тенденции. Для многих почерков этого времени, начиная с конца II в. н. э., характерен наклон знаков вправо: рука писца, как бы обгоняя самое себя, нетерпеливо спешит вперед. Не менее показателен и рост по вертикали отдельных знаков. Многие писцы охотнее прежнего избегают «кропотливого» написания *B*, буквы

с внутренней детализацией, относительно небольших размеров: их *B* зачастую высовывается далеко за строку. То же происходит с вертикальными чертами, которые расходившейся руке удобно было проводить, не стесняясь их длиной. Перед нами первые зачатки развитого литературного курсива, зародыши минускульной графики. Но раньше, чем стать развитым лигатурным курсивом, деловое письмо должно было еще сбросить с себя зависимость от основного, школьного типа письма. Эта «эмансипация» произошла в IV в.

Отмеченные особенности деловых греческих почерков III в. знаменуют начало отхода от античной традиции в сторону сведения особой курсивной графики, не зависимой от элементарных письменных форм. Это свидетельствует об упадке письменной культуры среди свободных, при начинаящемся распаде той реальной общественной связи в виде массовых посредствующих почерков, которая существовала между лигатурным курсивом и простым письмом большинства грамотных людей. Но не только закрепощаемые массы отходят культурно от писца, предоставляя его и его почерк самим себе: писец, как и они, только иным образом, подпадал под влияние нового формировавшегося класса крепостников.

В канцеляриях крупных сановников римского Египта уже во II в., а может быть, и раньше, писали особым пошибом делового письма, так называемым канцелярским письмом, имеющим, при тщательности отделки и неразвитости лигатуры, много общего и с каллиграфическим дуктусом. Это чопорное, строго выраженное письмо с большими прямыми буквами, производящее впечатление решетки из вертикальных черт, следующих друг за другом в иератической, торжественной монотонности, было призвано придать в глазах подчиненных импозантную внешность грамотам сановни-

ков. По мере того, как вельможи и остальные их социальные сородичи, крупнейшие землевладельцы из верхней прослойки рабовладельцев, перерастали в господствующий класс крепостников, а свободные граждане превращались в бесправных крепостных, деловое письмо все более выходило из зависимости от умирающей массовой письменности, теряло демократическую простоту и подпадало под влияние нарочито стилизованного и «велеречивого» письма господ. В III в. мы наблюдаем уже во многих почерках определенную зависимость от «канцелярского» письма. Но античная демократия еще была жива в III в., и только в середине IV в., с торжеством крепостничества, канцелярское письмо могло стать на место простого античного курсива. Этот последний исчезает, и деловое письмо становится лишь курсивной передачей канцелярского пошиба, а не элементарных основных форм школьного письма. Стремление канцелярского письма к внешней импозантности получило в новом деловом пошибе дальнейшее развитие: буквы пишутся куда больших размеров, чем в скромном деловом письме древности, с исполинскими росчерками и петлями. Но не это пристрастие к пышным размашистым формам составляет интимнейшую сущность деловой графики IV в. и особенно следующих столетий — сущность этих почерков заключается в их минускульном характере.

В обществе, где основную массу населения составляли неграмотные крепостные крестьяне и подневольные ремесленники, не могло уже быть речи о народной письменности. Лигатурный курсив не сплетается уже в этом обществе с нелигатурным элементарным письмом. Те, кто теперь стали писцами, были, как правило, люди высокотренированные в письме, еще в ранней юности отошедшие от элементарных школьных форм, привилегированные грамотеи феодализирующегося общества. Под их рукою лигатурный курсив, не

связанный уже общественно с нелигатурным письмом, развивается, естественно, в сторону максимального удобства для пишущего. «Кропотливая» детализация внутри строки уничтожается путем систематического вынесения частей букв над и под строку и округления в них угловатости. Такое деловое письмо не является уже лигатурным написанием основных нелигатурных форм: его структуру определяют требования связанный скорописи. Так разрабатывается развитой лигатурный курсив, минускульный курсив, по терминологии Гардтхаузена.

Аристократизация курсива отвечала аристократизации книжной графики. Античная книга, рассчитанная на широкого читателя, пользовалась ясным и четким письмом с раздельными буквами, которые, конечно, только и были пригодны для рядового свободного грека, обученного в школе, кроме них, в лучшем случае, только начаткам лигатурного письма. Характерной особенностью древнегреческой книжной графики являлось замечательное умение сочетать четкость, предполагаемую массовым назначением книги, и быстроту написания отдельных букв, обусловленную размерами спроса на книгу, которая, к тому же, не должна была быть слишком дорогой.

С закрепощением народных масс, с падением грамотности, сужением литературных и научных интересов спрос на книгу должен был катастрофически снизиться. Книга становится достоянием привилегированных, и притом в небольших количествах. Скромная внешность папирусного свитка, этой ходкой демократической книги античности, заменяется пышным великолепием пергаменных кодексов. Пергамен тончайшей выделки, иногда окрашенный в пурпур, в покрышках, осыпанных драгоценными камнями, становится носителем соответствующего ему по великолепию унциального письма, выводившегося, к тому же, в пурпурных

кодексах золотыми и серебряными чернилами. Унциальное письмо, в основе которого лежит стремление к абсолютной равномерности знаков, достигало под пером вышколенных виртуозов-каллиграфов действительно изумительной правильности и выдержанности. Рукописи, изготовленные подобными мастерами графики, были, конечно, менее всего рассчитаны на широкий круг покупателей. Те немногие, которые могли их приобретать или заказывать, обращались с ними почти как с сокровищами. Крепостническая аристократия требовала для своей книги, прежде всего, роскошной внешности, и великолепное унциальное письмо сполна отвечало этой потребности. Наряду с пышными «изданиями», предназначавшимися для знати, существовали, конечно, и более дешевые, но их письмо, в общем и целом, представляло только второстепенную редакцию того же унциала господствующего книжного письма господствующего же класса. Первые определенные предшественники этого мучительно выдержанного письма датируются III в. н. э., временем нарождения нового эксплуататорского класса, подобно тому, как к III же столетию относятся и первые проблески минускульного курсива в деловом письме. В IV в. и отчасти V в. унциальные формы, при всей своей искусственности, отличаются еще достаточной простотой, в противоположность тяжелой роскоши следующих столетий. По существу своему, однако, унциал был только утрированной каллиграфической редакцией демократической графики, графики не лигатурной, рассчитанной на массового читателя. С утверждением нового общественного строя такое письмо с раздельными буквами, как унциальное, являлось уже, в сущности, пережитком предшествующей эпохи. Тренированные грамотеи средневековья, в узком кругу которых замкнулась теперь книжная письменность, могли обходиться и более удобным для пишущего видом графики, подчи-

щенным лигатурным курсивом. Но пока длился процесс умирания рабовладельческого строя в недрах крепостнического общества, пока культура древности тяготела традиционным образом над идеологией нового общества, громоздкая редакция античной графики, унциальное письмо, продолжала влакить свое существование.

Со вступлением процесса феодализации в заключительную фазу и соответственным ослаблением влияния пережиточной античной цивилизации на византийскую создавалась почва для реформы книжной графики. После глубокого упадка литературы в VII в. вырисовывается постепенно новая пора ее подъема. Это становится особенно заметным в IX в., когда вокруг открытой в Константинополе высшей школы группируются представители феодальной учености. Оживление письменности выдвинуло в VIII—IX вв. требование на более удобную графику, чем кропотливый унциал. Тогда обратились к деловому письму, подчистили его и перенесли в книгу. К VII—VIII вв. деловое византийское письмо завершило свое развитие: теперь оно являлось вполне развитым лигатурным курсивом, свободным от детализации и угловатостей внутри строки, с длинными надстрочными и подстрочными «хвостами» и округленными «тельцами» букв. В конечном итоге, в качестве нового книжного письма выбрали наиболее четкий, прямой и одновременно мелкий почерк делового пошиба, хорошо известный нам из папирусов начала VIII в., стилизовали его, и новое книжное письмо, минускул, был готов. Древнейшая датированная минускульная рукопись относится к 835 г., но уже в X в. победа минускула над старыми унциалами была решена бесповоротно. В X и XI вв. унциал сохранялся еще по традиции, главным образом, в богослужебных книгах, но в это время он был уже чисто искусственным письмом.

К XII в. унциальные рукописи совершенно прекращаются: в дальнейшем унциал (?) сохраняется в книгах лишь в виде орнаментального письма для заголовков. Великолепные минускульные рукописи IX—X столетий не уступали лучшим унциальным по внешней красоте: одновременно лигатурный, беглый минускул представлял бесконечно большее удобство для опытного писца, чем унциал. По сравнению с этим последним, не говоря уже о школьном и книжном письме античности, минускул невыгодно отличался трудностью овладения его лигатурно-курсивной графикой, как в отношении чтения, так и в отношении письма. Но для привилегированных искушенных грамотеев все это не представляло никаких трудностей и сторицей искупалось удобствами письма. Для человека же, не прошедшего длительного искуса обучения, не приобретшего в минускуле навыка путем долгой и постоянной практики, этот последний представлял исполнинские трудности для его понимания и усвоения. Минускул вполне отвечал потребностям и возможностям верхов феодального общества, был их классовым, аристократическим письмом, не доступным угнетенным массам.

Чрезвычайно любопытную антитезу истории византийской графики представляют судьбы того же греческого письма у туземного населения Египта. Коптское письмо представляет собою греческий алфавит с добавлением для звуков, отсутствовавших в греческом, пяти или шести специальных букв, полученных путем стилизации из соответствующих знаков старого туземного письма — демотики, и одной графемы для слога «ти», также демотического происхождения. Древнейшие образцы коптского письма восходят ко II в. н. э., но расцвет коптской письменности падает на раннее средневековье. Зависимость коптских

пошибов от греческих в отношении образования форм несомненна¹, но также несомненно и своеобразие коптской графики. Характернейшая особенность этой последней, по сравнению с греческой, кроется в слабом развитии в ней лигатур. Деловое коптское письмо достигает в некоторых папирусах значительной степени связанности и беглости, но наряду с такими почерками в огромном количестве текстов представлены деловые почерки совершенно иного вида, нелигатурные, с раздельными буквами. Еще существенней для нашей темы то обстоятельство, что книжное коптское письмо от раннего средневековья и до наших дней было и остается унциальным письмом, без лигатур. Греческое письмо на коптской почве так и не дало минускула. Чем же объясняются эти коренные отличия от византийского пути развития? Туземное египетское население в раннее средневековье распадалось, в основном, на крепостных, мелких свободных производителей и монахов. Господами в стране были иноземцы: византийцы и затем арабы, давившие в различной степени на все слои туземного населения. Деловое коптское письмо разрабатывалось не в государственных канцеляриях, не писцами высокой квалификации. Писали им, в первую очередь, скромные деревенские, городские и монастырские писцы, не искушенные в беглом, но замысловатом лигатурном курсиве своих привилегированных греческих коллег. Значительной массе коптских писцов приходилось довольствоваться элементарным письмом с раздельными буквами, и только некоторые, хотя и достаточно многочисленные, грамотеи овладевали в той или иной мере беглой лигатурностью византийского делового пошиба,

¹ Были попытки использовать в качестве книжного письма наклонный и более крупный деловой почерк, но они не имели прочного успеха.

перенося ее и в свой туземный вариант греческой графики. Аналогичными причинами обусловливалась и «архаичность» книжного письма. Образованный слой приниженно-го коптского населения не мог, понятно, стоять на той же культурной высоте, что и привилегированные византийские грамотеи. Если отдельные туземцы и владели в совершенстве греческим минускулом, то для остальных грамотных коптов-читателей, а, вероятно, и переписчиков, он представлял бы, надо думать, величайшие трудности для понимания и усвоения. Этим объясняется сохранение коптами для своей книги унциального письма с раздельными, но лигированными буквами. При этом характерно, что «коптский» унциал — далеко не то же, что классический византийский, изысканное и прихотливое письмо знати. Если до нас и дошло значительное количество образцов унциальных коптских рукописей в византийском стиле, то характерный «коптский» (?) унциал, по всей вероятности, — не что иное, как «канцелярское письмо, превращенное в книжное». Помпезная каллиграфия византийского унциала была не по средствам коптской книге.

Изложенное понимание истории греческой графики в древности и в раннее средневековье позволяет нам быть краткими при обзоре процесса «минускулизации» в латинском письме. Как отмечено было в начале статьи, памятники римских книжного и делового письма сохранились более чем в скучном количестве, и только аналогия греческого письма позволяет должным образом оценить то немногое, что уцелело.

Папирусный фрагмент, найденный в Геркулануме и содержащий отрывок поэмы, посвященный битве при Акциуме, может служить нам прекрасным образчиком графики рядовой латинской книги в относительно цветущую еще пору римского общества (папирус датируется временем

между 31 г. до н. э., годом битвы при Акциуме, и 79 г. н. э., годом разрушения Геркуланума извержением Везувия). Перед нами письмо, сочетающее в себе изумительным образом легкость линий и большую беглость с чрезвычайной четкостью форм. Лигатуры нет и в помине: знаки разделены значительными промежутками, а слова даже точками; формы букв угловатые, резко индивидуальные, позднейшая унициальная окружность, несмотря на всю беглость графики, совершенно отсутствует.

Римское деловое письмо чернилами в первые три столетия н. э. как в папирусах, так и на твердых поверхностях отличалось от делового греческого слабым развитием лигатуры. Тем не менее, многие знаки поражают своей упрощенностью, доходящей до совпадения различных по значению форм: курсивные *B* и *D* обычно далеко отходят от монументальных и книжных написаний. Во многих почерках обращает на себя внимание непомерная длина по вертикали значительного количества букв: эта особенность, хотя и не имеющая ничего общего с надстрочными и подстрочными отростками развитого лигатурного курсива, выброшенными за недетализируемую связную строку, заполненную во всю высоту «тельцами» букв, свидетельствует о быстроте и размахистости руки, «не располагающей временем» на выписывание детализированных букв таких же небольших размеров, как и недетализированные. При всем этом латинский курсив являлся беглым написанием монументальных книжных форм: иногда его справедливо называют «капитальным» курсивом — по родству его с капитальными формами букв. Несмотря на то, что римский курсив, нелигатурный по существу, поддавался бесконечно легче усвоению, чем лигатурный греческий, мы находим и на латинской почве градацию почерков от элементарного

школьного пошиба, с выписанными основными формами, и до чрезвычайно беглых, с едва намеченными знаками.

В этом отношении особенно поучительны помпейские граффити, дающие в изобилии образцы сосуществовавших одновременно массовых почерков.

Пока существовала народная письменность, пока курсивная графика была общественно связана с основными элементарными формами и не могла от них оторваться, до тех пор в латинском деловом письме не могло быть речи о развитии лигатурного курсива. Однако в IV в., с закреплением прежних свободных и концом рабовладельческой демократической письменности, картина резко меняется. Если древнее римское деловое письмо далеко отставало от современного ему греческого в отношении лигатуры, то теперь оно с изумительной быстротой нагоняет своего восточного собрата. При этом трансформация идет в определенном направлении: не по линии простого лигирования старых знаков, а в сторону развитого лигатурного курсива. Латинское деловое письмо IV и особенно VI вв. представляло такой же минускульный курсив, как и византийское: с лигатурной строкой, свободной от внутренней детализации по вертикали и угловатостей, с длинными отростками вверх и вниз и округленными «тельцами» букв. Латинский минускульный курсив IV—VI вв. настолько напоминает современный ему греческий даже во второстепенных моментах, что невольно напрашивается мысль, что общим тенденциям западного и восточного курсива в эту эпоху позволила оформиться одинаковым образом та тесная связь, в которую вступила на почве Византии римская государственность с поздним эллинизмом.

В этот период в книжной латинской графике возобладали ультракаллиграфические пошибы, подобные греческим. Латинская книга развивает теперь максимальную помпу в

материальном плане (тонкий пергамен) и греческом оформлении. Утрированная каллиграфия выливается в ряд кропотливых пошибов: капитальный квадратный, имитирующий монументальную эпиграфику, капитальный рустический, подражающий так называемому «актовому» письму древности, письму античных каллиграфических книг и документов на папирусе, засвидетельствованному также на металле и в более беглых надписях, и круглый унциальный — подлинное книжное письмо начинаящегося средневековья, — восходящий еще к III в. н. э. Эти изысканные и пышные пошибы, примененные с исключительным мастерством, со строгим соблюдением равномерности и выдержанности графической картины должны были служить внешнему великолепию книги господствующего класса — крепостнической аристократии. Но при всем том перечисленные виды книжного письма, даже самый беглый из них — унциал, оставались только каллиграфической утрировкой старого демократического письма с раздельными буквами.

Отмирание античности на Западе шло куда быстрее, чем в Византии, соответственно, и власть традиционной античной культуры, в частности, ее письменность, над идеологией рушилась здесь быстрее, чем на Востоке. И вот уже в V в. появляются книги, написанные буквами, почти сплошь совпадавшими по своему типу с написаниями развитого лигатурного курсива, хотя и стилизованными еще по возможности под унциал. Это письмо, полуунциал, который иногда называют докаролингским минускулом, можно было бы считать заключительной фазой «минускулизацией» графики, если бы не известная робость его минускульных проявлений под влиянием унциального пошиба. Смешанный тип книжной графики, соединение каллиграфических и книжных форм мы находим еще в III в. н. э. в остатках папирусной рукописи Ливия (дешевом издании или копии для

собственного употребления, вроде древнегреческих курсивных книг?), но здесь еще не может быть речи о минускуле. Полуунциал же в случае большинства букв избегает вертикальной детализации и угловатости внутри строки путем выведения надстрочных и подстрочных и округления «телец» знаков во всю ширину строки. Зависимость полуунциала от унциала выражается в случаях внутристрочной детализации знаков, не вполне, впрочем, иэжитой и в позднейших написаниях, а также в сохранении существенной доли напряженной равномерности в графической картине и в значительном предрасположении к разобщенности знаков.

Если отвлечься от этих второстепенных элементов, то в лице полуунциала мы имеем уже подлинное минускульное книжное письмо. Так, одна из форм каллиграфической стилизации развитого лигатурного курсива, каролингского минускула IX в., явилась только наиболее удачным продолжателем минускульных традиций в книжной графике средневековья, нашедших свое продолжение уже в полуунциале. На долю каролингского минускула выпала и окончательная победа над пережиточными видами маюскульного письма. Остановиться на истории образования каролингского минускула, ввиду сложности ее, требующей специальных занятий, у автора нет здесь возможности, как это и было отмечено в начале статьи.

Каролингский минускул явился результатом графического развития периода раннего средневековья, времени аристократизации письменности, и даже в случае полной раздельности букв был, по существу своему, нелигатурной стилизованной редакцией развитого лигатурного курсива. Сохранил ли он отпечаток аристократичности, лежавшей на нем в момент возникновения, и после превращения его в печатный шрифт?

Ответ на это может дать только всестороннее изучение дальнейшей истории минускула и его современного использования в школе, печати, графической практике. Здесь же я позволю себе лишь обратить внимание на то, что основная черта „минускула — результат его происхождения из развитого лигатурного курсива, обезличенность букв, неопределенность, ненаглядность, слабая дифференцированность их очертаний, сохранилась, в сущности, нетронутой в латинском шрифте до наших дней. Достаточно сравнить между собой хотя бы формы целого ряда букв, чтобы эта особенность печатного минускула стала очевидной. Отличие в данном пункте феодального минускула от античного маюскула окажется с достаточной ясностью не в пользу первого, если мы сопоставим хотя бы несколько пар букв с соответствующими маюскулами. Это хорошо проиллюстрировало бы общую обезличенность, ненаглядность и неопределенность очертаний минускульной латинской графики. Искупается ли этот недостаток минускульного письма какими-нибудь другими свойствами, позволяющими пренебречь отмеченными явлениями, — ответить на это — дело будущих исторических и практических исследований.

V

Наш обзор тысячелетнего развития греко-римской письменности, от античной графики к феодальному минускулу, был бы неясен без учета сходных процессов в семитическом алфавитном письме, протекавших одновременно с трансформацией классической графики и в том же средневековом мире. В начале статьи уже говорилось о важности параллельного изучения античной и семитической письменностей в методологическом отношении, и были отмечены те трудности, которые стоят на пути такого изучения в свя-

зи с неразработанностью социальной истории древнего и средневекового Востока. К этому следует еще добавить, что значительные трудности создает еще и отсутствие сколько-нибудь разработанной палеографии семитических письменностей интересующих нас периодов. Поэтому в настоящей работе нам придется ограничиться констатацией (?) и посильным объяснением основных сходств и различий в истории обеих групп древних алфавитных письменностей и попыткою наметить общий ход графического развития семитических алфавитов под углом зрения нашей проблемы. Во избежание недоразумений я должен здесь оговориться, что, сравнивая графическую историю семитического и античного алфавитов, я имею в виду не внутреннее развитие той или иной отдельной семитической письменности, а общее развитие всех семитических письменностей в целом, слагающееся из последовательных видов национальных письменностей. Исследования проф. В. В. Струве в области древневосточной истории все с большей убедительностью вскрывают огромную роль рабского труда в хозяйстве древних переднеазиатских и африканских обществ, и мы можем с большой вероятностью говорить о сиро-палестинских государствах и Карфагене, как о подлинных рабовладельческих обществах. Насколько позволительно судить на основании доступного материала, общественный строй не только рабовладельческих царств, но и карфагенской республики¹, отличался значительно более аристократическим характером, нежели строй греческого и римского обществ после окончательного перехода их на рельсы рабовладельческого хозяйства. Прочное господство в древневосточных царствах и республиках аристократической верхушки над

¹ За исключением самого позднего периода ее истории, как на то обрацает мое внимание проф. В. В. Струве.

остальной массой свободных, естественно, понижало общественную и культурную активность последней и не могло способствовать широкому распространению таких массовых видов письменности, как античные книга и особенно надпись, вызванные к жизни общественной активностью и культурными запросами свободных масс рабовладельческих демократий. Это различие между древним Востоком и классической древностью находит, конечно, свое выражение и в истории графики. Если в греческом и римском обществах письмо сохранило облик четких и раздельных букв, а с развитием делового курсива противостояло ему до известной степени, как специфический вид графики, по необходимости каллиграфически ясный в силу своего массового назначения, то развитие древнесемитических алфавитов представляет в отношении сосуществующих графических типов куда более однородную картину. Различия в беглости, к которым, в сущности, сводятся все типологические различия внутри античных письменностей, в случае древнесемитического монументального, книжного и делового пошибов были настолько несущественными, что все они вместе представляются одним графическим потоком при ведущей роли делового пошиба, несопоставимо более актуального в аристократических древневосточных обществах, чем все остальные.

При изучении функциональных типов древнесемитической графики мы сталкиваемся с существенной трудностью в виде скудости, а зачастую и полного отсутствия образцов книжного и делового письма чернилами на мягких материалах, но это препятствие все же не представляется непреодолимым, и отмеченная однородность пошибов позволяет и по эпиграфическим памятникам реконструировать с достаточной определенностью цельную картину графического развития.

От крупнейшей рабовладельческой республики восточной древности, Карфагена, и туземного населения римской Африки до нас дошли многочисленные надписи на камне и сравнительно очень немногочисленные записи чернилами, короткие тексты, нанесенные на предметы. В граффити мы находим более беглые формы, чем в одновременных монументальных текстах, встречаемся с отдельными случаями лигатур, но, тем не менее, письмо каменных надписей воспроизводит с полной ясностью основную линию развития беглого письма, будучи, по существу, лишь перенесенным на камень курсивом. Пунический алфавит, письмо богатой и могущественной рабовладельческой республики, обнаруживает в надписях все черты размашистой беглой графики. Эта особенность пунического алфавита становится особенно заметной при сравнении его с более ранним и степенным видом того же письма — финикийским. Пуническое письмо обслуживало куда более сложную и развитую хозяйственную и государственную жизнь, чем финикийское в старом Тире и Сидоне, и писать им приходилось быстрее и чаще. Когда же в последние столетия до н. э. Карфаген и завоеванная римлянами Африка включились в условия все возраставшего географического охвата эллинистического и римского мира и в подлинно мировую по тогдашним масштабам торговлю, из прежней пунической графики развился значительно более беглый новопунический дуктус, воспроизведенный, опять-таки, вскоре каменными надписями эпохи. Последнее тем более характерно, что новопунический алфавит представляет собою крайнюю степень курсивности. Камень передает эту скоропись в обличье типично чернильной графики, притом настолько беглой, что прежде различные, а теперь стершиеся от быстрого письма формы зачастую сливаются в одном начертании. Развитие финикийского письма в пуническое и затем в новопуническое,

прослеживаемое на эпиграфическом материале, наглядно показывает, что графика надписей только воспроизводила формы делового письма. Если же наиболее консервативный вид письма, монументальный, повторял, лишь в более строгом начертании, курсив, то книжное письмо, конечно, не могло отличаться ничем существенным от этого последнего. Такое положение в каллиграфическом, монументальном письме характерно: никакого специального пошиба для надписей и книг, существенно отличного от беглого письма деловой жизни, не существовало, поскольку надпись и книга не имели у пунов того широкого массового назначения, которое было свойственно им в греко-римской античности. Монументальная и книжная графика плетутся в хвосте делового письма, которому и принадлежит ведущая роль. Можно говорить лишь о хронологическом отставании первых от последнего¹. Но если олигархическая карфагенская республика и подневольная римская Африка не представляют собой пунической демократии в античном смысле, то все же нельзя забывать о привилегированном положении свободного туземного населения, противостоящего классу непосредственно или косвенно эксплуатируемых им рабов. У нас нет поэтому никаких оснований представлять себе основную массу свободного пунического населения неграмотной: напротив, постоянное участие, хотя бы в ограниченной мере, в политической и общественной жизни при развитости денежного хозяйства позволяет предполагать широкое распространение грамотности. И действительно, мы находим не столько в пуническом, но и в новопуническом пись-

¹ Возможно, что сохранение на некоторое время более ранних и четких форм букв в качестве монументального и книжного письма объясняется известной демократичностью позднего Карфагена. Новопуническая скоропись восторжествовала в надписях после падения Карфагенской республики.

ме господство самостоятельных, не связанных лигатурой буквенных форм, пускай уже сильно упрощенных графики, но, тем не менее, приспособленных даже для простого лигатурного письма, не говоря уже о развитом лигатурном курсиве. Знак может сокращаться до какой-нибудь запятой, черточки, крючочка, крестика, как мы это видим в новопунической графике, и, однако, обычно никак не связывается с другими и никогда не образует с ними связанной лигатурной строки. Перед нами явление, во многом напоминающее античный курсив, особенно латинский, и прекрасно объясняющее, по аналогии с классической древностью, применение письма широкими массами свободных. Эти последние обу-чались раздельным, самостоятельным буквам, затем, в зависи-мости от обстоятельств, один писал больше и быстрее, другой меньше и медленнее, передавая, соответственно, с той или иной степенью беглости и самые начертания знаков. Об образовании в деловом письме развитого лигатурно-курсивного пошиба в условиях такой массовой письменно-сти не могло быть и речи.

Аналогичное положение находим мы и в восточном эк-виваленте пунического письма — арамейском алфавите. Если первоначальные формы последнего мало чем отличают-ся от древнепалестинского и финикийского пошиба, то превращение арамейского письма в ассирийской, нововави-лонской и, особенно, персидской империях в международное деловое письмо восточного Средиземноморья сказалось в максимальном упрощении его графики. Распространение арамейского алфавита шло параллельно с ростом торговых связей в Передней Азии, сплачивавших ее в одно целое. Богатая деловая письменность на папирусе, развившаяся с ростом денежного хозяйства, требовала быстрого и удобно-го дуктуса, и арамейские папирусы V в. до н. э. обнаружи-вают уже богатую беглость и стертость графических форм.

Как и в новопуническом алфавите (хотя в несколько меньшей степени), формы некоторых знаков настолько нивелированы, что почти или совсем совпадают друг с другом. Тем не менее, арамейское письмо в том виде, в каком оно предстает перед нами в папирусах V в., еще не лигатурное: за исключением отдельных случаев тесного сближения букв, знаки, как правило, отделены друг от друга четкими промежутками. Таким образом, в эпоху роста денежного хозяйства семитический алфавит, как в своем западном (пуническом и новопуническом), так и в своем восточном (арамейском) ответвлении, не обнаруживает никаких тенденций к развитому лигатурному курсиву. Было бы соблазнительно такую «консервативность» арамейского письма объяснять также относительно большим распространением грамотности в тех слоях свободного населения персидской империи, которые пользовались этим письмом. С другой стороны, отсутствие античной демократичности внутри господствующего класса, в общественных взаимоотношениях свободных, мешало, как и на пунической почве, сохранению и дальнейшему развитию надписью и книгой специальных, нарочито четких видов графики, рассчитанных на широкого массового читателя. Арамейская надпись и книга не могли иметь того общественного значения, которое каменная письменность и литература приобрели в античной рабовладельческой демократии при широких общественных, политических и культурных возможностях свободных масс. Но если арамейская надпись и книга не имели большого общественного значения, то и графика их, соответственно с этим, должна была плесться в хвосте у письма, имевшего такое значение в условиях сложной экономической, юридической и административной жизни, — в хвосте у делового письма. Поэтому монументальная и книжная арамейская графика являлась, в сущности, таким же перенесенным на

камень и в книгу деловым курсивом, как и письмо новопунических надписей.

Подъем международной торговли в новых расширенных рамках греко-восточного мира и затем Римской империи должен был отразиться и на письме восточно-семитических народов, втянутых во всепрогрессирующий обмен. Квадратное еврейское письмо, выработавшееся в последние столетия до нашей эры, являет собой дальнейшую ступень курсивизации арамейского алфавита. Хвосты ряда знаков, в арамейском письме заходившие еще намного ниже нижних частей других букв и тем самым далеко отводившие перо пишущего от последнего знака, загибаются на уровне нижних оконечностей букв, не заходящих под «строку», так что концы хвостов приходятся уже совсем близко к следующим буквам, и графический переход от знака к знаку значительно облегчается. Однако в квадратном еврейском письме, как в его монументальном, так и в книжном виде, действительное лигирование букв путем сращения хвоста предшествующего знака с первой чертой последующего составляет еще только частное явление. Как обстояло дело с деловой разновидностью этого письма в интересующий нас период (последние века до н. э. — первые века н. э.), судить довольно трудно за отсутствием соответствующих конкретных материалов. Основываясь на дедуктивных выводах из позднейшей истории еврейского письма, можно считать, что деловая разновидность вряд ли отличалась чем-нибудь существенным от монументальной и книжной. Протосирийское письмо, представленное вообще более, чем скучно, кажется, недалеко ушло от квадратного в отношении лигирования знаков, и аналогичное положение находим в подавляющем большинстве пальмирских надписей, а также в ранней набатейской эпиграфике, развивающей, однако, вскоре затем более беглые виды письма. Но и в более по-

здних набатейских надписях употребление лигатуры не достигло еще тех размеров, какие оно приобрело в позднейшей сирийской графике, хотя, тем не менее, постепенное усиление лигатурности набатейского письма за первые столетия н. э. несомненно. Характерно, что в пальмирском алфавите стремление к беглости было свойственно только одному пошибу, тогда как другой его пошиб продолжал употреблять сравнительно детализированные буквы. Оба пошиба изучались по эпиграфическим памятникам, но можно думать, что первый из них представляет деловой, а второй — книжный пошиб. Что в Пальмире, этом средоточии восточной торговли поздней Римской империи, мог разиться очень беглый деловой дуктус, очень понятно. Но чрезвычайно показательно (если справедливо мнение о книжном происхождении второго эпиграфического пошиба), что даже в эту эпоху упадка древнего общества книга сохраняет и разрабатывает хотя и вычурный и приукрашенный, но все же достаточно детализированный вид графики. Употребление же для монументальных надписей одновременно двух различных и притом не эпиграфических, почерков лишний раз указывает, насколько незначительна была на семитическом Востоке роль надписи, как массового вида письменности, по сравнению с греко-римской древностью.

Двойственность пальмирского алфавита как бы отражала последние малоудачные потуги древневосточной рабовладельческой «полудемократии» сохранять сравнительно детализированную графику наряду с курсивностью. Победа крепостнических начал, дальнейшее развитие феодализации, превращение основной массы свободных в крепостных — все это должно было коренным образом изменить графику, поскольку грамотность в обществе падала, и письменная культура становилась достоянием узкого круга грамотеев.

Относя гипотетически начало крепостнического периода и в Сирии примерно к IV в. н. э., мы получим объяснение торжеству здесь лигатурной графики, родственной «деловому» пошибу Пальмиры, и полному исчезновению ее «книжного» письма. С обычной точки зрения, полагающей, что любое развитие письма в сторону беглости вызывается только ростом общественной потребности в быстром дуктусе, в связи с усложнением жизни общества, победа на семитической почве лигатурно-курсивной графики в эпоху сужения деловой жизни представляется загадочной. Но если к этому явлению подойти под углом зрения результатов, добытых при изучении греко-римской графики, можно будет предположить решение и этой загадки. Письмо греческих и римских книг IV в. н. э. имело за собою долгие века существования в качестве специфической графики, нарочито четкой ввиду массового значения книги в демократической античности. Античная книжная графика не могла погибнуть так скоро, как древняя семитическая с раздельными буквами, поскольку семитическая письменность никогда не знала за книгой подобной функции. Когда с утверждением крепостнического строя и падением грамотности письмо стало достоянием тренированных грамотеев и книжников, развитие и торжество беглого лигатурного дуктуса, удобного для квалифицированного писца и понятного для квалифицированного читателя, было обеспечено. И нет ничего удивительного в том, что первоначальное лигатурное письмо сирийского средневековья, эстрангело, очень скоро получило конкурента в лице еще более беглого и лигатурного письма, яковитского курсива, которое через несколько веков после своего возникновения получило уже решительный перевес. Типологически эстрангело и яковитское письмо в значительной мере приближаются к каллиграфическим стилизациям развитого лигатурного письма. Путем

вынесения над и под строку частей букв в виде выступов и отростков избегается детализация внутри строки, и в этом сходство книжных сирийских пошибов с минускульными. Но «кропотливая» угловатость форм внутри строки, особенно заметная в более раннем эстрангеле, свидетельствует о том, что курсивная лигатурность, несмотря на взаимную связанность букв, не овладела еще окончательно дуктусом, и в этом коренное отличие сирийских пошибов, и, в первую очередь, эстрангело от минускульных. Эти последние, даже переданные без лигатур, раздельными буквами, представляют стилизацию округлых форм развитого лигатурного курсива.

Сирийской письменности не было суждено развить до конца лигатурно-курсивные тенденции средневековой графики. В Сирии господами положения были не туземцы, а арабы. Грамотеи из среды сирийцев, за известными, хотя и многочисленными, исключениями, не могли, чем дальше, тем больше, по своему культурному уровню равняться с привилегированными арабскими грамотеями. При таких условиях и сирийское письмо не могло развиться до полной лигатурной беглости: в яковитском пошибе оно сохраняло некоторую угловатость и удерживало лигатуру в строгих границах общей прямой линии, что делало письмо более элементарным и доступным, по сравнению с позднейшим арабским насхи, в котором строка уже совсем не поддается расчленению, вследствие округленности буквенных основ и неотделимых от них лигатурных кривых. На более ранней ступени развития, чем сирийское, остановилось квадратное еврейское письмо, сохранившее, следовательно, более демократический облик. Широкое распространение грамотности в еврейской общине не позволило развиться здесь лигатурно-курсивному пошибу, поскольку такое письмо было бы мало доступно рядовому члену общины. Переиести в развитой лигатурный курсив, не стесняемый боль-

ше прямолинейностью лигатуры и угловатостью форм, как в сирийской графике, семитическое письмо могло, только став письмом привилегированных высококвалифицированных грамотеев, став письмом господствующего класса феодального общества. Таким письмом семитический алфавит стал на арабской почве. Арабские завоеватели, создавшие свое феодальное государство, охватившее большую часть средиземноморского мира, создали и подлинно феодальное письмо, развитую лигатурно-курсивную форму семитической графики.

История арабского алфавита в домусульманский период еще далеко не выяснена. Следы применения его до VII в. н. э. крайне скучны, но во всяком случае уже в VI в. н. э. он употреблялся в надписях. Что такая беглая графика, как арабская, построенная сплошь на принципе лигатур и безудержной нивелировки буквенных форм, могла развиться самостоятельно у племен, не вполне еще преодолевших к VII в. родовой уклад, представляется маловероятным. Непосредственным «предком» арабского письма теперь обычно считают набатейское письмо, и генетическая связь с последним вполне возможна, поскольку письмо торгового центра северной Африки, Петры, получало, надо думать, широкое распространение среди окрестных и более отдаленных племен. Типологически же раннее арабское письмо представляет также стадию развития семитического алфавита, непосредственно примыкающую к сирийской графике. В надписях, на монетах и в пергаменах раннее арабское письмо, при всей своей близости к минускульному типу графики, еще свободно от пережиточных древних моментов, наблюдавшихся нами в более яркой форме в сирийском письме: детализация по вертикали внутри «телец» букв отсутствует, налицо надстрочные и подстрочные отростки, но при всем том письмо сохраняет определенную угловатость.

Последняя, хотя и в значительно меньшей степени, ощущается в округленном деловом курсиве. Неудобство угловатости, препятствующей беглости лигатурной графики, должно было ощутиться, прежде всего, в деловом письме, когда с завершением в первой половине VIII в. н. э. завоевания восточного, южного и западного Средиземноморья арабские феодалы и купцы оказались в центре сложной экономической жизни. Писцам, обслуживавшим деловую жизнь эпохи, нужен был более удобный, более беглый почерк, прежняя угловатость была уничтожена, и создался вполне развитой лигатурный курсив. Этой трансформации Громан дает следующую сжатую характеристику: «В первой половине I в. хиджры начинается уже легкое изменение письма в сторону более круглых форм, как мы его обнаруживаем на паспортах 133 г. хиджры¹, изданных Сильвестром де Саси, который, таким образом, мог обозначить письмо этих экземпляров, как *насхи*, — обозначение, которое хотя и не совсем оправдано, но может служить вспомогательным понятием, если этим сказать, что под ним следует понимать более гибкое, более свободное в своих формах письмо, примерно, в противоположность негибкому, угловатому, так называемому *куфи*... Столь характерное для куфического письма старых коранов растяжение тельца букв “даль”, “каф”, “сад”, “та” начинается в случае инициальной формы “каф” и медиальной формы “сад” уже в последней четверти I века хиджры². Оно характерно для протокольного письма, и затем в течение II века хиджры становится все более общеупотребительным. К концу этого века письмо уже сильно округлено и приобретает все более единообразный отпечаток.

¹ 133 г. хиджры — 750/1 г. н. э.? А II в. хиджры — 718—815 гг. н. э.

² I в. хиджры — 622—718 гг. н. э.

Более угловатые, негибкие формы сохраняются еще дольше в письме литературных папирусов... В актах и письмах письмо становится все более беглым и допускает во все большей степени неупотребительные раньше соединения отдельных букв и даже целых фраз между собою в одно графическое единство, создающееся вследствие того, что калам уже не отнимается при письме»¹.

Таким образом, деловое письмо предстает перед нами в сильно округленном виде уже около 800 г. н. э. В литературных же папирусах старая угловатость сохраняется дольше. Налицо она еще в полуокруглом пошибе пергаменных рукописей IX в. н. э., но затем, на восточной арабской почве, она была окончательно вытеснена округлостью форм и в книжной графике. Торжество круглого почерка, насхи, в литературной книге падает на цветущий классический период арабской литературы. Опытные переписчики, ориентировавшиеся на тренированных читателей, с расцветом литературной письменности, естественно, стали развивать и в книге более быстрый, беглый пошиб. Насхи, уже вполне развитой литературный курсив, был удобен для письма и приемлем для чтения с точки зрения привилегированных грамотеев и книжников господствующего класса. Ультракаллиграфическая, утрированно прямолинейная, угловатая и кропотливая куфическая ветвь арабского письма, господствовавшая в коранах, не могла долго конкурировать с насхи, соединившим удобство письма с изысканной каллиграфией, и вскоре после своего торжества в литературной книге насхи победил и здесь. В дальнейшем куфические строки попадаются в коране лишь в качестве декоративного момента. Как и следовало ожидать, надпись, не игравшая существенной роли

¹ Возможностью ознакомиться с этой книгой я обязан любезности академика И. Ю. Крачковского.

в феодальном обществе, последовала примеру книги. Угловатое письмо куфи, непосредственно примыкавшее к более ранним ступеням развития семитического алфавита, постепенно отступило перед округленным насхи в эпиграфике, и к XII—XIII вв. н. э. насхи водворился полноправным хозяином как в монументальных надписях, так и в легендах, на монетах и вещах. Всесторонняя победа насхи была торжеством классового письма феодалов над последними пережиточными отголосками древней графики.

В связи с арабским письмом следует упомянуть о южноарабской и эфиопской графике, пошедшей по иному пути развития.

Южноарабское письмо (вторая половина II тыс. до н. э. — VII в. н. э.) известно нам только по эпиграфическим памятникам. Насколько можно судить, древние южноарабские общества сохраняли еще много элементов демократии ранних периодов. Даже в эпохи известной приниженности крестьян эти последние посвящали надписи. Такое сравнительно большое значение надписи, как выражателя общественной жизни, сказалось в великолепных монументальных формах письма южноарабской надписи, почти напрашивающихся на сравнение с античными. Нелигатурный характер южноарабского курсива, по крайней мере, в граффити (монументальное письмо лишено лигатур), напоминает беглое римское и пуническое письмо.

История южноарабского письма обрывается на древней ступени развития. Средневековый вариант его мы имеем в лице эфиопского письма.

Эфиопское письмо, потомок южноарабского, вышедшее, быть может, из курсивного вида последнего, известно нам, начиная с IV в. н. э. Однако древнейшие памятники эфиопского письма сплошь эпиграфические. Рукописный материал имеется только начиная с XIII в. На почве своеоб-

разной, но относительно простой общественной жизни Абиссинии не развились беглая лигатурная графика вроде арабского насхи, обслуживавшего сложную жизнь арабских обществ. Эфиопское письмо сохранило до наших дней свой древний облик письма раздельными буквами (с маленькими придатками и модификацией для передачи огласовки).

Что же дает изучение семитических письменностей для решения проблемы происхождения европейского минускула? Совместное рассмотрение семитических и греко-римских письменностей с точки зрения сходства и различия в их развитии может оказаться плодотворным для четкого осознания особенностей европейской графики.

Сходство в развитии обеих письменных групп заслуживает внимания. Совпадают не только линия развития от древней графики к средневековой, ее начало и конечный результат, но иногда даже второстепенные моменты. В основе как античных, так и древних семитических график лежат раздельные, не лигированные буквы, письмо широких масс свободных в рабовладельческом обществе. С началом средневековья развивается новое письмо, в основе которого лежит развитая курсивная лигатура со всеми вытекающими из нее требованиями, создается письмо, ориентирующееся на искушенных феодальных грамотеев. Конечный результат этого развития один и тот же, что на византийско-латинской, то и на арабской почве: минускул и насхи представляют стилизацию лигатурного курсива с надстрочными и подстрочными отростками и округлостью форм. Курьезным образом даже даты процесса минускулизации совпадают: как на греко-римской, так и на сирийской почве развитой лигатурный курсив начинает разрабатываться с IV в. н. э., а торжество его стилизованной формы, минускула и насхи в западной, византийской и арабской книге падает на 800—900 годы н. э. Любопытно и то, что как гре-

ческое, так и семитическое письмо отстают в отношении минускулизации у тех народов, которые, в силу утнетенного положения, не имели значительного привилегированного слоя квалифицированных грамотеев: у сирийцев и особенно коптов средневековья графика остановилась на более древней и демократической ступени развития, чем у арабов и византийцев. Интересно, что даже такой второстепенный момент, как противоположность пышного византийского унциала и более скромного коптского, вышедшего, по всей вероятности, из «канцелярского» пошиба, находит себе аналогию в противоположности роскошных куфических дуктусов в раннеарабских коранах и сравнительно скромных сирийских почерков. К слову сказать, греческий унциал и куфи умерли как книжное письмо одновременно — примерно в XII в. н. э., сохранившись оба в качестве декоративного письма в книгах последующих столетий¹.

На фоне подобного сходства между развитием греко-римского и семитического письма становится особенно знаменательным отличие семитической графики от европейской. Более аристократические древние семитические общества не знали той массовой письменности на камне и в книге, которую знала античная рабовладельческая демократия. Древнесемитическое эпиграфическое и книжное письмо плелось в хвосте более актуальной графики, делового письма, хотя это последнее в условиях широкого применения письма свободными отнюдь не превращалось в развитой лигатурный курсив, оставалось в основе своей нелигатурной графикой. Преобладание делового письма вело к тому, что его формы, делавшиеся со временем все более

¹ Сравнение унциала с куфи имеет здесь в виду только способ применения обоих пошибов в раннее средневековье, а не их структуру, поскольку куфи в отношении структуры напоминает минускул, а не унциал.

усеченными, становились основным видом графики, образовывали последовательные виды семитического алфавита. Процесс минускулизации застал семитические буквы уже в таком усеченном виде, что развитая курсивная лигатура должна была неминуемо привести их к окончательной нивелировке, что мы и находим в классическом арабском письме. Наоборот, в греко-римских рабовладельческих демократиях при огромном массовом значении каллиграфически четкой надписи и книги, основные подробные формы графики сохранились и развивались, не усекались в угоду деловому пошибу, но оставались основным письмом широких масс свободных. Когда в классических письменностях начал вырабатываться развитой лигатурный курсив средневековья, ему пришлось иметь дело не с остатками прежних знаков, а с написаниями различных степеней беглости основных полных форм. В качестве нового основного пошиба для деловой жизни общества развитый лигатурный курсив отправляется при своем возникновении, конечно, не от неразборчивых каракулей торопливых рук, а от более выдержаных почерков и, как мы знаем в случае Византии, в первую очередь, от каллиграфического пошиба правительственные канцелярий, на Западе и в Византии развитый лигатурный курсив освоил и приспособил к себе буквы в форме сравнительно полной и подробной и в таком виде закрепил их и в своем каллиграфически-стилизованном варианте — минускуле. Из того факта, что развитая лигатурно-курсивная графика Запада исходила из достаточно подробных форм античного курсива, проистекает величайшее преимущество латинского минускула перед арабским насхи, несмотря на то, что исторически оба представляют собой стилизацию развитого лигатурного курсива раннего средневековья. Это преимущество наглядно засвидетельствовано в наши дни латинизацией. Но если в современном латин-

ском шрифте, в его минускульных, «маленьких» буквах, все то, что обуславливает его преимущество перед арабской графикой, сводится к античной, римской подоплеке, то не следует ли обратиться к этой последней в ее чистом, неискаженном виде? Вопрос о том, чему следует отдать предпочтение в латинском шрифте — «большим» античным буквам или «маленьким» минускульным, — вопрос, несомненно, сложный и многосторонний и не должен исчерпываться изучением генетики минускула, как бы важны ни оказались в будущем результаты такого исследования. Но и само изучение генетики минускула в социальной исторической плоскости еще только начато настоящей работой.

Ввиду важности работы автор должен со всей определенностью заявить, что не придает своей концепции, плоду годичной работы одного лица, притом не специалиста по средневековым письменностям, иного значения, как рабочей гипотезы, имеющей целью указать на возможность и необходимость разработки представленной проблемы представителями различных исторических дисциплин.

О. А. Добиаш-Рождественской, П. В. Ернштедту, акад. Ю. И. Крачковскому, О. О. Крюгеру, А. И. Малейну, Г. Ф. Церетели, взявшим на себя труд просмотра настоящей статьи и давшим много ценных указаний, автор считает своим долгом принести глубокую благодарность.

Ю. Я. Перепелкин

ОСНОВЫ ЕГИПЕТСКОЙ РАННЕДИНАСТИЧЕСКОЙ ЭПИГРАФИКИ

История застает иероглифическое письмо уже сложившимся, что можно заключить по публикации Гриффиса в издании: *Petrie W. M. F. The Royal Tombs of the First Dynasty. Vol. 1. London, 1900.* Предшествующий период становления египетского письма недоступен палеографическому анализу за отсутствием соответствующих письменных памятников, и попытки восстановить его на основе общих соображений могут исходить только от лингвистов¹. Более того, письмо, с которым имеет дело историческая египетская иероглифическая палеография, есть письмо только династического Египта. В нашем распоряжении нет почти никаких достоверных надписей додинастического периода египетской истории, то есть до времени решительного наступления верхнеегипетских фараонов на Дельту. Додинастические памятники — по мнению Эдуарда Мейера — вроде принадлежащих царю «Скорпиону», в счет не идут, поскольку эпиграфический элемент на них более чем ничтожный, а их датировка и историческая принадлежность еще не поддаются достаточно полному определению.

¹ Ср.: *Мещанинов И. И. К вопросу о стадиальности в письме и языке // Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л., 1931. Т. VII. Вып. 5—6.*

нию. Более существенными в палеографическом отношении могли бы быть многочисленные каменные цилиндры-печатки с короткими надписями, найденные в архаических могилах в Нага-эд-Дер'е в Верхнем Египте¹ и относимые авторитетными исследователями к временам, предшествовавшим Первой династии. К величайшему сожалению, датировка этой группы цилиндров доисторической эпохи эвидентируется на достаточно шатких основаниях. Надписи на печатках из Нага-эд-Дер действительно отличаются от вырезанных на печатках Абидоса как в отношении содержания текстов, так и в отношении группировки и выбора знаков, но эти отличия объясняются географической разобщенностью мест находок, да и самим предназначением печатей-цилиндров. В Абидосе они принадлежали царям и их служащим, а в Нага-эд-Дере — лицам, не связанным с царским хозяйством двора, в чем легко убедиться, бегло обозрев материала (Reisner G. The Early Dynastic Cemeteries of Naga-ed-Der. Vol. I. Leipzig, 1908). Любопытно, что птица с повернутой назад оленевой (?) головой характерна для цилиндров из Нага-эд-Дер. В этом иероглифе усматривается черта большой древности. Но встречается она и на одном из абидосских памятников явно додинастического времени. Содержание печатей, естественно, различно. Если исходить из топографии находок, то несомненно только то, что цилиндры типа нагаэддерских не могут быть моложе Первой династии. Древнейшими «датированными» памятниками иероглифической письменности оказались пока надписи верхнеегипетских царей-победителей Дельты Нармера и Аха (около 3200 г. до н. э. или даже несколько раньше) и их преемников — Джера и Джета. О взаимной близости

¹ См.: Reisner. Naga-ed-Der. I; Newberry P. E. Scarabs. London, 1906; Fraser G. A Catalogue of the Scarabs Belonging to George Fraser. London, 1900.

памятников этих четырех фараонов писали К. Зете, Р. Вейль, а также Баллод в очерках по истории древнеегипетского искусства, в частности, на стр. 41—42. Нармер, по-видимому, предшествует троим остальным. В этих старейших египетских надписях иероглифическое письмо обладает уже всеми основными элементами, характерными для него именно как для особой системы письма.

Уже с момента появления первых египетских письменных памятников в его костяк, как и в позднейшие времена, входят знаки, непосредственно или символически изображающие существа, предметы и абстрактные понятия.

Например, рисунок быка — изображал слово «бык» и «рогатый скот» вообще, рисунок козы — обозначал «козу» и «мелкий рогатый скот». Рисунок человека со связанными позади руками — в палетке Нармера¹ означал «плениника», сокол, птица бога Хора , входил в состав теофорного имени Хора Аха². Наряду с изобразительными знаками и, пожалуй, не реже них, применяются звуковые знаки, тоже восходившие к рисункам. Рисунок, переосмысливаясь, превращался в звуковой знак по принципу нашего ребуса, смысл которого заключался в том, что рисунок начинал обозначать не понятие как таковое, а созвучные с ним комплексы согласных, вплоть до одного-единственного согласного или полугласного, т. е. сонанта. Механизм трансформации рисунка в фонетический знак посредством «ребусного переосмысления» далеко не всегда понятен, да и не может быть понят до конца, т. е. решительно в каждом конкретном случае, и решение такого ребуса было конкретным. Но, так или иначе, рисунок пальца — стал обозначать «10 000», а читаться *dh*; лист лотоса уже в палетке Нар-

¹ См.: *Quibell J. E. Hierakopolis. Vol. I.* London, 1900.

² См.: *Petrie. Royal Tombs. I.*

мера пишется как , означает «1000» и читается как *h*(^o); опахало из лисьих шкур — *ms.t* — изображается как , но превращается в двусогласный знак *ms* — в слове *ms.t*, «рождение»¹. «Хлеб» Δ звучал, видимо, как *t*, а затем его изображение превратилось в графему для фонемы *t* в имени , обозначавшем одного из спутников фараона Нармера. В составе слова «вода» *n* (*t*) «главным» или «опорным» ощущался звук *n*, который получил написание, соответствующее передаваемому им слову, т. е. . В надписях Ахи и Нармера это уже вполне самостоятельная фонетическая графема для *n* в составе слова *tn*². Налицо также все основные способы комбинирования знаков,ственные позднейшей иероглифической орфографии.

Наряду с написанием слов одним изобразительным знаком либо одним звуковым знаком, мы сразу же наталкиваемся на сочетания из нескольких знаков для передачи одного слова. Такие комбинации могут состоять уже из одних буквенных знаков, например, — *tt*, которым обозначался спутник царя Нармера³. Такие комбинации могут объединять в себе и два рода знаков, например, , буквально *m + n* (что наблюдается уже в эпоху Нармера и Ахи⁴). Частые в позднейшей иероглифике комбинации с изображениями звуковых знаков для написания одного слова на памятниках Нармера и Ахи, к сожалению, не засвидетельствованы. Но зато они присутствуют в большом количестве в надписях на частных гробничных плитах времен одного из ближайших преемников Джера⁵. На этих плитах начертаны имена лиц придворного персонала, погребенных вокруг

¹ Аха, см.: *Petrie. Royal Tombs. I.*

² См.: *Petrie. Royal Tombs.*

³ См.: *Quibell. Hierakopolis. I. Pl. 29.*

⁴ См.: *Petrie. Royal Tombs.*

⁵ См. материал в издании: *Petrie. Royal Tombs. T. I, III.*

фараона. Эти начертания предпосланы очень схематическим рисункам, изображающим мужчину, женщину, карлика, воина и даже борзую собаку. «Письменные знаки» имеют здесь сравнительно меньший размер, чем соответствующие изображения — прообразы идеографических определителей. Нахождение на плитах одних только этих рисунков, исполненных схематически и тождественных у разноименных лиц, не имело бы смысла без попытки передать имена и титулы изображенных людей. Таким образом, мы вынуждены считать эти «рисунки» подлинными изобразительными знаками, раскрытыми при помощи предшествующих им звуковых знаков. Именно такой способ написания имен получил распространение в позднейшей иероглифике, где изображение — иероглиф — знак мужчины или женщины стоит после всех титулов к именам, представляя иногда весьма детальный знак — рисунок больших размеров, чем все остальные иероглифы, что можно наблюдать на материале публикации Garstang'a «Tombs of the Third Dynasty» на стеле Среднего Царства.

Необходимо особо подчеркнуть, что так называемые знаки-определители, ставящиеся на письме после фонетических знаков и намекающие изобразительным способом на смысл предшествующего звукового — или смешанного изобразительно-звукового — написания слов, например, знак сосуда после слова «пиво» или знак солнца после слова «день» и так далее, являются по своему происхождению не определителями, а определяемыми, то есть такими графемами или граммами, которые приобретали чтение и смысл именно благодаря набору предшествующих знаков, в том числе звуковых¹.

¹ Ср.: Gardiner A. H. Egyptian Grammar being an Introduction to the Study of Hieroglyphs. 2nd ed. London, 1926. P. 31, 52.

Трудность чтения и понимания архаических надписей или таковых Первой—Второй династий заключается не в системе архаического иероглифического письма, в основном совпадающей по своим принципам с более поздней иероглификой, а в архаической лексике, сверхкраткости надписей, в беспорядочности размещения знаков и, особенно, в относительной редкости комбинированных написаний слова с помощью — одновременно — как изобразительных, так и звуковых знаков¹, столь облегчающих чтение иероглифических текстов последующих времен². Вследствие этого большая часть текстов Первой и Второй династий (не считая, конечно, тех, которые содержали только царские имена и ничего больше) дешифрована пока что лишь частично или гипотетически. Во многих из них упомянутые трудности могли бы быть успешно преодолены, если бы сохранившиеся архаичные надписи были более пространными, но, к сожалению, все они отличаются досадной краткостью. Увы, такова черта всех архаичных надписей, независимо от того, кому они принадлежат.

Хронологическая отдаленность эпохи Первой—Второй династий и ограниченное применение камня в их кирпичных сооружениях обусловливали крайнюю скудость настенных надписей, образующих наш основной эпиграфический фонд в материале последующих исторических периодов. Кроме мелких пометок, нанесенных краской на стены погребений царских приближенных³, мы располагаем для времени, предшествующего Третьей династии, всего только одним каменным косяком последнего царя Второй

¹ Ср.: работу Griffith'a в кн.: *Petrie. Royal Tombs. I.*

² Ср. статью Lauth'a в «Zeitschrift für aegyptische Sprache» и рассуждения W. Spiegelberg'a в «Die Schrift und Sprache der alten Ägypter» (Leipzig, 1907).

³ См.: *Petrie. Royal Tombs. II.*

династии по имени Хасехемуи из иераконпольского храма. Надпись на лицевой стороне содержит лишь титул и имя фараона¹, тогда как на обратной стороне была высечена сцена закладки сооружения с относительно пространными и многочисленными приписками². К сожалению, обратная сторона настолько изглажена, что не имеет почти никакой ценности в палеографическом отношении. От времени первого царя Третьей династии Джесера уцелел только обломок дверной рамы из его пирамиды, дающий исключительно титулы и имя этого фараона³. Более многочисленны надписи на скалах Синайского полуострова. Относительно наиболее пространной является надпись с титулами и именем около фигуры военачальника, высеченной поблизости от тройного изображения царя Первой династии Семерхета, но современность фигуры чиновника и царских изображений представляется не вполне доказанной. При тройном изображении Семерхета написано только его царское имя, как и на Синайских рельефах царей Джесера-Нетерхета и Санехета начала Третьей династии⁴.

Несоизмеримо более обильный и ценный материал для палеографических изысканий дают каменные стелы, помещавшиеся в стоячем положении на могилах царей и их приближенных. Число царских стел Первой—Второй династий очень невелико⁵. Тем не менее, только они позволя-

¹ См.: *Quibell. Hierakonpolis.*

² См.: *Journal of Egyptian Archaeology. Vol. XX. 1934. P. 1. XXIV.*

³ Berlin, Staatliche Museen: Aegyptische Inschriften aus den königlichen Museen zu Berlin. Bd I. Leipzig, 1907—1913. S. 1.

⁴ Синайские рельефы см. в издании: *Weill. Sinai*, а также в его труде «Monuments de la II et III dynastie», где приводятся и рассуждения о дате изготовления фигуры военачальника.

⁵ См.: *Bénédit G. Mémoires de la Fondation Piot. Paris, 1906. T. XII. P. 1—15 — Джет.*

ют нам составить правильное представление о художественных и технических возможностях парадной иероглифики в архаический период. Стелы приближенных почти столь же лаконичны (титулы и имена, чаще же одно имя), но исполненные куда более грубо и небрежно, составляют, ввиду своей многочисленности¹, наш основной материал для суждения о монументальном характере эпохи.

Надписей на статуях от архаического периода дошло очень мало. Надпись, уцелевшая на подножии статуи царя Хасехема, сводится к цифре перебитых им врагов.

Специфический вид письменности Первой династии составляют надписи на пластинках из слоновой кости и черного дерева, сохранившихся как в целом виде, так и в обломках. Пластинки обычно снабжены круглыми отверстиями в верхнем углу и, кроме письмен, покрыты схематическими изображениями. Возможно, впрочем, что часть изображений представляют собой своеобразные письмена.

На близость пластинок к летописным погодным записям раннединастических анналов указывалось в литературе. На многих пластинках второй половины Первой династии помещается справа — как и в летописных записях на Палермском Камне — большой иероглиф { «год», что дает возможность предположить, что содержание пластинок касается событий какого-то конкретного года, т. е. дает определенную характеристику и тем самым представляет собой способ древнейшей датировки. При этом речь идет обычно о пожертвованиях в храм предметов, к которым, по мнению Питри, эти пластинки и прикреплялись. Все вместе означало нечто вроде «год, когда имели место такие-то события».

¹ См. издания: *Amélineau E. Les Nouvelles Fouilles d'Abydos. Paris, 1896—1902; Petrie. Royal Tombs. T. I—III; Aegyptische Inschriften. Berlin.*

Подобные пластинки наверняка прикреплялись к предметам и служили своеобразными этикетками, указывающими на время изготовления того или иного яства, питья, мази и так далее. По крайней мере, их надписи — поскольку они поддаются дешифровке — имеют хронологический характер, а оформлялось все это так: год, когда имело место то-то и то-то. Если бы таких пластинок сохранилось бы множество, а надписи на них поддавались бы разгадке легче, то мы имели бы «в лице» этих этикеток «страницы» погодных анналов или летописей Первой династии, наподобие тех, что были переписаны полтысячелетия спустя на Палермский Камень.

К пластинкам теснейшим образом примыкают шиферная таблица и булава царя Нармера с изображениями и сопроводительными приписками.

По своему количеству значительную, хотя и малосодержательную группу письменных памятников составляют надписи, начертанные в эпоху Первой династии на сосудах из камня, алебастра, глины и слоновой кости. И здесь это, в основном, царские имена.

Многочисленные гончарные пометки на керамике Первой династии могут интересовать палеографа лишь в тех случаях, когда они имеют форму иероглифических знаков. Значительно больший интерес представляют курсивные надписи, выполненные чернилами на глиняных и каменных сосудах. Сохранились также мелкие надписи на других предметах обихода из слоновой кости: на ящике, крышке, жезле, игральной пластинке и так далее.

Самую важную группу текстов, как по большому количеству, так и по богатству знаков и разнообразию их начертаний составляют отиски цилиндрических печатей царей и их служащих на глине, закупоривавшей горлышки помещенных в гробницы сосудов с припасами. Сами цилиндры

из камня, редко из дерева, со сквозными отверстиями для шнура и кружными надписями, сохранились в меньшем количестве. Только религиозное значение могли иметь деревянные цилинды с текстами, нанесенными чернилами.

Интересно, что уже для начала Первой династии засвидетельствованы украшения в форме иероглифов: браслет, отдельные звенья которого составляли чередующиеся золотые и бирюзовые пластинки в виде иероглифической группы бога Хора на ограде замка со вписанным в нее именем фараона Джера.

Текстов на папирусах от архаического периода не сохранилось, но то, что папирус, и притом в форме свитка, был распространенным писчим материалом, предположительно, по крайней мере, при Второй династии, доказывает сам факт существования уже в эту пору иероглифа, изображающего запечатанный папирус (едва ли кожу или ткань) на цилиндре одного из фараонов.

Много разнообразней, чем материал письменных памятников, была техника нанесения надписей, так что на различных предметах одного и того же облика или материала тексты могли быть выполнены совершенно различными способами. Не исключено, что это было обусловлено, в первую очередь, назначением памятника: был ли то парадный предмет роскоши, либо предмет «повседневного» обихода. Менее богаты были сорта материала.

Основным приемом вырезывания надписей в раннединастическую эпоху было врезывание знаков при помощи углубленных линий по контуру и внутренним деталям. Иной техники письма и трудно было бы ожидать на большинстве известных для нас письменных памятников. На цилиндровых печатях углубление знаков диктовалось необходимостью получения на глине четкого рельефного оттиска. Та же техника использовалась не только на цилиндро-

вых печатях, но была перенесена и на деревянные и костяные пластинки-ярлыки и даже употреблялась при изготовлении надписей на вполне заурядных каменных и глиняных сосудах. Вообще же, техника вырезывания или выцарапывания надписей являлась наиболее простым приемом изготовления письма без помощи красящего вещества и, естественно, употреблялась в тех случаях, когда изготовители письма не рассчитывали на архитектурно-декоративный эффект. Подобные поделки должны были составлять в ту эпоху большинство письменных памятников, поскольку монументальное каменное зодчество — основной носитель парадных надписей — находилось тогда еще только в зачаточном состоянии. Характерно, что на монументальных памятниках врезывание по контуру встречается много реже, чем написание выпуклыми иероглифами.

Следует отметить также, что гончарные пометки на керамике наносились обычно до, реже — после обжига.

Нанесение надписей путем срезания плоскостей вокруг знаков, которые тем самым становились выпуклыми, превращало иероглифы в самостоятельный скульптурный орнамент и применяло, в первую очередь, там, где желали получить от надписи архитектурно-декоративный эффект, хотя бы ценой больших затрат труда и времени (срезать поверхность, окружающую знаки, было, конечно, гораздо сложнее, чем врезать их в плоскость поверхности). Выпуклые иероглифы мы обнаруживаем на каменном косячке царя Хасехемуи Второй династии из иераконпольского храма, на пышных надгробных плитах царей Первой династии Джета и Ка, а также царя Второй династии Перибсена, равно как и на большинстве надгробных же стел приближенных царей Первой династии.

Наоборот, на небольших поделках выпуклые иероглифы встречаются редко. Появление их на шиферной табличке и

булаве Нармера обусловлено рельефным исполнением военных и праздничных сцен, которыми разукрашены эти парадные памятники. К слову сказать, рельефное исполнение фигуры пленного на игральной (?) пластинке из слоновой кости обусловило выпуклость и иероглифической приписки «азиат» к этой фигуре. Только выпуклые подписи попадаются на сосудах из алебастра и камня.

Сложность изготовления рельефных надписей натолкнула резчиков абидосских стел, предназначенных для приближенных фараона, на третий прием вырезывания текстов на камне. Речь идет о срезывании поверхности плиты только вокруг самих знаков, так что последние оказывались выпуклыми как бы во впадине.

Нередко, однако, мастера Первой династии не удовлетворялись одним лишь вырезыванием знаков, а подчеркивали линии, как контурно, так и внутренне, краской. Так, углубленные контурные и внутренние линии иероглифов на зеленом сосуде фараона Ахи (Первой династии) были заполнены фиолетовым веществом до глазировки, а линии, врезанные по контуру иероглифов на пластинке фараона Дена (Первая династия) из слоновой кости, были окрашены в черный и красный цвета.

Краской пользовались, по крайней мере, иногда и для предварительной наметки текста на каменной стеле с тем, чтобы резчик потом вырезал или выбивал рельефом иероглифы, написанные краской. На стеле *s3b.f* (время фараона Джера, Первая династия) знаки были написаны сперва черной краской, а после того были сделаны выпуклыми путем выбивания поверхности вокруг них. На некоторых других стелах времен фараона Дена (Первая династия) контуры, внутренние линии, а в отдельных случаях и вся внутренняя площадь знаков, были предварительно нарисованы краской, а затем вырезаны рельефом путем срезания

окружающей краски и, соответственно, знаков поверхности камня. Внутренние детали при этом иногда оставались только намеченными краской, резец их не касался. В одном случае стела так и осталась с одной надписью краской, без вырезывания знаков. Впрочем, судя по стилю знаков, не исключено, что они и не предназначались для последующей рельефной отделки. Последнее, по крайней мере, бесспорно в отношении надписей на стенах погребений царских приближенных: их имена были написаны краской (отчасти черной) на штукатурке, и все.

Краской («чернилами») нанесены и беглые иероглифические пометки на каменных и глиняных сосудах Первой династии, прямо на их стенках, а в одном случае — на глиняной печати на горлышке сосуда. Ранние иератические тексты на сосудах Третьей династии написаны также чернилами.

Только краскою исполнена надпись и на одном деревянном цилиндре, подражающем цилиндрам-печатям по форме, но имеющем, очевидно, только религиозное значение.

Особый вид техники нанесения надписи представляют архаические печати Первой—Второй и начала Третьей династий на глиняных крышках горлышек сосудов с припасами. Печати изготавливались путем катания по сырой глине, еще мягкой, цилиндрических печаток. Надписи на этих печатках были врезанными, так что отпечатки с них на сырой, мягкой глине неизбежно получались выпуклыми.

Что касается изготовления отдельных иероглифов, служивших украшениями, то в упомянутом выше браслете времени Джера золотые звенья в виде имени последнего были отлиты в формочках, бирюзовые же звенья были вырезаны.

Воздействие истории на иероглифическое письмо шло в течение всего архаического периода, прежде всего, через тех-

нику письма, что диктовалось как характером писчего материала, так и самим видом письменного памятника, который должен был отвечать своему общественному назначению. Дифференциация же техники письма вела к дифференциации графических форм.

Письменные памятники Первой и Второй династий со всей убедительностью показывают, что выпуклые иероглифы в то время, как и позднее, употреблялись в письме монументальных памятников и встречались на небольших изделиях лишь в виде исключения. Но поскольку вид письма в данном случае неизбежно как-то связан с техникой монументальных строений, то следует отметить, что сама монументальная архитектура в то время была еще кирпичной. Каменные стены появляются только с Третьей династии, причем даже в царских погребениях! О храмах того времени у нас почти нет сведений, если не считать каменных косичек царя Хасехемуи из Иераконполя, что, тем не менее, ничего не говорит о характере кладки стен. Монументальные каменные надписи сводились, по-видимому, почти исключительно к гробничным стелам. Первые надписи по камню и новые категории памятников, возникшие в ходе развития общества, вызвали к жизни новые приемы и способы письма для нанесения надписей соответственно общественному назначению памятников.

Все высказанное уже априори заставляет нас предположить, причем с очень большой долей вероятности, что первооснову иероглифической графики составляли все же не выпуклые иероглифы, которые сами по себе являются следы вторичного развития техники их исполнения. Иероглифы в виде врезанного рельефа (*relief en creux*) и иероглифы, врезанные (целиком) углубленно (а также врезанные не только целиком, не только по линиям, но и по всей поверхности, точнее — по всей внутренности знака), не были

еще употребительны в архаический период, так что уже с самого начала нам придется предположить, что древнейшим и основным видом иероглифов были врезанные, то есть выскобленные по линиям знаки. Эти априорные соображения находят свое подтверждение при рассмотрении конкретного материала.

Еще в самом начале изучения египетской архаической иероглифической письменности Гриффис заметил, что иероглифы *i* , *ntr* , *p* в древнейшей графике вместо полных форм написания обнаруживают неполные формы , , . Сюда же он причислял и неполное написание знака «двор», «угодья» в виде , но последняя форма засвидетельствована пока что лишь один раз, а потому ее можно рассматривать и как случайный вариант. Гриффис высказал при этом предположение, что «неполнота» вышеотмеченных архаических форм не лишена, вероятно, некоторого основания в облике самих предметов, изображаемых данными знаками. Последнее допущение Гриффиса, как мы увидим в дальнейшем, является вполне основательным.

«Неполные» формы иероглифов оказались явлением много более распространенным, чем это представлялось в 1901 году Гриффису. Более того, «неполнота» — отнюдь не случайная особенность трех-четырех знаков, но черта постоянная и вполне закономерная, проявляемая у определенной группы знаков архаической иероглифики. Это именно те знаки, которые в своей архаической форме имеют несколько самостоятельных линейных отростков, отсутствующих в позднейшей монументальной иероглифике или связанных в позднейшей иероглифике непрерывной линией, проведенной через концы прежних отростков. Иными словами, в классической позднейшей иероглифике вышеуказанные «отростки» были «стиснуты» или объединены компактным нерасчлененным контуром в некое единое целое, представление о

Чем может дать трансформация следующих знаков: пре-
вратилось в позднее , , , , , , , , вместо | вместо |
 вместо 	 вместо
 вместо 	 вместо
 вместо 	

Равномерность форм:

, , , , , , ,

Возникновение углубленной иероглифики

Двойное направление в текстах

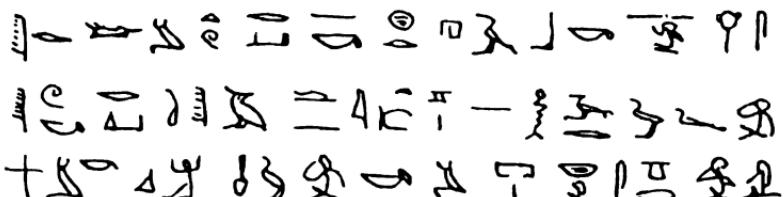
Дереализация форм

Каменная тяжеловесность:

Ⓐ из Ⓑ, Ⓑ из Ⓒ, Ⓒ из Ⓓ, Ⓓ из Ⓔ, Ⓔ из Ⓕ, Ⓕ из Ⓖ, Ⓖ из Ⓗ

Продолжение развития равномерности:

↷, Ⓑ вместо Ⓒ, Ⓓ из Ⓑ, Ⓔ из Ⓕ, Ⓕ из Ⓗ

«Если не дают тебе согласно посланию твоему никого на это,

а отдали тебе рабочих плотины из дряни,
то давай, вознеси глас свой в Доме Владыки Молчания!»

Переписал, отредактировал, знаки вписал,
с египетского перевел и к изданию подготовил
А. С. Четверухин

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории. М.
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
- ЗКВ — Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Российской Академии наук. Л.
- Ägyptologie — Handbuch der Orientalistik / Hrsg. von B. Spuler. Bd. I. Abschnitt 2. Literatur. Leiden, 1952.
- Ägyptologische Studien — Ägyptologische Studien. Hermann Grapow zum 70. Geburtstag gewidmet. Berlin, 1955.
- APAW — Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin.
- Ar. Or. — Archív Orientální. Praha.
- ASAE — Annales du service des antiquités de l'Egypte. Le Caire.
- Aus Antike und Orient — Aus Antike und Orient. Festschrift Wilhelm Schubart zum 75. Geburtstag. Leipzig, 1950.
- BLFAO — Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale. Le Caire.
- BSAC — Bulletin de la Société d'archéologie copte. Le Caire.
- Caminos, LEM — *Caminos R. Late Egyptian Miscellanies*. London, 1954.
- CdE — Chronique d'Egypte. Bruxelles.

Список сокращений

- Čemý, LRL — Černý J. Late ramesside letters. Bruxelles, 1939.
- CGC — Catalogue général du Musée du Caire. Le Caire.
- Chassinat, Edfou — Chassinat E. Le temple d'Edfou. Vol. I—XIV. Le Caire, 1897—1934.
- Erziehung — Brunner H. Altägyptische Erziehung. Wiesbaden, 1957.
- FuF — Forschungen und Fortschritte. Berlin.
- Gardiner, LEM — Gardiner A. H. Late Egyptian Miscellanies. Bruxelles, 1937.
- Glanville — Glanville S. R. K. The legacy of Egypt. London, 1947.
- GLECS — Comptes rendus du groupe linguistique d'études chamito-sémitiques. Paris.
- Grapow, Medizin — Deines H., Grapow H., Westendorf W. Grundriss der Medizin der Alten Ägypter. Bd. I—VI. Berlin, 1954—1955.
- Griffith studies — Studies presented to Fr. Ll. Griffith. London, 1932.
- Griffith, Catalogue — Griffith Fr. Catalogue of the demotic papyri in the John Rylands library. Vol. I—III. Manchester, 1909.
- JEA — The Journal of Egyptian archaeology. London.
- JNES — Journal of Near Eastern Studies. Chicago.
- LD — Lepsius R. Denkmäler aus Ägypten und Äthiopien. Bd. I—VI. Berlin, 1849—1858.
- LES — Gardiner A. H. Late Egyptian stories. Bruxelles, 1932.
- Macalister, Philistines — Macalister R. A. S. The Philistines, their history and civilization. London, 1913.
- MDAIK — Mitteilungen des deutschen archäologischen Instituts. Abteilung Kairo. Wiesbaden.
- Mélanges Maspero — Mélanges Maspero I, Orient Ancien. Le Caire, 1935—1938.

Список сокращений

- OLZ — Orientalistische Literaturzeitung. Leipzig.
- Onomastica — *Gardiner A. H. Ancient Egyptian onomastica.* Vol. I—II. London, 1947.
- PSBA — Proceedings of the Society of Biblical archaeology. London.
- RE — Revue d'Egyptologie. Paris.
- REA — Revue de l'Egypte ancienne. Paris.
- Rec. Champollion — Recueil d'études égyptologiques dédiées à la mémoire de Jean-François Champollion. Paris, 1922.
- RT — Recueil de travaux relatifs à la philologie et a l'archéologie égyptiennes et assyriennes. Paris.
- SPAW — Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin.
- Urk. I — *Sethe K. Urkunden des Alten Reichs.* Leipzig, 1932—1933.
- Urk. II — *Sethe K. Hieroglyphische Urkunden der griechisch-römischen Zeit.* Leipzig, 1904—1916.
- Urk. IV — *Sethe K. Urkunden der 18. Dynastie.* Bd. I—IV. Leipzig, 1905—1909.
- Wb. — *Erman A., Grapow H. Wörterbuch der aegyptischen Sprache.* Bd. I—VI. Leipzig, 1926—1931, 1935.
- WZKM — Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Wien.
- ZÄS — Zeitschrift für ägyptischen Sprache und Altertumskunde. Berlin.
- ZDMG — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Leipzig.

А. С. Четверухин

СЕКРЕТ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Если приглядеться внимательнее к туристической рекламе в современных средствах массовой информации, бросается в глаза обилие фирм, рекламирующих поездки в Египет и даже демонстрирующих некоторое разнообразие программ таких туров. Некоторые организации предлагают отдых на курортах Египта, ссылаясь на чудесный климат мест, которые они призывают посетить в зимний сезон, на ни с чем не сравнимую красоту контраста голой пустыни и цветущей долины, чего в наших краях не увидишь, на изумительную чистоту вод Средиземного моря, но в особенности Красноморского побережья. Казалось бы, этого вполне достаточно для того, чтобы соблазнить состоятельного человека. Но наиболее дальновидные организаторы туристических вояжей включают в обязательную программу посещение больших пирамид, храмов Луксора и Карнака, колоссов Абу Симбела и Мемнона и, наконец, Каирского музея, экспозиция которого буквально ломится от обилия предметов древнеегипетской материальной культуры. И люди действительно едут. И это несмотря на то, что материальное благополучие многих из них весьма зыбко, несмотря на недоверие к посулам фирм, и уж тем более несмотря на то, что в своей деятельности большинство из них вообще никак не связано ни с Египтом, ни с египтологией,

т. е. с наукой, изучающей историю, религию, культуру и язык Древнего Египта. И если туристическая фирма все-таки выполнит свои обещания, наши сограждане, многие из которых впервые оказываются в столи «далнем зарубежье», возвращаются с целым ворохом египетских сувениров-новоделов, имитирующих стариные изделия, и в полном восторге от увиденного. Тёплый и мягкий зимний климат, грандиозность и красота египетских памятников и невероятная их древность — все это запечатлевается в душах тех, кто хоть раз соприкоснулся со всем этим. Впечатлений хватает на долгие годы, если не на всю жизнь. И гордости оттого, что «я это видел». Повидавшие это чудо спешат поделиться своими впечатлениями с близкими и сослуживцами, с друзьями и знакомыми, а иногда и с первым встречным. И тем самым круг наших соотечественников, посетивших Египет, год от года неуклонно растет, а стало быть, множатся ряды тех, кто судит о Египте воочию, а не по сведениям, почерпнутым косвенным образом.

Люди, представлявшие себе Египет лишь по школьной программе да по иллюстрациям, в лучшем виде — по экспозициям отечественных музеев, после такой поездки вдруг обнаруживают, зачастую неожиданно для самих себя, внутреннюю потребность в более глубоком знакомстве со всем тем, что связано с Древним Египтом. И вот здесь очень многое зависит от наших издательств. Не будет преувеличением сказать, что с полок торговых точек сметается буквально все, что имеет отношение к Древнему Египту. Раскапаются книги как отечественных, так и зарубежных авторов, независимо от того, когда и кем они были написаны, а если это иностранные авторы, — то кем и как они были переведены. Так, совсем недавно быстро разошлись книги французского египтолога А. Морэ, написанные на рубеже двадцатого столетия, — «Во времена фараонов» и «Цари и

боги Египта» (переизданы издательством «Алтей» в Москве в 1998 году), и тут же расхватывается «Древний Египет» Б. А. Тураева (переиздан издательством журнала «Нева» совместно с торговым домом «Летний Сад» в Санкт-Петербурге в 2000 году). Но что, пожалуй, еще того удивительнее, — моментально разошлась «История Древнего Египта» Ю. Я. Перепелкина, мэтра советской египтологии (вышедшая в том же году и подготовленная теми же организациями, что и упомянутая книга Б. А. Тураева). Произведения Ю. Я. Перепелкина относятся к разряду фундаментальнейших и к чтиву легкого жанра не имеют ни малейшего отношения. Сам по себе это весьма примечательный факт: это значит, что если издательство сподобится, оно может издать и фундаментальное исследование, и даже оно окупится, было бы желание этим заняться несколько более профессионально. Только что вышел сборник «Тексты Пирамид» в серии «Александрийская библиотека. Серия Египет». СПб.: Журнал «Нева» / Летний Сад, 2000. Надеемся, что и он не будет обойден вниманием читателя, как и эта книга, выходящая под названием «Писцы Древнего Египта».

Новейший всплеск интереса к Древнему Египту отчасти объясним последними политическими событиями в истории нашей собственной страны, границы которой, до недавнего времени наглоухо захлопнутые, вдруг распахнулись настежь, и стало возможным увидеть то, что прежде было едва ли не за семью печатями. Но такое объяснение не может считаться исчерпывающим. Не покидает ощущение того, что наш народ получил возможность реализовать некий внутренний глубокий интерес, дремавший долгие десятилетия. Ведь нам всегда были свойственны любознательность, страсть к скитаниям, путешествиям, тяга ко всему неведомому и отличному от своего, интерес к чужой культуре и древ-

ностям, и его никогда не оставлял терзать вопрос, откуда все, что ни есть, «есть пошло» вопреки скептическому утверждению А. С. Пушкина о том, что мы ленивы и нелюбопытны.

После крещения Руси наш народ мог прознать о Египте из священного Писания. В ходе многовековых попыток прорыва наших людей к берегам Черного моря и дальше этот интерес подогревался торговыми «хождениями за моря», а также извечной страстью к паломничеству в Святую Землю и в сопредельные страны, по местам «святым» и не очень.

Общественный интерес к Египту в Европе и в России подогрела военная экспедиция Наполеона Бонапарта в Египет, в результате которой, среди многое прочего, был сделан ряд открытий великого научного значения, в том числе был найден Розеттский Камень о трех письменах — двух египетских и одной греческой надписью. Априори можно было предположить, что все три надписи передают одно и то же сообщение. Это и сделал Ж.-Ф. Шампольон Младший, и после многократной сверки знаков в текстах дешифровал египетскую письменность¹. Его доклад, оглашенный в стенах Французской Академии Надписей и Изящной Словесности 27 сентября 1822 года, стал днем рождения египтологии как науки. Новая наука рождалась трудно и не без грубых ошибок, последствия которых мы расхлебываем до сих пор. Ж.-Ф. Шампольон был не единственным, кто пытался прочесть эти надписи. И даже после его смерти находились скептики, которые никак не могли поверить в то, что такое вообще возможно².

¹ См.: Шампольон Ж.-Ф. О египетском иероглифическом алфавите / Перевод, редакция и комментарии И. Г. Лившица. Л.: Изд-во АН СССР, 1950.

² См. также сборник статей: Ж.-Ф. Шампольон и дешифровка египетских иероглифов. М.: Изд-во «Наука». Главная редакция

После первых крупных успехов французской науки инициатива в исследовании египетских памятников и самого письма и языка перешла к немцам¹. Здесь, в Германии, на ниве изучения египетской филологии прославился Рихард Лепсиус (1810—1881) вместе со своим учеником Генрихом Бругшем (1827—1894). В их бытность начинается изучение египетской филологии и в России, где «первыми египтологами в полном смысле слова»² явились О. Э. Лемм (1856—1918), В. С. Голенищев (1856—1947) и Б. А. Тураев (1868—1920). Последний, по выражению Н. С. Петровского, и является «отцом русской египтологии», а вовсе не В. С. Голенищев, покинувший страну в эпоху первой русской революции. Учениками Б. А. Тураева явились те, кто фактически организовал школу отечественной египтологии, — В. В. Струве, Н. Д. Флиттнер и М. Э. Матье, а также другие. К следующему поколению — уже советских — египтологов относятся Ю. Я. Перепелкин, М. А. Коростовцев, И. С. Кацнельсон, Т. Н. Савельева и другие.

Ю. Я. Перепелкин (1903—1982) начал изучать египетский язык самостоятельно еще до революции. Как-то он рассказывал автору этих строк, что несколько раз видел Б. А. Тураева возле Университета, но подойти к нему так и не решился, хотя желание познакомиться лично и попроситься к нему в ученики было очень сильным. «Но кто был я, и кто был он?» — добавил Ю. Я. Перепелкин. Это произошло где-то не то в 1916 г., не то в 1917 г., а вскоре из-

восточной литературы, 1979; Петровский Н. С. Египетский язык. Л.: Изд-во ЛГУ, 1958. С. 15—22.

¹ См.: Петровский Н. С. Египетский язык. С. 23—25; Коростовцев М. А. Египетский язык // Языки зарубежного Востока и Африки / Под общей ред. проф. Г. П. Сердюченко. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. С. 10—11.

² См.: Петровский Н. С. Египетский язык. С. 27.

за прогрессирующего костного туберкулеза Ю. Я. Перепелкина увезли в Крым, и только в 1924 году он возвращается в Петроград, где продолжает свои занятия уже под руководством В. В. Струве, М. Э. Матье и у Н. Д. Флиттнер¹. Мне он назвать своих учителей отказывался, ссылаясь на то, что египетский язык они знали плохо, а потому пришлось учить его практически самостоятельно. В этой книге в виде приложения публикуются две ранние статьи Ю. Я. Перепелкина, посвященные истории зарождения и развития письма. Будучи уже весьма эрудированным специалистом, Ю. Я. Перепелкин познакомился с М. А. Коростовцевым (1900—1980), в ту пору штурманом дальнего плавания, который в 1935 году в Ленинграде начинает заниматься египтологией сначала под руководством В. В. Струве, но вскоре переходит «в ведение» Ю. Я. Перепелкина и становится его первым учеником². Судьбе было угодно распорядиться так, что после кончины академика В. В. Струве в сентябре 1965 года формальное руководство всей советской египтологии и фактическое руководство этой наукой в Москве возглавил М. А. Коростовцев, фактическим же руководителем египтологии в Ленинграде стал Ю. Я. Перепелкин. Эти люди, почти ровесники, обладавшие невероятным умом, широкой эрудицией и по сути «сделавшие себя сами», подходили друг к другу по характерам и темпераментам «как лед и пламень». Личностные взаимоотношения этих двух гигантов отечественной египтологии послужили одной из причин отчуждения и недоброжелательства московской и ленинградской школ, последствия которого не изжиты и по сей день.

¹ См.: Вассоевич А. Л. О Юрии Яковлевиче Перепёлкине и его научных открытиях // Перепёлкин Ю. Я. История Древнего Египта. СПб.: «Летний Сад»; Журнал «Нева», 2000. С. 8—10.

² См.: Там же. С. 29—30.

Если на роль хронографа Ю. Я. Перепелкина может претендовать А. Л. Вассоевич¹, то жизнеописателем академика М. А. Коростовцева мог быть только Ю. А. Рознатовский, опубликовавший еще 18 января 1968 года в газете «Известия» прекрасную статью под названием «Мой профессор» в рубрике «О главном человеке в жизни», а позже, уже после кончины М. А. Коростовцева, обнародовавший самую полную библиографию его работ с примечаниями архивно-библиографического и биографического характера². По моим очень приблизительным подсчетам, М. А. Коростовцеву удалось опубликовать восемь книг, около ста пятидесяти статей, заметок и рецензий, а количество неопубликованного едва ли поддается учету, хотя кое-какие указания на это есть. Да простит меня здесь и ниже за неизбежные неточности Ю. А. Рознатовский. Персоналий, посвященных жизни, творчеству и памяти М. А. Коростовцева, по данным Ю. А. Рознатовского, насчитывается сорок одно наименование. И при всей своей скрупулезности он вынужден отметить, что перечень этих материалов не претендует на полноту, а «сами они — начиная с нескольких строчек посвящения близких Михаилу Александровичу людей и кончая статьями о нем — в лучшем случае — комментарии к истории его удивительной жизни». К слову сказать, и автору данных строк однажды уже довелось по-

¹ См.: *Вассоевич А. Л. Духовный мир народов Классического Востока. Историко-психологический метод в историко-философском исследовании*. СПб.: «Алетейя», 1998. С. 162—189; *Он же. О Юрии Яковлевиче Перепёлкине*. С. 5—54.

² См.: *Ancient Egypt and Kush. In Memoriam Mikhail A. Korostovtsev*. Russian Academy of Sciences. Institute of Oriental Studies. National Orientalists' Association. Nauka Oriental Literature Publishers. Moscow, 1993. Р. 3—34. Книга — сборник статей — вышла фактически в 1995 году тиражом в 600 экземпляров, который в основном ушёл на экспорт.

мянуть «скорбным словом» М. А. Коростовцева среди прочих покойных египтологов¹. Поскольку издание «Ancient Egypt and Kush» найти трудно даже в научных библиотеках, позволю себе привести данные лишь некоторых заметок, посвященных жизни и творчеству этого замечательного человека и ученого:

Коростовцев Михаил Александрович. СЭС. М., 1979. С. 641; То же — 2-е изд. М., 1982. С. 632; То же — 3-е изд. М., 1984. С. 632; То же — 4-е изд. М., 1986. С. 633—634; То же — 5-е изд. М., 1989. С. 641.

Академику М. А. Коростовцеву 80 лет // Вестник Академии Наук СССР. М., 1980. № 8. С. 131—132.

К 80-летию академика Михаила Александровича Коростовцева // Вестник Древней Истории. М., 1980. № 2. С. 210—211.

Примаков Е. М., Павлова О. И. 80-летие академика М. А. Коростовцева // Вопросы Истории. М., 1980. № 4. С. 117—119.

Академик Михаил Александрович Коростовцев (23.IV.1900—21. X.1980) // Вестник Древней Истории. М., 1981. № 1. С. 230.

Михаил Александрович Коростовцев // Вестник Академии Наук СССР. М., 1981. № 1. С. 132.

Памяти Михаила Александровича Коростовцева // Народы Азии и Африки. М., 1981. № 2. С. 248—250.

Павлова О. И. К 90-летию со дня рождения академика Михаила Александровича Коростовцева // Вестник Древней Истории. М., 1990. № 1. С. 238—239.

¹ См.: Четверухин А. С. Пути развития отечественной египетской филологии в последние годы / АН СССР, Ордена Трудового Красного Знамени Институт Востоковедения. Тезисы конференции аспирантов и молодых научных сотрудников. Т. II. Языкознание, литературоведение. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987. С. 154, 157.

Коростовцев Михаил Александрович // Большой Энциклопедический Словарь. М., 1991. Т. 1. С. 633.

Дабы оценить тот вклад, который внес М. А. Коростовцев в мировую и отечественную египтологию, достаточно сказать несколько слов о некоторых из его работ, имея в виду прежде всего монографии, одна из которых повторно публикуется в данном издании.

В 1960 году в серии «Памятники литературы народов Востока. Тексты. Большая серия. Том IV» (Издательство Восточной литературы. М., 1960) был издан египетский иератический папирус № 120 Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве. Монография озаглавлена так: Путешествие Ун-Амуна в Библ. Египетский иератический папирус № 120 Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве / Издание текста и исследование М. А. Коростовцева. В принципе, для того, чтобы издать текст, необходимо опубликовать его фотографию, либо факсимиле, либо его иероглифическую транскрипцию. Сказать несколько слов о том, где и кем он был найден, публиковался ли целиком или частично, кратко описать его внешний вид и степень сохранности, дать собственный перевод. Что же касается комментария, то он полностью зависит от вкусов автора. Основной и минимальной целью его является обоснование позиции автора при чтении тех или иных — в особенности спорных — мест, строк, фраз, слов, знаков. М. А. Коростовцев выполнил все эти требования и намного перевыполнил их с присущим ему размахом. Сначала описывается происхождение папируса как такового. Затем идет русский перевод. Далее следует исторический комментарий. Потом идет филологический комментарий. Затем следует раздел под названием «Глаголы в тексте отчета Ун-Амуна», где автор, по сути говоря, излагает основы грамма-

тики новоегипетского языка. Ниже идет указатель цитируемых строк. За ним следует список сокращений. За этим помещена библиография публикаций, переводов, статей и заметок, посвященных отдельным местам текста (последнее можно было бы и расширить, но автор абсолютно волен в своем выборе). После всего этого идет иероглифическая транскрипция текста, написанного иератикой или скорописью, используемой при письме на папирусе. Таким образом, мы имеем как бы перевод с одной системы египетского письма на другую. Следует подчеркнуть, что такой «перевод» уже давно стал обычным при публикации иератических и демотических текстов ради облегчения текста всем тем исследователям, которые специально не занимались именно данным текстом, поскольку иероглифика гораздо более «прозрачна», чем скорописные виды египетского письма. Наконец, работа завершается фотографическими воспроизведениями оригинала на шестнадцати листах. Такое «сверхполное» издание иначе, как образцовым, не назовешь. Папирус содержит бесценные сведения, касающиеся проблем связей Египта со странами Леванта, в частности, с городом Библом, в 1066 г. до н. э. Весьма примечательны слова правителя Библа, адресованные посланцу Египта Ун-Амуну, ибо они прямо говорят о том, как соседние страны оценивали роль Египта в становлении культуры окружающих стран. И в подлинности этих слов трудно усомниться, хотя, конечно, теоретически мыслимо, что они представляют собой домысел, вставленный автором в свое повествование из чисто политических соображений. Но если рассуждать подобным образом, то можно вообще усомниться в правдоподобности всего того, что написано в этом папирусе. В крайнем случае можно занять и такую позицию: доказать их подлинность невозможно, но доказать обратное тоже невозможно. Воспользуемся «презумпцией невиновности». И

тогда окажется, что этим словам придется верить. Таким образом, читаем следующее: «(2, 19). Ведь Амун (2, 20) создал страны все, он создал их после того, как он создал страну Египет, откуда ты пришел, раньше всего (2, 21). Ведь искусство вышло из нее, чтобы достигнуть моего местопребывания; ведь наука вышла (2, 22) из нее, чтобы достигнуть моего местопребывания». И это сказано при всем том, что к тому времени Библ уже давно не находился под пятой египетских фараонов!

В 1962 году в Издательстве восточной литературы вышла монография М. А. Коростовцева, публикуемая здесь, а именно: «Писцы Древнего Египта». По-видимому, нет особой надобности распространяться о научном значении этого издания, коль скоро читатель сам может перелистнуть страницы этой книги или хотя бы поглядеть на ее оглавление. Более скрупулезного сочинения на эту тему нет и по сей день. Несмотря на сложность темы, книга написана достаточно живым языком и в весьма динамичном стиле, что, не снижая ее научной ценности, приближает ее к широким массам элементарно образованных читателей. Говоря о многогранности древнеегипетской культуры, мы просим читателя обратить особое внимание на главы «Культурная деятельность и творчество писцов», «Египетская культура и окружающий мир» и «Египет и греки». Замечательно и то, что автор приложил к своему сочинению обширные выдержки из оригинальных египетских источников в своем переводе. Это позволит читателю не только вдохнуть аромат давно ушедшей эпохи, но и серьезно вдуматься в смысл самих строк, актуальность которого непреходяща. Но поскольку исследование в известной мере основывается на древнеегипетских «поучениях», то в списке литературы о писцах, вероятно, следовало бы упомянуть и исследование Н. П. Гуля, которое называется «Дидактическая афористи-

ка Древнего Египта» и вышло в Ленинграде в 1941 году под редакцией академика В. В. Струве в «Трудах Коммунистического политico-просветительного института имени Н. К. Крупской», том второй, буквально за несколько дней до начала войны. Насколько мне известно, сам Н. П. Гуль погиб. Его исследование базируется на поучениях Кагемни, Птахотепа, «гераклеополитанца», Аменемхета I, Схотепибре, Ахтоя, письмах-наставлениях, Ани, папируса Честер Битти, Аменемопе и папируса Инсингера. Как бы ни относиться к рассуждениям самого Н. П. Гуля, своего предшественника и соотечественника следовало упомянуть хотя бы в списке литературы. Думается, что определенный интерес эта книга представляет и сейчас. Само же издание «Писцов Древнего Египта» от 1962 года, с которого осуществляется нынешнее переиздание, грешит редакторскими и корректорскими недочетами, свидетельствующими о небрежности и спешке при издании этой книги. Держа корректуру нынешнего издания, мне приходилось в основном исправлять недочеты оригинала. Надеюсь, что нынешнее издание будет выполнено более грамотно, ибо такие пустяки, как перевранная латиница или отсутствие диакритики, сильно портят впечатление от издания, а у специалиста вызывают соответствующее отношение к самому издательству. Не все разделы одинаково доброкачественны. Во всяком случае, взаимодействие египтян и греков, египетских писцов и все усилиявшихся иностранцев были совсем не так просты, как хотел бы считать М. А. Коростовцев. Да и восприятие греками египетской культуры, особенно на раннем этапе греческой экспансии, носило очень поверхностный характер, недаром египтяне презрительно относились к ним как к варварам.

Ярким событием в развитии отечественной египтологии явилась монография М. А. Коростовцева «Религия Древнего Египта» (Издательство «Наука». Главная редакция

восточной литературы. М., 1976; в настоящее время готовится к переизданию «Летним Садом» и «Невой»). Это, пожалуй, самое полное исследование по египетской религии из когда-либо выходивших в нашей стране. Эта книга до сих пор является отличным справочным пособием, «путеводителем» по египетской религии, хотя спорность отдельных мест была очевидна и самому автору. Опять-таки, если акцентировать внимание на многогранности древнеегипетской культуры и на отношении этой культуры к европейской, то стоит, по-видимому, тщательно проштудировать главы «Религиозное мышление», «Египет и Библия», «Религиозное мышление», «Египет и античный мир» и «Египет и христианство». Говоря о спорности или недоработанности ряда положений, следует отдавать себе отчет о том, что в такой тонкой и сложной теме, как эта, содержится много моментов, по которым окончательное суждение не может быть вынесено в принципе. Прежде всего это касается системы египетских представлений о загробном мире (см. главу XVIII «Представления египтян о загробном мире»). Квинтэссенция проблемы — это вопрос о «сущностях» египтянина, по которому мнения исследователей расходятся и по сей день¹. М. А. Коростовцев в свое время сообщил автору данных строк, что долго дожидался того момента, когда его учитель Ю. Я. Перепелкин изложит свои собственные представления о египетской религии, но, устав от пустого ожидания, взял и написал свой собственный труд по этой же теме. По словам М. А. Коростовцева, как он и ожидал, его учитель остался в претензии к нему по ряду

¹ См.: Большаков А. О. Человек и его двойник в египетском мировоззрении Старого Царства. Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук. РГЭ. СПб., 1997; Вассоевич А. Л. Духовный мир народов Классического Востока. С. 162—189.

вопросов, в частности попенял ему за то, что тот мало использовал материал Текстов Пирамид. Здесь уже я сам не выдержал и спросил, почему М. А. Коростовцев сам не занимается интерпретацией Текстов Пирамид, коль скоро пишет такие труды по египетской религии. Мой собеседник лишь сокрушенно махнул рукой и сказал, что Тексты Пирамид, равно как и *Urkunden I*, читал со своим учителем еще до войны. В результате последовавших событий все тетради были потеряны, а сейчас он слишком занят текущей работой и научно-организаторской деятельностью. «Юрий Яковлевич, между прочим, мало того, что является лучшим специалистом по египетской религии в нашей стране, но и лучшим знатоком Текстов Пирамид, и вообще староегипетского языка. Кто мешает ему заниматься египетской религией и Текстами Пирамид? Если администрация Ленинградского Отделения, то пусть скажет мне, я приму меры. Во всяком случае, я ему палок в колеса не ставлю. Вот ему и карты в руки», — так отрезал М. А. Коростовцев, и к этой теме мы больше никогда не возвращались.

Особый интерес представляют собой работы, посвященные египетской филологии. Шедевром в этом научном жанре оказалась монография М. А. Коростовцева «Введение в египетскую филологию», опубликованная Издательством восточной литературы в Москве в 1963 году. Ничего подобного не было создано ни в отечественной, ни в зарубежной научной литературе. Да и сейчас с ней может сравниться разве что работа: *Schenke W. Einführung in die altägyptische Sprachwissenschaft // Orientalistische Einführungen in Gegenstand, Ergebnisse und Perspektiven der Einzelgebiete. Wissenschaftliche Buchgesellschaft Darmstadt. Darmstadt, 1990.* К слову сказать, именно М. А. Коростовцев рекомендовал мне обратить особое внимание на труды этого автора, что было учтено мною в моей работе. Я до сих

пор благодарен М. А. Коростовцеву за этот совет. Но вернемся к «Введению в египетскую филологию». Названия глав говорят сами за себя: I. Египетский язык и его место среди других языков; II. Письмо; III. Язык; IV. Очерк истории языка; Библиография (по тематическому принципу, сорок страниц и несколько тысяч наименований). Именно с этой книги следует начинать свое знакомство с египетским языком. А прочтя ее, следует обратиться к книге М. А. Коростовцева «Египетский язык» (Языки зарубежного Востока и Африки / Под общей ред. проф. Г. П. Сердюченко. М.: Издательство восточной литературы, 1961). Несмотря на то, что «Введение» представляет собой во многом компилятивное сочинение (во «введениях» во что бы то ни было иного и быть не может), систематизация материала, его полнота, доходчивость языка описания, стройность системы в целом и целый ряд деталей — все это заслуга М. А. Коростовцева, и только его. Как, впрочем, и сама идея подобной книги, которая и по сию пору является незаменимым пособием не только для новичка, но и для зрелого ученого. Вторая книга М. А. Коростовцева менее удачна, но только потому, что структура и содержание, как, впрочем, и объем книги «Египетский язык» во многом диктовались нормативными требованиями к описанию любого языка, печатавшегося в этой научной серии. Но при всем том следует обратить внимание читателя на следующее: книга достаточно содержательна, описывает классический египетский язык (или среднеегипетский) и, что очень важно, снабжена самой полной таблицей иероглифических знаков, расположенных по системе А. Х. Гардинера¹. И хотя

¹ См.: *Gardiner A. H. Egyptian Grammar Being an Introduction to the Study of Hieroglyphs. Third edition, revised. Published on behalf of the Griffith Institute Ashmolean Museum, Oxford by Oxford University Press, London, 1966. P. 439—547.*

таблица дается в очень сокращенном виде, в этом смысле работа М. А. Коростовцева намного превосходит работу с аналогичным названием, написанную Н. С. Петровским. Но уж коль скоро мы коснулись этой книги, следует отметить, что тому, кто хочет изучить египетский язык, после штудирования двух вышеуказанных книг М. А. Коростовцева следует обратиться именно к книге Н. С. Петровского и учить египетский язык по ней, используя также «Хрестоматию древнеегипетских иероглифических текстов» М. Э. Матье (текст которой написан рукою Н. С. Петровского и издан в виде факсимиля), выпущенную издательством Ленинградского Университета в 1948 году. К сожалению, сказать про все эти книги, что они представляют собой библиографическую редкость, было бы слабо. Несомненный интерес представляет и очерк М. А. Коростовцева под названием «Среднеегипетский язык», изданный в серии «Языки Азии и Африки. Афразийские языки: Кушитские языки. Ливийско-гуанческие языки. Египетский язык. Чадские языки» (том четвертый, книга вторая. М.: Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 268—297). Это не повторение прежнего издания «Египетский язык», а скорее «концентрированный взгляд» М. А. Коростовцева на египетский язык в целом в результате многолетнего изучения. Работа, безусловно, тоже полезная, причем для лингвиста.

Несколько в стороне стоит монография М. А. Коростовцева, посвященная описанию новоегипетского языка. Это было любимое детище М. А. Коростовцева. К сожалению, она вышла только в «экспортном варианте»¹. Издание подготовлено к печати Ю. А. Рознатовским, который каллиграфически вписал весь египетский текст, занимающий до трети общего объема всей книги (всего 480 стр.). Мо-

¹ См.: *Korostovtsev M. Grammaire du néo-égyptien*. Moscou: Édition «Naouka». Département de la littérature orientale, 1973.

нография издана фотооффсетным способом. Здесь следует отметить, что из всех «египетских языков» М. А. Коростовцев особенно любил новоегипетский, делая акцент на изучении египетского глагола в его разных формах и функциях. По новоегипетскому языку им опубликовано множество статей, перечислять которые здесь просто нет никакой возможности (см. библиографию работ М. А. Коростовцева, составленную Ю. А. Рознатовским). Материал ряда этих статей вошел в состав «Новоегипетской грамматики» М. А. Коростовцева, но многие были написаны уже позже. Если бы кто-нибудь постарался и добыл грант¹, можно было бы опубликовать все эти статьи в каком-нибудь специальном сборнике, ведь многие из них не утратили своего значения. То же самое можно сказать и о «Новоегипетской грамматике», что подкрепляется наличием ссылок на эту работу в трудах зарубежных египтологов. Эта работа пользуется не меньшим уважением, чем две другие грамматики новоегипетского языка².

Ю. Я. Перепелкин, относившийся с неизменным чувством гиперкритицизма к работам своих и зарубежных коллег, выразил похвалу по поводу «Введения в египетскую филологию», правда, не без двусмысленности, восхвалив в основном ее библиографию, но к «Новоегипетской грамматике» отнесся менее снисходительно, заявив автору настоящих строк, что лично он проработал 73 страницы текста этой монографии, дабы исправить ошибки и улучшить ее

¹ Это камень в огород Московской школы египтологов. То, что не они, а петербуржцы занимаются переизданием трудов их учителя, позор для них.

² См.: *Erman A. Neuägyptische Grammatik. 2. Auflage. Leipzig: Verlag von Wilhelm Engelmann, 1933; Černý Ja., Groll S. I. A Late Egyptian Grammar. 3rd ed. Studia Pohl: Series Maior. Dissertationes scientificae de rebus Orientis Antiqui. 4. Rome: Biblical Institute Press, 1984.*

содержание, остальную же часть просто отослал автору, даже не притронувшись. В своей научной деятельности Ю. Я. Перепелкин придерживался известного положения «лучше меньше, да лучше», полагая, что слово, сказанное им, должно пройти через века. Не современникам, а уже грядущим поколениям исследователей суждено будет понять, кто был более прав из этих гигантов отечественной египтологии. Был ли прав Ю. Я. Перепелкин, носивший в голове готовые труды, множество концепций, тьму ценнейших наблюдений, но так мало оставивший после себя в даже письменном виде, не говоря уже о количестве опубликованного. Или же М. А. Коростовцев, человек едва ли менее эрудированный, чем его учитель, и носитель многих интересных и плодотворных идей, но писавший частенько из чисто конъюнктурных соображений, и вместе с тем с трудом, но уступавший в тех случаях, когда оказывалось, что нечто, высказанное им ранее, оказывается неверно в свете иного материала или иных концепций. Но факт остается фактом: столь много в российской египтологии не сделал никто, если судить по количеству опубликованных работ и по «ассортименту» рассмотренных в них вопросов, чем Михаил Александрович Коростовцев.

Надо сказать, что М. А. Коростовцев обладал неимоверным упорством в отстаивании своей правоты, и переубедить его удавалось далеко не всегда. Однако следует принять во внимание, что наука наша очень сложна и выходит на многие смежные дисциплины, а потому неизбежны и альтернативные решения одной и той же проблемы. Так, например, в середине шестидесятых годов актуальной стала тема строя языка в общем языкоznании. Египетский язык, хоть и описан по системе, представляющей языки номинативного строя, при детальном рассмотрении все же оказывается иным. А вот каким? Эргативным или актив-

ным, если следовать советской школе Н. Я. Марра — И. И. Мещанинова — Г. А. Климова? Вот на этой почве произошел диспут сначала в рамках эргативного строя между И. М. Дьяконовым и М. А. Коростовцевым. Я тогда принял сторону И. М. Дьяконова. Позже диспут продолжился, поскольку и позиция И. М. Дьяконова перестала казаться мне убедительной. И. М. Дьяконов был склонен согласиться со мной, но нигде этого не выразил. Поэтому каждый из нас так и остался при своем мнении¹. Это одна из причин того, что мы по-разному смотрим на староегипетский язык — тот, на котором написаны знаменитые Тексты Пирамид.

Возвращаясь к «Грамматике новоегипетского языка», хотелось бы добавить, что грамматики А. Эрмана, М. А. Коростовцева и С. И. Гролл, базирующейся на черновиках Я. Черного, в общем и целом вполне равнозначны, несмотря на то, что каждый автор подходит к одним и тем же явлениям далеко не всегда с идентичных позиций. Не

¹ См.: Коростовцев М. А. Эргативный «падеж» в египетском языке Древний Египет и Древняя Африка // Сборник статей, посвящённых памяти академика В. В. Струве. М.: Изд-во «Наука». Главная редакция восточной литературы, 1967. С. 83—93; Дьяконов И. М. Эргативная конструкция и субъектно-объектные отношения (на материале языков Древнего Востока). Эргативная конструкция предложения в языках различных типов (исследования и материалы). Л.: Изд-во «Наука». Ленинградское отделение, 1977. С. 95—115, особенно с. 115; Четверухин А. С. К определению строя египетского языка старого состояния. Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XX годичная научная сессия АО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). Ч. II. М., 1986. С. 88—94; Он же. Позиция египетского языка в контентивной типологии // Академия Наук СССР. Научный совет по проблемам Африки. Институт Африки. Институт Языкоznания. Язык в Африке: Лингвистические проблемы современной Африки. Вып. II. Компаративистика. Этнолингвистика, культурология, письменность. М., 1988. С. 35—41.

говоря о том, что и круг текстов, на основе которых написаны данные грамматики, не один и тот же. Опять же, каждый автор подробнее останавливается на той теме, которая именно ему кажется наиболее значимой. Что же касается количества новоегипетских глагольных форм и того, какое именно время они выражают, спорят и по сей день, и будут спорить, по-видимому, до тех пор, пока сами не устанут. При изучении новоегипетских текстов, тем более грамматики этого языка, следует пользоваться всеми тремя грамматиками, ибо они прекрасно дополняют друг друга.

Здесь следует сделать отступление от темы и сказать, что до сих пор автору этих строк иногда приходилось «появляться на сцене» исключительно для того, чтобы сделать повествование более живым и показать ярче и выпуклее личности великих ученых ушедшей эпохи, но делалось это вовсе не в целях собственного выпячивания. Не по своей инициативе, но исключительно по настоятельной просьбе издательства я согласился поделиться своими личными впечатлениями о М. А. Коростовцеве и рассказать кое-что, что, вероятно, не зафиксировано другими источниками или самим героем нашего повествования. Писать сочинение на тему «я и такой-то» мне претит. Но если издательство настаивает, то кое-что изложим, ведь оно заказывает музыку.

Еще в 1971 году меня представили Михаилу Александровичу в Институте, куда он приехал по каким-то делам. Сухое крепкое рукопожатие, быстрый оценочный взгляд и все. На начальстве он держался важно и строго, почти сурово. Других, казалось, вообще не замечал. Еще раза два мне приходилось его видеть в нашем институте, здоровались издали, кивком. В 1975 г. вышла моя первая статья, написанная по стандартам ленинградской египтологической школы, с подробными сносками и большими подвалами, т. е. в духе тех требований, которые нам всем предъявлял

Ю. Я. Перепелкин. Естественно, перед тем, как сдать ее в печать, я показал ее Ю. Я. Перепелкину, И. М. Дьяконову, О. Д. Берлеву и Е. С. Богословскому. В целом они ее одобрили, дали кое-какие советы, и я опубликовал ее, приведя в тот вид, который казался мне наиболее надлежащим¹. И, вероятно, перемаслил кашу: даже педантичные египтологи изумились сложности текста, а И. М. Дьяконов, с неизменно присущим ему чувством юмора, покачал головой и изрек: «А что, собственно, и ожидать от египтолога? Наука такая». Но вот эта-то статья вызвала едва ли не гневную реакцию со стороны М. А. Коростовцева, который написал мне, что ничего в ней не понимает и хотел бы поговорить со мной лично. Повод к такой поездке имелся и без того: еще накануне я настоял, чтобы моим научным руководителем по заочной аспирантуре был именно М. А. Коростовцев. Кое-кто из моих ленинградских коллег, понимая, куда я гну в своей статье, напутствуя меня, напустили на меня такой пессимизм, что я с ужасом уехал в Москву, полагая, что живым не вернусь. Там я даже взял такси, чтобы успеть прибыть точно к пяти ноль-ноль вечера на Бережковскую набережную. Выждав на лестнице, когда стрелки покажут пять, я позвонил. Дверь открыл Сам. Едва поздоровавшись и представив меня супруге, он пригласил меня за стол, который буквально ломился от всякой всячины. Сначала разговор не клеился, но после нескольких тостов он пошел как по маслу. Встреча продолжалась в тех же стенах и в том же составе три дня. Я старался меньше говорить, а больше слушать. Михаил Александрович это прекрасно почувствовал.

¹ См.: Четверухин А. С. Наблюдения над староегипетскими предлогами и генитивным управлением АН СССР. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Том III. Africana. Африканский этнографический сборник. Вып. X. Л.: Наука, 1975. С. 131—143.

вал, но с пониманием отнесся к такой позиции. Тогда он принял меня расспрашивать, наставлять, поучать, делая это в довольно мягкой манере, дабы не ущемить мое самолюбие, и пускался в воспоминания. Зашла речь, естественно, и о моей статье, и тут мы полезли в дебри египетской и афразийской грамматики. Михаил Александрович подивился моим знаниям, но еще более — горячности, с которой я отстаивал свои позиции. Не знаю, насколько мне удалось убедить его в своей правоте, но вот такую фразу я запомнил: «Даю вам полный зеленый свет. Занимайтесь, чем хотите. Статьи можете присыпать мне. Каковы будут статьи, таковы будут и рецензии». Остальные рецензии были намного лучше. В домашней обстановке Михаил Александрович предстал совсем иным, чем в Институте. Только здесь я сумел оценить мудрость этого человека, щедрость его натурь, темпераментность и вспыльчивость, но и умение обуздывать свои эмоции и прислушаться к собеседнику. Любопытно и то, что Михаил Александрович мог вывернуть своего собеседника наизнанку и вытряхнуть из него все, что считал для себя нужным. И уж, конечно, я сильно поразился, поняв, что Михаил Александрович, оказывается, знает не только обо мне, но и о моих родственниках столько, что я даже не предполагал. Очень хорошо готовился Михаил Александрович к беседе с новыми людьми, если, конечно, они представляли для него интерес. С тех пор наши отношения носили ровный и доброжелательный характер, хотя это не значило, что не было споров, разногласий или даже стычек.

Вдаваться в подробности биографии М. А. Коростовцева едва ли имело бы смысл, поскольку гораздо лучше меня о них осведомлен Ю. А. Рознатовский. Не говоря уже о персоналиях, в которых изложено много того, о чем мы с Михаилом Александровичем вообще никогда не говорили.

Отмечу лишь некоторые моменты. Происходил М. А. Коростовцев из семьи кадровых военных. Его отец и сам он приняли советскую власть безоговорочно. Деятельность свою матросом Михаил Александрович начинал в Российском Обществе Пароходства и Торговли, где быстро дослужился до боцмана, что закрепилось за ним в качестве клички на всю жизнь. Египтом бредил с детства. Отчасти и поэтому пошел в матросы: иначе в то время из Советской России в Египет было просто не попасть, не порывая с родиной. Переписку с Б. А. Тураевым, действительно, вел, будучи еще гимназистом. Но революция и гражданская война перевели жизненные планы в несколько иную плоскость. Надо было жить и выжить. С легким сердцем делал карьеру вдали от любимой науки — по партийно-политической и партийно-хозяйственной линии. И так до самой войны. Но и от своих планов стать египтологом тоже не отказывался, для того и нашел способ перебраться в Ленинград. С середины тридцатых стал профессионально обучаться египетскому языку, тем более, что диплом о высшем образовании у него уже был: в 1934 году он заочно заканчивает курс Исторического факультета Бакинского Государственного Университета. По рекомендации академика В. В. Струве М. А. Коростовцев поступает научным сотрудником в Институт Истории АН СССР. В Ленинграде его учителями стал и Ю. Я. Перепелкин, который занимался с ним египетским языком, и П. В. Ернштедт, который вел с ним занятия по коптскому языку. С началом войны М. А. Коростовцева мобилизуют на фронт, но оставляют в Ленинграде, где он должен был наладить оборонное производство на заводе Севкабель. В начале блокады М. А. Коростовцев руководил партийной организацией на этом заводе. Продовольственного пайка ему хватало на то, чтобы подкармливать семьи Ю. Я. Перепелкина и

П. В. Ернштедта. Ольга Карловна Ернштедт говорила мне, что он буквально их спас. Почти одновременно Ю. Я. Пеперелкин и П. В. Ернштедт с семьями уехали в эвакуацию в Ташкент, а М. А. Коростовцев — сначала в Москву через Ладогу, а из Москвы — в Египет через Иран. Обладая прямым характером и взрывным темпераментом в сочетаниями с невероятными способностями, М. А. Коростовцев всегда имел как горячих сторонников, так и не менее горячих недоброжелателей. Так было при мне, так было и раньше. Поэтому немудрено, что количество доносов во время его египетской командировки росло и росло. В конце войны активизировал свою деятельность СМЕРШ. И если И. М. Дьяконову буквально чудом удалось избежнуть его «объятий», то М. А. Коростовцеву не удалось. Сначала он был отослан в Закавказье, а затем арестован в Батуми. На эту тему М. А. Коростовцев распространяться не любил. Но намекнул мне, что одни «друзья» его сажали, другие — хлопотали о нем, и столь успешно, что, не отсидев свой срок, он был не только выпущен в 1955 году, но и реабилитирован, что вновь открывало перед ним широкие перспективы. Правда, от работы во внешней разведке он на сей раз решительно уклонился. Я поинтересовался, не носит ли он камень за пазухой против советской власти. Михаил Александрович сказал, что нет, и мне не советовал, прекрасно зная, и не от меня, что я тоже потерпел от ГУЛАГа. «Делайте научную и партийную карьеру и плуйте на все; чему быть, того не миновать», — так советовал мне М. А. Коростовцев. Уже через несколько лет выяснилось, что М. А. Коростовцев был прекрасно знаком с моим братом и другими родственниками в Сухуми по женской линии. Но тогда о них не было упомянуто ни словом. Более того, в том же Сухуми у нас нашлось с ним много общих знакомых. Прообразы некоторых героев Фазиля Исканде-

ра списаны с них. Ничего не поделаешь, южный колорит. Любовь к Кавказу и к Сухуми роднила нас, мы это ощущали, и это обстоятельство, возможно, заставляло Михаила Александровича относиться ко мне более снисходительно, чем к людям иным. Немаловажную роль сыграло и то, что мне приходилось работать вместе с Ольгой Карловной Ернштедт — вдовой П. В. Ернштедта — над подготовкой его рукописей к публикации. Михаил Александрович видел этот сундук и с большим уважением относился к нашей совместной работе. Несколько раз он навещал О. К. Ернштедт на Первой Линии, и я неизменно присутствовал на этих встречах. Когда мне приходилось бывать у М. А. Коростовцева в Москве, они с супругой неизменно передавали какие-нибудь подарки О. К. Ернштедт. И то, что труд П. В. Ернштедта «Исследования по грамматике коптского языка» (Издательство «Наука». Главная редакция восточной литературы. М., 1986) все же увидел свет — одна из заслуг М. А. Коростовцева.

Уважая ум и трудолюбие, образованность и умение себя держать, М. А. Коростовцев ненавидел «мелкодушие», которое, по его мнению, было характерно для большинства представителей ленинградской египтологической школы. Больше всего его не устраивали неоткровенность, предательство, мелочность по пустякам. Нуждаясь в «своем человеке» в нашем кабинете, он никогда не унижался до того, чтобы пытаться вербовать меня в свои информаторы, хотя некоторые коллеги почти откровенно намекали мне на это и даже пытались на этом основании строить против меня кое-какие козни. Что оборачивалось, естественно, против них же самих. Но о покойных «aut bene, aut nihil». Учителем моим Михаил Александрович быть уже не мог в силу нашей территориальной разобщенности, но оттиски и ксерокопии дарил, охотно давал советы и писал рецензии на мои

статьи «на всякий случай», в том числе для издательств. Память о нем я сохранил самую светлую.

Но все-таки, в чем же заключается секрет привлекательности древнеегипетской культуры? Именно с таким вопросом я обратился к Михаилу Александровичу при первой же нашей встрече у него дома. Ответил он на него не сразу. «Видите ли, — сказал он, — ведь большинство из тех, кто впоследствии становится египтологом, родились не в Египте, и не бывали в нем даже, по крайней мере, многие. Кое-кто подошел к египетской культуре чисто эстетически — больно красивы его памятники. Кое-кто пленился фактом древности его культуры. Кто-то, как, скажем, я и Берлев, прочли одну лишь книжку о Египте еще в детстве и заразились этой болезнью на всю жизнь. Но полагаю, что в основе лежит нечто гораздо большее. Посмотрите, ведь в человеческом генотипе заложена биологическая память, в частности та, что реализуется во врожденных рефлексах. Полагаю, что нечто подобное есть не только в отдельно взятой человеческой особи, т. е., так сказать, на индивидуальном уровне. Нечто подобное лежит в генетической памяти тех, кто является носителем высокоразвитой культуры, в том числе нашей, европейской. Посмотрите, ведь латиница и кириллица в конечном итоге восходят к египетскому письму. А взять греческое зодчество — все эти храмы с колоннами? Да что там зодчество — а ваяние, живопись? А медицина, астрономия, математика? Или химия — ведь тоже египетская наука. Ну а вера христианская, наконец. Ведь многими путями формировалась она, но половина из них ведет в Египет. Да и сама основа — единобожие — тоже египетская, хотя, возникнув там, она была почти сразу же отвергнута. Вот и подумайте: неужели же все это не отложилось на некоем уровне нашего “культурного подсознания”? Смотришь, и появляются среди “обычных” людей те, кто, может быть,

неожиданно для самих себя, вдруг проявляет мало мотивированную тягу к Египту. Точнее — в ком взыграет тот самый “атавистический культурный ген”. Они-то и интересуются Египтом, а кое-кому уготована судьба египтолога, трудная судьба».

Я не могу ручаться за «протокольную» точность воспроизведения слов М. А. Коростовцева. Но смысл сказанного им таков. Все это врезалось мне в память. И мне показалось, что этим многое можно объяснить. Действительно, интерес к дальневосточным культурам, к индийской культуре, к местным американским культурам то вспыхивает, то затухает, а интерес к Египту с его древностями носит постоянный характер. Но, может быть, Михаил Александрович несколько переборщил? Даже если согласиться, что культурной доминантой в нашем подсознании является то, что восходит к культуре Древнего Египта, мы все равно вынуждены признать, что сильное влияние оказывала и культура Двуречья, и «более восточные» культуры. При этом я полагаю все же, что многое зависит от того, как мы воспитываемся, на какие культурные ценности ориентировано наше общество, и от того, какую политику проводит наше государство — внутреннюю и внешнюю. Если считает оно для себя престижным воспитывать своих граждан на высоких образцах и традициях, тогда и гуманитарная наука в почете, и книги издаются соответствующие. Проводит оно активную внешнюю политику в Средиземноморье, тогда и интерес к соответствующим странам подогревается. Но вот тут-то и начинается «с одной стороны, с другой стороны». Так, в советские времена границы были закрыты. Зато древневосточная наука, хоть и бедно, существовала, но не вымирала, как теперь. В советские времена публиковалась литература по Древнему Египту, и не только сугубо научная, даже писались научно-популярные книги и издавались не-

которые переводы довольно интересных зарубежных произведений. В наши времена количество переводной литературы значительно возросло, заново публикуются старые, но по-прежнему интересные книги, в том числе и отечественных авторов. Каждая эпоха имеет свои плюсы и минусы. Но сейчас очень многое продолжает зависеть от государства, от его отношения к культуре, науке, образованию, мелкому и среднему бизнесу. Будем скучиться на первые три, тогда даже «культурная столица» быстро дойдет до уровня «Города Глупова», а египтолог вымрет как мамонт. Задавим издательский бизнес, тогда некому и нечего будет издавать. И тогда будущие египтологи, как и прежде, будут выкапывать допотопные издания в редких букинистических магазинах, а за знаниями кататься в дальние страны. Ведь нельзя же в этой мутной и грязной водице до бесконечности крутиться и изворачиваться ни ученому, ни бизнесмену. Высокомерие власть предержащих задушит тех и других. Не дай Бог. М. А. Коростовцев, пройдя очень непростой путь, был всегда оптимистом. Постараемся и мы.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М. А. Коростовцев. Писцы Древнего Египта</i>	3
От автора	5
Глава I. Общие сведения о писцах Египта	8
Глава II. Образование и школа	36
Глава III. Культурная деятельность и творчество	
писцов	74
Глава IV. Проблема авторства в Древнем Египте . .	109
Глава V. Египетская культура и окружающий мир . .	147
Глава VI. Египет и греки	164
Приложение	207
Литература о писцах	247
<i>Ю. Я. Перепёлкин. О происхождении минускульного</i>	
письма	253
<i>Ю. Я. Перепёлкин. Основы египетской раннединастической эпиграфики</i>	309
Список сокращений	336
<i>А. С. Четверухин. Секрет привлекательности древне-египетской культуры</i>	339

Коростовцев Михаил Александрович

ПИСЦЫ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

Научный редактор

А. С. Четверухин

Ответственный за выпуск

И. В. Рак

Художественное оформление и графика

С. А. Булачевой

Компьютерный набор

Е. А. Сотник

Верстка

С. В. Степанова

Корректор

М. А. Логинова

Журнал «Нева»

191186, Санкт-Петербург, Невский пр., 3.

Лицензия ЛР № 03116 от 04.10.1996 г.

Издательско-торговый дом «Летний Сад»

197101, Санкт-Петербург, Большой пр. ПС, 82.

Лицензия ЛР № 065301 от 22.07.1996 г.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 27.12.2000

Формат 60×90 $1/16$. Гарнитура «Академическая».

Усл. печ. л. 23,0. Тираж 2000 экз. Зак. № 3719

Отпечатано с готовых диапозитивов

в Академической типографии «Наука» РАН

199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, 12